Таллинский педагогический институт им. Э. Вильде

В.В. МЮРКХЕЙН

ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКОЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РУССКОГО СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО ГОВОРА МЕХИКООРМА ЭСТОНСКОЙ ССР

10.660 - русский язык

/Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук/

Научный руководитель - академик АН ЭССР, доктор филологических наук, профессор Тартуского государственного университета

П. А р и с т э

Таллин 1970

Оглавление

Введение	стр.	I - 25
I. Историко-этнографическая справка	"	I - 5
2. Двуязычие, условия и степень его развития	"	5 - I6
3. Обзор работ, посвященных русским говорам Эстонии	"	I6 - 20
4. Выбор темы, задачи и значение данного исследования	"	20 - 24
Глава первая:		
Фонетическое и фонологическое описание говора	"	25 - I33
I Система гласных фонем	"	27 - 78
А. Гласные фонемы под ударением	"	27 - 42
I. Фонетическая характеристика фонем и их главных вариантов	"	28 - 37
Фонема /а/	"	29 - 30
Фонема /о/	"	30 - 32
Фонема /е/	"	32 - 34
Фонема /у/	"	34 - 36
Фонема /и/	"	36 - 37
2. Положение после некоторых согласных	"	37 - 4I
Таблица гласных фонем под ударением	"	42
Б. Безударный вокализм	"	43 - 73
I. Вокализм I-го предударного слога	"	43 - 56
Положение в абсолютном начале слова	"	44 - 46
Положение после парных твердых согласных	"	46 - 50
Позиция после парных мягких согласных	"	50 - 53
Положение после шипящих и аффрикат	"	54
Схема вокализма I-го предударного слога	"	55
2. Положение во 2-м предударном слоге	"	56 - 62
Положение в других предударных слогах	"	62 - 64

3. Гласные фонемы в заударных слогах	стр.	64 - 73
Выводы по вокализму	"	73 - 78
П Консонантизм	"	79 - I30
А. Состав согласных фонем	"	79 - 8I
Б. Система согласных фонем	"	8I - I30
I.Задненёбные согласные	"	8I - 86
2.Губные фрикативные согласные	"	86 - 88
3.Смычно-проходные боковые согласные	"	88 - 9I
4.Аффрикаты /ц/ и /ч/	"	9I - 96
5.Шипящие согласные /ж/ и /ш/	"	97 - 99
Долгие шипящие	"	98 - 99
6.Твердые и мягкие согласные	"	99 - II5
Положение перед фонемой /и/	"	I02 - I04
Положение перед фонемой /е/	"	I04 - I07
Положение перед согласными	"	I07 - II0
Внепарные по твердости-мягкости согласные фонемы	"	III - II5
7.Согласные глухие и звонкие	"	II5 - I22
8.Лексикализованные фонетические явления	"	I22 - I24
9.Комбинаторные изменения звуков	"	I24 - I28
Выводы по консонантизму	"	I28 - I30
Выводы по главе	"	I3I - I33
Глава вторая:		
Морфологический строй говора	"	I34 - 280
I Имена существительные	"	I34 - I80
I. Формы рода	"	I34 - I40
2. Число имен существительных	"	I40 - I43
3. Категория одушевленности/неодушевленности	"	I43 - I44
4. Склонение имен существительных	"	I44 - I80
Первый тип склонения	"	I46 - I50
Второй тип склонения	"	I5I - I60
Третий тип склонения	"	I60 - I64
Четвертый тип склонения	"	I64 - I75
Имена существительные, стоящие вне типов склонения	"	I75 - I77

П Имена прилагательные	стр.	I80 - 200
I. Разряды имен прилагательных	"	I80 - I82
2. Акцентологические особенности	"	I82 - I83
3. Образование имен прилагательных	"	I83 - I85
4. Склонение имен прилагательных	"	I85 - I94
Твердая разновидность склонения	"	I87 - I92
Мягкая разновидность склонения	"	I92 - I94
5. Формы сравнительной степени	"	I94 - I96
6. Притяжательные прилагательные	"	I96 - I98
7. Субстантивация имен прилагательных	"	I99 - 200
Ш Местоимения	"	200 - 2I8
I. Личные местоимения	"	200 - 202
2. Предметно-личное местоимение	"	203 - 208
3. Неличные местоимения	"	208 - 2I6
IУ Имя числительное	"	2I8 - 225
У Глагол	"	225 - 277
I. Формообразовательные разряды	"	227 - 236
2. Формы инфинитива	"	236 - 238
3. Личные формы глагола	"	238 - 244
4. Формы времени	"	244 - 246
5. Формы повелительного наклонения	"	246 - 247
6. Условное наклонение	"	247 - 248
7. Категория вида	"	248 - 258
8. Категория залога	"	259 - 262
9. Причастия	"	262 - 266
I0. Деепричастия	"	266 - 275
Выводы по главе	"	278 - 280
Заключение	"	28I - 288
Библиография	"	289 - 3I0
Сокращения, принятые в библиографии	"	3II
Приложение		I - XI
Карта исследуемой местности		I
Образцы речи местных старожилов		П - XI

В В Е Д Е Н И Е

I. Историко-этнографическая справка

Село Мехикоорма расположено в юго-восточной части Эстонской ССР, на западном берегу так называемого Тёплого озера, соединяющего Чудское и Псковское озёра. Ширина озера около Мехикоорма в настоящее время 2 км 800 м, но еще в начале нашего века достигала всего лишь I,5 км.[I] По старому административному делению село относилось к волости Меекси уезда Вырумаа.[2]

Название села Мехикоорма официально закрепилось в начале I8 столетия вместо русского Измена или Изменка (в старых немецких источниках Ismeene, Usmen).[3] Названия Измена и Изменка появились, видимо, в результате народной этимологии вместо более древнего Узмень, возникшего от географического понятия. В древности так называлось всякое узкое место между двумя берегами[4] и, в частности, Теплое озеро в целом. Переходная форма этого названия - Измень, наряду с Измена, встречается в I Псковской ле-

---

I Eesti maateadusline, majandusline ja ajalooline kirjeldus. I. Tartumaa, Tartus, 1925, стр. 38.

2 Üleriikline asumite nimestik, Tallinn, 1923, стр. 274.

3 Eesti Maateaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus. II. Võrumaa, Tartu, 1926, стр. 341.

4 И.И.Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. Ш, СПб., I903, стр. II7I.

тописи при описании встречи Софьи Палеолог псковскими посадниками и боярами в I473 г. Вероятно, к тому времени Изменой уже называлось какое-то место или поселение на суше, поскольку царевна "... приехаша скоро пред обедом в неделю в II день на Изменъ...", псковичи же "... вышедше из насадов... к ней челом ударили..."[I] В старейшем инвентаризационном списке I582 года Мехикоорма, или Измена, числится центром одного из I0-и важнейших приходов Тартуского епископства.[2] Это дает возможность предполагать наличие постоянного поселения на месте нынешнего Мехикоорма или в его окрестностях не только в конце I5-го века, но и в более ранний период.

Местная легенда приписывает название Изменка событиям I242 г. Однако Ледовое побоище, видимо, происходило несколько северо-восточнее, у противоположного берега Чудского озера.[3] К тому же, едва ли в то время на месте Мехикоорма существовало поселение. В "Историческом атласе Эстонии,"[4] а также на карте заселения территории Эстонии, составленной на основании ар-

---

[I] Полное собрание русских летописей, Изд. Археографической комиссии, т. IУ, СПб., I848, стр. 244 - 245.

[2] Eesti Maateaduslik..., стр. 340.

[3] Э.К.Паклар, Где произошло ледовое побоище? - Исторические записки, I95I, № 37, стр. 305 - 3I6.

[4] J. Jensen, Eesti ajalooline atlas, Tartu, 1933, стр. 9.

хеологических данных,[I] не зафиксировано каких-либо поселений в этой местности в начале XIII века.

В литературе до сих пор остается неясным вопрос о времени поселения русских на западном берегу Чудского озера.[2] Можно согласиться с Т.Ф.Мурниковой в том, что первоначально русские из новгородских и псковских земель приезжали на сезоны рыбной ловли, и постепенно временные поселения превратились в постоянные.[3] По всей вероятности, таким путем возникло и поселение Узмень, а затем - Изменка. Основателями села могли быть выходцы из ближайших новгородских и псковских земель, которых привлекла не только богатая рыбой, но и удобная для лова часть озера. В этом месте озеро замерзает позже, чем Чудское и открывается раньше.[4] Противоположный берег, местность настоящих Тетериц и Пнева, был дикой болотистой топью.[5]

I Х.А.Моора, Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. - Вопросы этнической истории эстонского народа, Таллин, 1956, стр. 136.

2 К.И.Козлова, Русские западного побережья Чудского озера. - Труды Института этнографии, т. 23, М., 1954, стр. 152.

3 Т.Ф.Мурникова, Русские говоры в Эстонии. - Уч. зап. Латвийского гос. университета им. П.Стучки, т. 36, Рига, 1960, стр. 47 - 48.

4 Kas tunned maad, Tallinn, 1965, стр. 575 - 576.

5 Э.К.Паклар, Указ. сочин. стр. 313.

В Мехикоорма с незапамятных времен живут потомственные рыбаки. Первоначальное русское название села позволяет предполагать, что первыми постоянными жителями были русские.

Наряду с русскими, в Мехикоорма в течение ряда столетий проживают эстонцы, основным занятием которых является сельское хозяйство. Эстонское население могло появиться в данной местности не ранее конца I3 в. К этому времени начинается внутренняя колонизация и продвижение населения на пустовавшие до того времени мало пригодные для жилья и обработки земли Чудского побережья.[I]

Впоследствии эстонское, но в большей степени русское население пополнялось выходцами из разных мест. Языковые данные свидетельствуют о приходе значительной группы населения из юго-западной Псковщины.[2] Как свидетельствуют исторические данные, в Псковской земле с I4 в. было распространено бегство крестьян с земли, усилившееся во время опустошительной ливонской войны.[3] Интенсивное переселение на земли вокруг Чудского озера отмечается после присоединения Лифляндии и Эстляндии в Северную войну. Переселенцы шли из западных русских земель, в

[I] Х.А.Моора, Вопросы сложения эстонского народа ..., стр. I33.

[2] См. выводы по главам и Заключение.

[3] А.Васильев и А.Янсон, Древний Псков, Л., I929, стр. I7, 3I; Б.Д.Греков, Крестьяне на Руси, ч. I, М., I952, стр. 460.

том числе и из Псковской.[1] Причиной бегства были гонения на старообрядцев, крепостная зависимость и солдатчина.[2]

В настоящее время в Мехикоорма насчитывается около 400 жителей. Русские и эстонцы составляют примерно две равные половины.

До недавнего времени в типе и планировке жилищ наблюдались заметные различия между эстонской и русской частями села.[3] Русская часть села называлась Старой деревней и тянулась вдоль берега озера в виде длинной улицы с постройками по обеим сторонам. Планировка двора характеризовалась замкнутым четырехугольником, типичным для русских не-старообрядческих деревень Причудья. Внутренняя часть двора до сих пор носит название мурок. Эстонская часть села имела разбросанный тип с планировкой усадеб, характерной для южной Эстонии. Новые постройки не сохраняют старых национальных типов. Сейчас село заметно разрослось и не делится на части по национальному признаку, дома русских и эстонцев перемежаются.

2. Двуязычие, условия и степень его развития

Среди русского старожильческого населения развито двуязычие, или билингвизм. Теоретические основы билингвизма, зало-

---

[1] П.Г.Пшеничников, Русские в Прибалтийском крае, Рига, 1910, стр. 6.

[2] К.И.Козлова, Русские западного побережья ..., стр. 152.

[3] Eesti Maateaduslik..., стр. 332.

женные У.Вайнрайхом[I] и Э.Хаугеном[2], развивались и уточнялись целым рядом ученых.[3] Свой вклад в разработку вопросов двуязычия внесли и отечественные исследователи.[4] Однако, несмотря на

I U. Weinreich, Languages in Contact, New York, 1953.

2 E. Haugen, Bilingualism in the Americas. A Bibliography and Research Guide, Alabama, 1956.

3 A. von Weiss, Hauptprobleme der Zweisprachigkeit. Eine Untersuchung auf Grund deutsch/estnisch Materials, Heidelberg, 1959; L. Zawadowski, Fundamental Relations in Language Contact. - Biuletyn Polskiego Towarzystwa Jezykoznawezego, XX, Wrocław-Warszawa-Krakow, 1961, s. 3 ff.; B. Havránek, Zur Problematik der Sprachmischung. - Travaux linguistigues de Prague, Vol. 2, Prague, 1966, стр. 8I - 95.

4 Л.В.Щерба, Восточнолужицкое наречие. Т. I. - Записки историко-филологического факультета Петроградского университета, Пг. I9I5; он же, Очередные проблемы языковедения. - Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I, Л., I958, стр. 5 - - 25; Е.М.Верещагин, Заметки и монографии У.Вайнрайха "Языковые контакты". - Вопросы порождения речи и обучения языку, Изд. МГУ, I967, стр. II8 - I40; он же, О проблеме заимствования фонем. - Язык и общество, М., I968, стр. I6I - I70; В.Ю.Розенцвейг, О языковых контактах. - ВЯ, I963, № I, стр. 57 - 67; он же, Динамика языковых контактов. - Материалы конференции "Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е.Д.Поливанова", т. I, Самарканд, I964, стр. II4 - - II5; P. Ariste, Ühest keelekontakti juhust. - Keel ja Kirjandus, I962, № 9, стр. 550 - 556; он же, Kolm kohalikku keelt. - Keel ja Kirjandus, I969, № 3, стр. I40 - I48; Л.Х.Даурова, Двуязычие, его виды и этапы развития. - Статьи и исследования по русскому языку. Уч. записки МГПИ им. В.И.Ленина, К 240 М., I964, стр. 3 - 25.

обширную опубликованную литературу о билингвизме многих народов, среди языковедов до сих пор нет единого мнения о понятии билингвизма.

Под двуязычием мы понимаем такое социальное явление, при котором определенный языковый коллектив традиционно пользуется двумя языками (генетически разными или близкими), причем второй язык (не материнский) служит средством общения не только с внешним миром, но и в кругу семьи. Мы не считаем типичным для билингвизма так называемый рецептивный билингвизм, т.е. такое положение, когда человек только понимает речевые произведения, принадлежащие вторичной системе.[I] В этом случае затруднительно ограничить само понятие билингвизма, поскольку билингвом можно назвать каждого, кто изучал иностранный язык в школе или некоторое время жил по соседству с представителями других народностей. Указанное явление вероятнее рассматривать как предпосылку для развития билингвизма.

Носители русского говора Мехикоорма осваивают эстонский язык с детства, и часть из них владеет не только местным диалектом, но и литературной формой эстонского языка, что объясняется историческими условиями, которые, как известно, влияют не только на характер контактирования, но и на "результаты общения языков".[2]

[I] Е.М.Верещагин, О проблеме заимствования фонем, стр. I63.

[2] В.А.Звегинцев, Очерки по общему языкознанию, М., I962, стр. 204 - 205.

Двуязычие в нашем говоре возникло, по всей вероятности, естественным путем, как жизненная потребность. Этот тип двуязычия Л.В.Щерба определяет как смешанное двуязычие, вызванное взаимодействием двух народов и двух языков как необходимость в средстве общения.[I]

Толчком к развитию билингвизма в рассматриваемой местности мог явиться обмен продуктами производства, поскольку еще лет 40 - 50 тому назад существовала строгая дифференциация труда между эстонским и русским населением: русские занимались рыболовством, эстонцы - сельским хозяйством.

Так как русское население не было старообрядческим, контакты с окружающей эстонской средой могли возникать свободнее. Однако для первого этапа в развитии билингвизма характерно такое положение, когда вторым языком владеет незначительная часть общества и рамки его функционально ограничены.

Дальнейшее развитие билингвизма определяется расширением границ соприкосновения языков, что в нашем случае было вызвано смешанными браками, распространением лютеранства и просвещения. Смешанные браки ввели эстонский язык в сферу семьи и быта, сделали его обиходным, он стал усваиваться с детства. При смешанных браках русские переходили в лютеранскую веру, эстонцы - в православную.

Лютеранская церковь осуществляла в крае первые шаги просвещения. В 1687 г. шведское правительство предписало ливон-

---

[I] Л.В.Щерба, Очередные проблемы языковедения, стр. 7.

скому дворянству содержать приходские школы.[1] Вследствие этого была открыта школа и в Мехикоорма. В 1777 г. в ней обучалось 18 детей, и на каждый двор приходился один грамотный человек.[2] Надо полагать, что и дети из русских семей обучались в этой школе. Обучение велось, видимо, не на русском языке. В этих условиях русские выходцы, основавшиеся в Прибалтике, могли сохранить свой язык и обычаи в том случае, если они селились большими группами. Отдельные личности и мелкие группы пришельцев растворялись среди местного населения.[3]

После Северной войны приток русских и расселение их вокруг Чудского озера увеличились. Однако Прибалтийский край в целом ещё надолго оставался отделенным "непроницаемой стеной" от коренной России. Русская культура и язык долгое время находились в полном пренебрежении.[4] Русская приходская школа была открыта лишь в 1848 г. в Ряпина (18 км от Мехикоорма - В.М.), и в ней обучалось в первые годы всего 7 - 8 детей.[5] В Мехикоорма русская школа открылась в 1882 г.

---

1 П.Г.Пшеничников, Указ. сочин., стр. 20.

2 Eesti Maateaduslik..., стр. 345.

3 П.Г.Пшеничников, Указ. сочин., стр. 8.

4 Там же, стр. 4 - 5.

5 N. Hindov, Ap. Õigeusu Räpina kogudus 1752 - 1937, Tartu, 1937, стр. 38.

До отмены крепостной зависимости рыбаки вносили оброк местным баронам-землевладельцам рыбой, позже - деньгами.[1] Это обстоятельство явилось толчком для отходничества. Большинство отходников - каменщики, по-местному мурники. С конца 19 в. вплоть до 1940 г. широко практиковалось батрачество детей и подростков на эстонских хуторах.

Условия изолированности от основной массы русского населения, а также расширяющаяся сфера взаимодействия с эстонцами качественно меняют владение как вторым языком, так и традиционным, в который могли проникать не только лексические элементы, но и отдельные артикуляционные навыки чужого языка.[2]

С 1918 г. данная местность отходит к Эстонской буржуазной республике. Русский язык оказывается в несколько зависимом положении по отношению к эстонскому. В 30-х годах наблюдается заметная эстонизация русского населения по всей Эстонии. Часть русских меняет свои фамилии на эстонские. Некоторое неравенство наблюдается и в народном просвещении. В то время в селе функционировали 4-классная русская и 6-классная эстонская школы.

В настоящее время Мехикоорма - центр рыболовецкого колхоза. С 1944 г. население обслуживает библиотека с фондом книг на обоих языках. Среди читателей есть не только молодежь,

---

[1] К.И.Козлова, Указ. сочин., стр. 153.

[2] Л.Х.Даурова, Указ. сочин., стр. 11.

но и пожилые люди. Построена новая 8-летняя русско-эстонская школа. В 1958 г. открыт дом культуры, в котором работает русско-эстонский хор, демонстрируются фильмы, выступают заезжие артисты, проводятся читательские конференции и др. Почти в каждом доме есть радио или телевизор.

Старинная народная обрядность в селе сохранилась мало. Жители старшего и среднего возраста, как очевидцы и участники, рассказывают о некоторых обрядах сватовства (приезд кашников, расчесывание волос невесте, продажа красы), гаданьях на святках, обрядах, связанных с первым выгоном скота в поле, празднованием эстонских Мартынова и Екатерининого дня (хождение ряженых с танцами и песнями, откупы). Характерно, что в Мехикоорма среди русских соблюдалась как русская, так и эстонская народная обрядность (отголоски этого наблюдаются и сейчас).

Между русским и эстонским населением существуют вполне дружеские отношения. Даже старики не помнят каких-либо столкновений на национальной почве.

Коммуникативные функции русского и эстонского языков не имеют четких разграничений. Так, политическая и культурная жизнь осуществляется на обоих языках, административная и производственная - преимущественно на эстонском. В "самых русских" семьях (местное выражение - В.М.) члены семьи между собою говорят по-русски, но довольно свободно, как бы не замечая этого, могут переходить на эстонский язык. Собираясь большими группами и обсуждая повседневные дела или какие-либо события, жители села употребляют оба языка. Молодёжь из старожильческой среды

знает оба языка и пользуется ими равноправно. Поскольку в селе имеется лишь 8-летняя школа, то русская молодежь нередко продолжает свое образование или получает специальное на эстонском языке. На этом же языке, как правило, обучаются дети из смешанных семей.

Разговаривая на родном языке, русские иногда включают в свою речь отдельные эстонские лексемы. Как показывают наблюдения, подобные включения происходят по трем причинам. Во-первых, когда забывается русское слово, а его эстонское соответствие более употребительно в говоре, например: вимба-кала как ён па-руськи-та ни зашто ни придумаю, вимбаф мала пападаицца (эст. заимствование vimb 'тарань' морфологически освоено как существительное женского рода, kala 'рыба'); я и па начам ни гашу агня - баюс ваймузит (эст. слово vaim 'привидение, дух' употреблено в форме партитива, закономерного после глагола бояться); дажы выйстус, как эта - саривнавания между сибя устраивали (от эст. võistlus 'соревнования').[I] Во-вторых, эстонское слово включается в канву русской речи потому, что кажется говорящему более выразительным, семантически емким. Ср. он тут сам вырас когематту (эст. kogematu 'случайно, сам по себе'); соль имбуб все (эст. imbub - форма 3-го лица ед. числа глагола

[I] В данную группу слов мы не включаем финно-угорские и в частности эстонские заимствования старшей поры, как например: карзить (каржу) 'расчесывать шерсть', трепка 'лестница', копель или копля 'выгон' и др.

imbuma 'проникать, пропитывать'); кагда тунг, то ф перву очырыть тартуских сажают (эст. tung в данном случае 'натиск, толчея' при посадке на автобус). В-третьих, когда новые понятия проникают в говор через эстонский язык, а их русские обозначения приходят позже или остаются неизвестными. Это в основном неологизмы нашего времени, например: у нас имеится раматукогунукогу, апсуждаим разныи вапросы (эст. raamatukogunõukogu 'читательский актив, совет библиотеки'); с дитям тожы праводим кирьяндусхоммик (эст. kirjandushommik 'литературный утренник'); в музеум зделали полный мудель запаса 'в музей сделали полную модель сетей' (ср. эст. muuseum, mudel); дети у миня славные в ноорте раматусыпрадеринг ходят (эст. noorte raamatusõpradering 'кружок молодых друзей книги'); с таким как ломакасватая часта праводим биседы (эст. loomakasvataja 'животновод').

В отдельных случаях к эстонскому языку прибегают для пояснения местных (русских) диалектных слов: с воннай страны значыт вяльяс поолт (эст. väljas poolt 'снаружи'); па-нашыму па-дирявеньски-пясуки, истонцы называют хюрулад (от южно-эст. диалектного hürrül, pl. nom. - hürülä).

Включения эстонских частей фраз в границах одного высказывания обычно редки и, как правило, стилистически оправданы, например - Он гаварит: Manni, ole hea laps, mine pane värava kinni 'Манни, будь хорошим ребенком, иди закрой ворота'. В данном случае говорящий стремится передать речь эстонца в оригинале.

Несмотря на то, что коммуникативные возможности эстонского и русского языков в нашем случае можно считать равными

(сфера быта, культурная и производственная жизнь обслуживаются как тем, так и другим языком), произвольное, т.е. семантически и стилистически неоправданное смешение этих языков наблюдается сравнительно редко. Возможно, определенную роль в этом играет нормирующее влияние литературной формы языка, ибо в современных условиях межъязыковые контакты не имеют бинарного характера, в них всегда участвует и во многом определяет та языковая система, в которую входит тот или иной из взаимодействующих диалектов.[I]

Развитие билингвизма в русской среде Мехикоорма, вероятно, переросло так называемый adult bilingualism - взрослый билингвизм,[2] при котором родной язык остается языком семьи, а чужой - для общения с внешним миром. Русские старожилы пользуются эстонским языком как обиходным, наряду с традиционным - русским При этом, необходимо отметить, что второй язык не всегда изучается в детстве через родной. Часто оба языка усваиваются одновременно как отцовский и материнский. Такое положение свидетельствует о периоде наибольшего развития билингвизма в данном языковом коллективе. Аналогичные условия объективно могут создавать предпосылки к смене языка. Отдельные представители смешанных русско-эстонских семей, действительно, ассимилировались,

---

I Л.И.Баранникова, О некоторых особенностях развития диалектов на территории позднего заселения. - Язык и общество, Саратов, 1967, стр. 29.

2 E. Haugen, The Norwegien Language in America, A Study in bilingual behavior, vol. 2, Philadelphia, 1953, p. 287.

полностью перейдя на эстонский язык и эстонский уклад жизни, однако основная масса русских жителей сохраняет свой национальный язык, культуру и формы быта, лишь с некоторым эстонским влиянием.

Исследователи отмечают, что при высокой степени развития билингвизма, когда вторым языком пользуются как обиходным, наряду с традиционным, в последнем могут происходить определенные изменения в результате борьбы сходства и различия в системах контактирующих языков. Он может изменять свои модели под влиянием другого. В речи носителей появляется несвойственный для данного языка акцент, неправильное использование форм времени и вида глагола и другие отклонения.[I] Наблюдения над русским говором Мехикоорма подтверждают эти положения.

Несмотря на то, что в отдельные исторические эпохи то русский, то эстонский язык занимал несколько "привилегированное" положение, их взаимоотношения можно рассматривать как адстратные.[2] Зависимость одного народа от другого была не так значительна, чтоб повлиять на характер и результаты взаимодействия этих языков. Как во время владычества ордена, так и после его падения (I56I г.) в условиях Прибалтики обе группы населения одинаково угнетались. Период буржуазной эстонской республики был слишком кратковременным, чтобы наложить отпечаток на раз-

---

I Л.Х.Даурова, Указ. сочин., стр. II, I4 - I5.

2 В.А.Звегинцев, Указ. сочин., стр. 205.

витие двуязычия. В настоящее время оба языка находятся как бы в состоянии равновесия.

Причинами стойкости русского говора, видимо, надо считать, с одной стороны, активность коммуникативной функции самого говора, с другой - поддержку системы русского языка, вариантом которой является данный говор. Кроме того, более интенсивному смешению могли препятствовать значительные расхождения в структурах двух неродственных языков.[I] Из внеязыковых факторов решающую роль сыграл, вероятно, прилив русского населения после Ливонской и Северной войн.

3. Обзор работ, посвященных русским говорам Эстонии

Известно сравнительно мало публикаций, касающихся русских говоров Эстонии. В лучшем положении оказалась область сложного этнического смешения Ийзаку. Проблема этногенеза населения этой области впервые затрагивалась в конце прошлого века в работе Ю.Трусмана "Исакские полуверцы в Эстляндской губернии".[2] Ю.Трусман полагал, что население Ийзаку сложилось из "потомков древней чуди", пришедших из-за реки Наровы, принявших уже до этого православие и потерявших свой язык и нравы. Русских пере-

---

[I] U. Weinreich, Languages in Contact, стр. 3, I0 - II.

[2] Ю.Трусман, Исакские полуверцы в Эстляндской губернии. - Временник Эстляндской губернии, кн. П, I894. Труды Эстляндского Губернского Статистического Комитета, т. XП, Ревель, I895, стр. 3 - 38.

селенцев из соседних губерний он обнаружил незначительное количество. Предположение о том, что в I2 - I3 вв. в северное Причудье проникла волна переселенцев, состоящая в основном из "ославянившейся води", впоследствии подтвердилось историческими данными.[I] Положение Ю.Трусмана об обратном процессе ассимиляции пришельцев с "чисто эстонским населением", начавшемся под влиянием численно преобладающего католического, а затем лютеранского населения, также нашло подтверждение в работах других исследователей. Так, если в 80-е гг. прошлого века русская речь у "исакских полуверцев" была общепринятой в домашнем обиходе, а в некоторых деревнях женщины по-эстонски совсем не говорили,[2] то в 30-е гг. 20-го в. по-русски говорили только в 20-и деревнях.[3] В настоящее же время русской речью владеет лишь старшее поколение в пяти деревнях. Остальное население полностью перешло на эстонский язык.[4]

I Х.А. и А.Х.Моора, Из этнической истории води и ижоры. - Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений, Таллин, I965, стр. 65 - 66.

2 Ю.Трусман, Указ. сочин., стр. 5.

3 P. Ariste, Korjamismatkal poluvertsikute maal. - Eesti Kirjandus, 1930, стр. 364 - 370; A. Kaldmaa, Iisaku kihelkonna poluvertsikud. - Eesti Kirjandus, 1937, стр. 309 - 337.

4 Х.Хейтер, О русском диалекте в Ийзаку. - Уч. зап. ТГУ, вып. 200, Труды по русской и славянской филологии, т. XII, Тарту, I967, стр. I32.

Вопросы этногенеза двуязычной территории Ийзаку затрагивают в своих работах М.Муст[I] и Х.Хейтер,[2] населения острова Пийрисаар - Т.Ф.Мурникова.[3]

Некоторые фонетико-морфологические черты говора Ийзаку впервые отмечает Ю.Трусман.[4] Более детальную фонетико-морфологическую характеристику этого же говора дают М.Муст[5] и Х.Хейтер,[6] говора острова Пийрисаар - Т.Ф.Мурникова.[7] Обзор основных типов склонения имен существительных говора Мехикоорма сделан В.Мюркхейн.[8] Отдельные языковые изменения, происходящие в системах русских говоров в результате взаимодействия с неродст-

---

I М.Я.Муст, Русско-эстонское двуязычие в северо-восточной Эстонии. - Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений, Таллин, I965, стр. I07 - I08, I24.

2 Х.Хейтер, Указ. сочин., стр. I3I - I32.

3 Т.Ф.Мурникова, Описание русского говора острова Пийрисаар. - Уч. зап. ТГУ, вып. II9, Труды по русской и славянской филологии, т. У, Тарту, I962, стр. 345 - 347; она же, Русские говоры в Эстонии, стр. 5I - 52.

4 Ю.Трусман, Указ. сочин., стр. 6.

5 М.Я.Муст, Указ. сочин., стр. I09 - I23, I25 - I27.

6 Х.Хейтер, Диалектный русско-эстонский билингвизм на территории Эстонской ССР. - Диалектологический сборник, Рига, I968, стр. I4 - 24; она же, О русском диалекте в Ийзаку, стр. I33 - - I42.

7 Т.Ф.Мурникова, Описание русского говора..., стр. 347 - - 363.

8 В.Мюркхейн, Система склонения имен существительных в одном из русских говоров Эстонской ССР. - Диалектологическая конференция по изучению русских говоров Прибалтики. Тезисы докладов, Тарту, I968, стр. 25 - 29.

венным эстонским языком рассматриваются в работах Х.Хейтер[I] и В.Мюркхейн.[2]

Лексика русских говоров Эстонии в определенной мере отражена в "Материалах для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики"[3] и в некоторых статьях.[4]

I Х.Хейтер, Диспалатализация в русском говоре Ийзаку как следствие взаимодействия с эстонским языком. - СФУ, I968, № 3, стр. I69 - I74; она же, Об эстонском влиянии на систему гласных фонем в русском говоре Ийзаку. - СФУ, I968, № 2, стр. I03 - I08.

2 В.Мюркхейн, Влияние эстонского языка на развитие видовых отношений в русском говоре с. Мехикоорма Эстонской ССР. - СФУ, I968, № 3, стр. I75 - I8I; она же, "Децки дети..." - СФУ, I968, № 4, стр. 239 - 242.

3 В.Н.Немченко, А.И.Синица, Т.Ф.Мурникова, Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. - Уч. зап. Латвийского гос. университета им. П.Стучки, т. 5I, Рига, I963.

4 Т.Ф.Мурникова, Из материалов диалектологических экспедиций на остров Пийрисаар (I955 - I960 гг.). - Уч. зап. ТГУ, вып. I04. Труды по русской и славянской филологии, т. IУ, Тарту, I96I, стр. 266 - 272; она же, Личные имена в говоре Причудья (по материалам диалектологической экспедиции I958 г.). - Уч. зап. ТГУ, вып. 78, Труды по русской и славянской филологии, т. П, Тарту, I959, стр. 229 - 238; Л.Э.Альтин, Некоторые топонимические наименования на острове Пийрисааре. - Уч. зап. ТГУ, вып. I04, Труды по русской и славянской филологии, т. IУ, Тарту, I96I, стр. 272 - 277; Е.Рихтер, Заметки о терминах сельскохозяйственных орудий и жилища у староверов Причудья. - Диалектологическая конференция по изучению русских говоров Прибалтики. Тезисы докладов, Тарту, I968, стр. 24 - 25.

Проблема взаимоотношения западнофинских языков со славянскими и в частности с русским освещалась в работах целого ряда авторов.[I]

4. Выбор темы настоящей работы обусловлен следующими соображениями:

I) Район Мехикоорма принадлежит к территории позднего распространения русского языка. Исходя из языкового материала, можно предполагать, что заселение происходило не одновременно и не из одних и тех же мест. Эстонское население появилось на этом участке Причудья также сравнительно поздно. В этих условиях могли возникнуть сложные формы междиалектного и межъязыкового контактирования.

2) Начало взаимодействия русского и эстонского языков происходило в донациональной форме, как контактирование двух неродственных диалектов. В дальнейшем этот процесс протекает при заметном влиянии литературных форм обоих языков.

I М.Веске, Славяно-финские культурные отношения по данным языка. Казань, I890; J.J. Mikkola, Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen sprachen, Helsingfors, I894; Я.Грот, Слова областного словаря, сходные с финскими. - В кн.: "Филологические разыскания", т. I, изд. 2-е, СПб., I876, стр. 470 - 474; J. Kalima, Die Ostseefinnischen Lehnwörter im russischen, Helsinki, I9I5; P. Ariste, Vene laene sõnadest vanemas eesti kirjakeeles. - Keel ja Kirjandus, 1958, nr. 1, стр. 25 - 33; M. Must, Vene-eesti suhete kajastumine lõuna-eesti murrete sõnavaras. Канд. диссертация, Таллин, I954; И.В.Сало, Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии. Канд. диссертация, М., I966.

3) В силу исторических причин исследуемый говор утратил регулярную связь с материнскими диалектами и развивался в обстановке определенной изолированности.

4) Русское население этой местности относительно свободно вступало в контакты с эстонцами.

5) Среди русских старожилов традиционно распространено двуязычие.

5. Задачей нашей работы является синхронное описание фонетико-фонологической и морфологической систем говора. Так как при синхронном рассмотрении языка учитываются определенные изменения, ибо синхронное состояние - это не статичное,[I] поэтому мы будем отмечать актуальные и неактуальные явления, продуктивные и непродуктивные.

Выполнение общей задачи ставит целью решение ряда конкретных вопросов:

I) Определить место данного говора среди диалектов русского языка.

2) Выяснить тенденции в развитии говора, свойственные более крупным диалектным объединениям или русскому языку в целом.

3) Установить специфические черты говора: а) развившиеся в условиях территориальной изолированности от основной массы русских говоров; б) обусловленные контактированием с неродственным эстонским языком.

I Э. Косериу, Синхрония, диахрония и история (Проблема языкового изменения). - Новое в лингвистике, вып. Ш, М., 1963, стр. 147, 342.

4) Выявить сохранившиеся архаичные явления.

5) Проследить фонетико-морфологические изменения, возникшие под влиянием русского литературного языка.

6) Отметить наиболее устойчивые во временном и территориальном отношении диалектные черты.

Изучение русских говоров Причудья представляет несомненный научный интерес как для решения ряда лингвистических проблем, так и для освещения некоторых вопросов истории. Именно здесь на протяжении веков происходило взаимное общение различных племен и народов. Установление языковых связей отдельных групп населения обнаруживает не только длительные языковые контакты древних новгородцев и псковичей с западными финно-уграми, но также пути и время движения больших групп населения из новгородских и псковских земель.

Описание неисследованного до сих пор окраинного говора представляется важным для современной и исторической диалектологии. Сохранившиеся в говоре архаичные формы послужат материалом для исторической грамматики. Кроме того, наблюдения над островным двуязычным говором могут дать материал для решения проблем общего языкознания. Например, роль языковых фактов, распространенных на боковых (маргинальных) и изолированных ареалах для решения вопроса о новообразованиях,[I] степень проницаемости фонетического и морфологического уровней структуры со

[I] В.Пизани, Общее и индоевропейское языкознание. - В кн.: "Общее и индоевропейское языкознание", М., 1956, стр. 112 - - 113.

стороны неродственной системы и др. Описание фонетических и морфологических явлений необследованной еще территории имеет значение для лингвистической географии. Изучение языковых особенностей двуязычной группы населения играет немаловажную роль для социологии, поскольку лингвистические и социологические моменты в двуязычии тесно связаны и взаимообусловлены.[I]

6. Источником исследования послужили личные наблюдения и данные диалектологических экспедиций, проводившихся кафедрой русского языка Тартуского государственного университета в 1963, 1966 и 1968 гг. с участием автора.

Собрано более 300 страниц рукописного материала. В фонетической транскрипции записана речь более 30 человек. Наблюдению подвергалась как монологическая, так и диалогическая речь людей разных возрастов, различного образовательного уровня и общественного положения. Наиболее тщательно изучались речевые особенности лиц старшего и среднего возраста.

Диссертация написана на основе слуховых восприятий. Диалектная речь записывалась на слух или снималась на магнитофонную ленту с помощью магнитофонов "Комета", "Весна" и "Яуза-5". Характерные особенности звуков не исследовались специальными приборами, так как известно, что изучение фонетики какого-ли-

---

[I] М.М.Михайлов, Об изучении проблемы двуязычия. - Язык и общество, М., 1968, стр. 212.

бо языка или говора при помощи приборов невозможно, если неизвестен состав фонем этого языка и основные характеристики фонем. "Чтобы решить объективным методом тот или иной вопрос, нужно суметь правильно поставить этот вопрос, а для этого нужно ориентироваться в фонетической системе изучаемого языка. Такая ориентировка достигается субъективным методом".[I]

Фактический диалектный материал иллюстрируется при помощи фонетической транскрипции и общепринятых диакритических знаков. Два знака ударения ставятся при наличии в слове дополнительного ударения. Согласный йот обозначается буквой й, средний или "европейский" л латинской буквой l, глухой заднеязычный фрикативный - x, звонкий - γ. Долгота согласных передается двойным написанием букв. При морфологическом описании говора фонетическая транскрипция несколько упрощается. Не везде обозначаются варианты и вариации сильных и слабых фонем. В соответствии с l - средним употребляется буква л без знака мягкости. Оглушение и озвончение согласных передается там, где оно имеет место.

6. Диссертация состоит из "Введения" с историко-этнографической справкой, I главы - "Фонетическое и фонологическое описание говора", II главы - "Морфологическое описание говора", заключения, приложения, состоящего из характеристики информаторов и образцов монологической диалектной речи, и библиографии.

[I] Л.Г.Зиндер, Общая фонетика, Л., 1960, стр. 32.

Глава первая

ФОНЕТИЧЕСКОЕ И ФОНОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ГОВОРА

При фонетическом и фонологическом описании говора мы руководствуемся следующими положениями теоретической фонетики и фонологии:

I. Разграничиваются единицы речи - звуки и единицы системы - фонемы. Фонемы и звуки находятся в сложных взаимоотношениях. Звук, являясь материальной реализацией фонемы, помимо фонологически существенных признаков содержит и ряд фонологически несущественных.[I]

2. Исходя из определения фонемы как кратчайшей фонологической единицы, выполняющей функции морфемо- и смыслоразличения,[2] функционирование фонемы рассматривается в морфеме и словоформе. В словоформе функционирует слабая или сильная фонема в зависимости от позиции. В морфеме прослеживается фонемный ряд, представляющий чередование сильной фонемы с соответствующими слабыми.

3. В сильной позиции фонема различает максимальное количество слов и противопоставляется максимальному количеству фонем. При этом фонема реализуется в позиционно обусловленных

I Н.С.Трубецкой, Основы фонологии, М., I960, стр. 45.

2 А.А.Реформатский, О соотношении фонетики и грамматики. - Вопросы грамматического строя, М., I955, стр. 97.

вариантах или аллофонах, обладающих одинаковой различительной способностью и имеющих те же дифференциальные признаки. В вопросах, связанных с учением о позиции, параллельных и перекрещивающихся позиционных чередованиях мы руководствуемся основными положениями, изложенными Р.И.Аванесовым в "Фонетике современного русского литературного языка."[I]

4. При определении фонемного состава, описании содержания каждой фонемы решающее значение имеют различные оппозиции фонем.

5. Выявление состава фонем, их противопоставлений и роли в реализации языковых элементов (морфологических и лексических) не должно затемнять вопроса о физическом проявлении этих противопоставлений, так как "языковые системы с одинаковым количеством фонем и таким же распорядком их взаимосвязей могут тем не менее резко дифференцироваться в фонетическом отношении..."[2]

I Р.И.Аванесов, Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956.

2 С.С.Высотский, Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах. - Очерки по фонетике севернорусских говоров, М., 1967, стр. 7 - 8.

I СИСТЕМА ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

А. Гласные фонемы под ударением

Для ударенного вокализма говора характерно различение трех ступеней подъема (верхний, средний и нижний) и бинарная оппозиция по ряду (передний и непередний).

Как известно, к основным позиционным условиям, определяющим дистрибуцию и фонетическую реализацию отдельных гласных фонем, относятся комбинаторные влияния фонетического окружения и ударение (положение ударенное или безударное). Наименьшую фонетическую обусловленность фонемы имеют в сильной позиции, т.е. в позиции максимальной дифференциации. Для гласных фонем это положение под ударением в абсолютном начале слова перед твердой согласной и между твердыми согласными. В указанных позициях выступает основной вид фонемы.[I] По основному виду в нашем говоре различается 5 гласных фонем: гласные верхнего подъема - нелабиализованная /и/ и лабиализованная /у/, гласные среднего подъема - нелабиализованная /е/ и лабиализованная /о/, гласная нижнего подъема - /а/. В остальных позициях под ударением гласные фонемы выступают в своих разновидностях, качество которых обусловлено их фонетическим положением: мягкостью соседних согласных, положением ударенного гласного в слове или син-

---

[I] Р.И.Аванесов, Указ. сочин., стр. 103 - 104.

тагме,[I] "позиционными условиями самого слова в составе фразы с ее ритмико-интонационными особенностями".[2] Эти разновидности сильных фонем мы будем называть позиционно обусловленными вариантами фонем или аллофонами.

1. Фонетическая характеристика фонем и их главных вариантов (аллофонов)

Для более полного выявления различительных признаков гласные фонемы под ударением рассматриваются в следующих положениях: в начале слова перед твердой согласной - /at /, между твердыми согласными - /tat /, на конце слова после твердой согласной - /ta /, в начале слова перед мягкой /at' /, после твердой перед мягкой - /tat' /, после мягкой перед твердой - /t'at /, на конце слова после мягкой - /t'a /, между мягкими согласными - /t'at' /.[3] Положение гласных фонем в сочетании с некоторыми согласными рассматривается отдельно в конце раздела.

[I] Синтагму мы понимаем как "фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли и могущее состоять как из одной ритмической группы, так и из целого ряда их..." См. Л.В.Щерба, Фонетика французского языка, М., 1963, стр. 86.

[2] С.С.Высотский, Указ. сочин., стр. 12.

[3] Р.И.Аванесов, Указ. сочин., стр. 95.

Фонема /а/

Фонема /а/ реализуется в нелабиализованном гласном звуке нижнего подъема передне-среднего ряда. Мы расцениваем артикуляцию звука /а/ по ряду как более переднюю, поскольку нет оттяжки языка назад, свойственной при произношении звуков /ы/ и /у/. Это артикуляционное различие подтверждается и рентгенографическими данными.[I] В положении /at / звук /а/ произносится с наибольшим раствором рта и большей длительностью, особенно в заимствованиях - а́нна, а́зуни́к, а́lма, а́рми́йа, а́тъмный, а́дри́с, а́кси́л, а́lберт. Кроме того, сходный звук /а/ наблюдается в позиции /tat /, однако с меньшей длительностью звучания и меньшим раствором рта: ра́мы, сат, за́муш, ста́рый, дал, са́мы, кра́пат, пла́тныи. В положении /ta / отмечается минимальное напряжение органов речи при произнесении /а/ - в̓асна́, драва́, сама́, в̓ала́, вада́, н̓асла́, йана́, 'она', жана́.

В начале слова перед мягкой согласной и в позиции /tat'/ выступает аллофон /а̇/, для которого характерна некоторая передвижка артикуляции вверх и вперед в рекурсии, ср. - а̇́ли́ксо (эстонская фамилия), а̇́лка, а̇́лтам, 'альтом', ба̇́йна, 'баня',

---

[I] М.И.Матусевич и Н.А.Любимова, Артикуляция русских звуков под ударением на основе рентгенографических данных. - Вопросы фонетики, Л., 1964, стр. 41.

варим, стали, выступали, ф пари, брали, здали, вана, дайти, мана, парин.

Аллофон /ă/ обусловлен положением после мягкой согласной перед твердой и на конце слова. Он отличается сравнительно интенсивной передне-средней артикуляцией в экскурсии. Интенсивность артикуляции особенно заметна в первом ударном слоге. Ср. - грăзна, тăнут, йăблъки, дăнки 'рукавицы', но: вилăт, дитăм, в дăравнăх, састрăпълас. В абсолютном конце слова и в конце синтагмы указанная артикуляция более длительна, чем в положении /tat /. Ср.: кана дăржали - продъли кана, замлăта была в барона - в них была свайа замлă, тайа змайа на кусит.

Наиболее яркую характеристику имеет аллофон /ă/, отличающийся значительной передвижкой артикуляции вперед и вверх как в начальной, так и в конечной фазе звучания: куплăли, взăт, вăлим, стралăли, тăнит, дăда, зăт, пăтира, глăт 'погляди'.

Таким образом, фонема /а/ представлена в говоре в позиционно обусловленных вариантах /а/, /ă/, /ă/ и /ă/.

Фонема /о/

Фонема /о/ реализуется в лабиализованном звуке заднего ряда, среднего подъема, употребляющемся как после твердых, так и после мягких согласных. В начале слова фонема /о/ может выступать в звуке, имеющем побочную у-образную артикуляцию в приступе - ʸокун, ʸодужйа, 'часть рыболовной сети', ʸострый, ʸокны, ʸон. Интенсивность побочной артикуляции в начале слова колеблется в зависимости от индивидуальности произношения.

В позиции /tat / между передними взрывными и в сочетании с твердым /л/ артикуляция становится напряженной, усиливается у-образная окраска и сам звук приобретает наиболее закрытый характер - тôт, кôлым 'колом', лôтка, кôт, дôты. В сочетании со средним /l / лабиализация проявляется значительно слабее, напряженность спадает и /о/ становится более открытым, ср.: ло́тка - lо́тка, хо́лът - хо́lът, го́лый - го́lый. Наиболее "чистый" вид фонемы /о/ отмечается в неначальных закрытых слогах и в положении /ta /. В этом случае /о/ имеет умеренную лабиализацию, органы речи артикулируют свободно: мало́дый, ва̀сло́м, на̀миро́м 'номером', са скато́м, са̀ло́, тѝжало́, ла̀хко́, акно́, ва̀сло́, давно́, икро́ 'икра', жъла̀зо́ 'железы'.

Аллофон /ȯ/ обусловлен последующей мягкостью согласного. Для него свойственна незначительная передвижка артикуляции вперед и вверх в отступе и у-образный приступ: ʸо́син, ʸо́сим 'восемь', ʸо́зира, ʸо́ттипил, ʸо́ла 'Оля', ф по́ли, в до́ми, во́йлук, то́ншы, ко́лйа.

В позициях /ťat / и /ťa / выступает вариант /ȯ/. Его отличает заметная передне-верхняя артикуляция в приступе и сравнительно слабая огубленность, ср. - во̀сла, ло̀т, та̀но̀ты, съмало̀ныи 'смоленые', за̀ло̀ный, со̀стры, свайо́ва, майо́, кано́м, фсо̀, расто́ 'растет', на̀со̀ 'несет', свайо́, напла̀то̀т, тко̀т, ба̀лйо́.

Качество аллофона /ö/ определяется мягкостью соседних согласных фонем и характеризуется передне-верхним сдвигом в течение всего периода звучания с минимальной выдержкой, лабиализацией без у-образной дополнительной артикуляции, ср. -

насӧти, вадӧти, майӧй, свайӧй, замлӧй, с самиӧй, тӧтинка, ткӧти, пайӧти.

Как показывает материал, фонема /о/ в зависимости от позиции имеет несколько аллофонов: /о/, /о̀/, /о́/ и /о̋/. Что касается [о], наклонного к [у], то мы рассматриваем его как оттенок основного вида фонемы /о/ с фонологически допустимыми изменениями,[I] поскольку эти изменения увеличиваются или убывают в зависимости от характера соседнего согласного.

Фонема /е/

Дифференциальными признаками фонемы /е/ являются передний или передне-средний ряд, средний подъем, нелабиализованность. Фонема /е/ реализуется в звуках от широкого, передне-среднего [э] до более переднего [э̀] и наиболее узкого [е]. Такая дистрибуция аллофонов фонемы /е/ не всегда определяется качеством соседнего звукового элемента. Иногда играет роль и характер самого звука [е].

Так, широкий передне-средний [э] наблюдается в позиции /at / в междометиях эй и эх, местоимениях э́та, э́тат, э́тъка; в заимствованиях и эстонских именах - э́кстра, э́кзам, э́дгар, э́нэ, э́стэр и в изолированном положении в междометии э! Этот же звук отмечается в положениях / tat/ и / ta/ после внепарных твердых согласных - цэ́ну, цэ́лый, на калцэ́, жэ́ншыны, на нажэ́,

---

[I] С.С.Высотский, Указ. сочин., стр. 70 - 71.

шэст, на прашэццьй, шшэпка, ашшэ 'еще'; в заимствованиях - тэмп, hэктар, крэсси (местный сорт яблок и название цветущего растения kress 'настурция' - В.М.), рэт (завод "Пунане РЭТ), купэ.

Факультативно в этих же позициях появляется вариация звука [э] с едва заметной верхне-передней артикуляцией в приступе. Этой разновидности, как правило, предшествует полупалатализованный согласный,[I] в редких случаях [l]-средний. Например: нэт, канэц, нэба, на канэ, канэшна, пэла, свэтла, свэжый, крэпка, прэжный, памэшшык, бэла, бэнный 'бедный', дэла, трэбъват, слэдам, крылэц; в заимствованиях - рэнда 'аренда', трэпка 'лестница', раэрф 'резерв', ракэта, тэхника, пэтэр 'Петр'.

В основном же для позиций /ta / и /tat / характерен аллофон /е/ с и-образной фазой звучания в экскурсии. Ему предшествует палатализованный согласный: дарева, найелас, древна 'старая', немцы, бесы, бенный, дела, лета, снек, сабе, ка мне, атец, да кален, серый, зделу, 'сниму'.

В положениях /at'/ и /tat'/ фонема /е/ выступает в аллофоне /э/, для которого характерно верхне-переднее продвижение артикуляции в отступе, ср. - эти, эви, рэй 'помещение для сушки и обмолота зерна', крэкит 'ягоды терновника', музэй, цэминт, палажэнйа, сражэнйа, жэнитса, вашэй 'вшей', прашэнйа.

[I] Полупалатальность согласного в данном и последующих случаях мы будем обозначать точкой над согласным.

Между мягкими согласными фонема /е/ реализуется в самой передней и закрытой разновидности звука [е], независимо от его происхождения. И-образная артикуляция присутствует в течение всего периода звучания. Этот звук наблюдается в следующих случаях: дéти, клéт 'амбар, кладовая', с камéний 'из камней', дéн, бéрик, сéвир, вéтир, дéнги, надéла, сéдим 'сядем', змéй, пайéдим, мéлница, сéти; в заимствованиях - рéгинт, мéлнайа 'рассеянная'. В этой позиции не зафиксировано велярных или полупалатализованных согласных перед /е/. Это положение, видимо, объясняется общей закономерностью фонетической системы русского языка: особым влиянием мягкости последующего согласного на качественно-количественные свойства звуков [е] и [о].[I]

Таким образом, фонеме /е/ в нашем говоре могут предшествовать мягкие, полумягкие и твердые согласные. Возникновение таких дополнительных признаков, как изменение в подъеме и некоторая напряженность, позиционно обусловлено.

Фонема /у/

реализуется в лабиализованном звуке верхнего подъема заднего ряда. Основной вид фонемы наблюдается в положениях /at /, / tat / и /ta /. Длительность и интенсивность лабиализации

[I] Л.В.Бондарко, Некоторые количественные характеристики неоднородности русских ударных гласных. - Вопросы фонетики, Л., 1964, стр. 54.

звука [у] в этих положениях не одинакова. Наиболее продолжительный и лабиализованный [у] в абсолютном начале слова - у́ский, у́мный, у́тка, у́стйи. Эти качества заметно убывают в /tat/ - шум, куст, тут, пу́стим, гул, рум 'кубический метр', ку́ра, му́рник 'каменщик', су́прйтки. Ненапряженность всего речевого аппарата и слабая огубленность отмечается после твердой согласной в позиции /ta / - кату́, зау́, при́ду́, на угалку́, на канцу́, ф саду́, ван у́ 'наружи, во дворе'.

В положениях /at'/ и /tat'/ возникает аллофон /ў/, с передне-верхней артикуляцией в отступе и спадом огубленности - ў́лий, ў́лица, ў́мир, пўс 'пусть', ру́ский, му́стйи, згўбит, укўсит, кўпит, сўдит, стўпит, ўзинский.

Аллофон /ў/ появляется в позициях / tat/ и /ta /. В этом случае мягкость предшествующего согласного вызывает в звуке [у] более энергичный сдвиг артикуляции вперед в начальной фазе звучания и возвращение в задний ряд во время выдержки и отступа. В период всего звучания звук остается сравнительно узким: фсў, пайўт, кастўмы, тўк 'тюк', дасталўт, салў, курў, канў. После [й] огубленность проявляется интенсивнее - стайў, пайў, салйў, палйў, дайўт.

Между мягкими согласными выступает аллофон /ў̈/. Его характеризует продвижение артикуляции вперед и вверх почти во всей стадии звучания, кроме короткой выдержки в середине, ср. - лў̈ди, слў̈ни, лў̈бит, тў̈бик, на блў̈ди, гарў̈йт, плў̈йот, клў̈нит.

Из материала следует, что фонема /у/ и её звуковые реализации не отличаются от соответствующих единиц литературного

языка.

Фонема /и/

Основной вид фонемы /и/ наблюдается в абсолютном начале слова перед твердой согласной, в положении /ta / и в индивидуальной речи внутри синтагмы на стыке слов. Он реализуется в нелабиализованном звуке переднего ряда верхнего подъема с й-образной артикуляцией в начальной фазе звучания. Например: ил, им, ихна, игры, иглы, иначы 'иначе', ирма, избы, замли, иди, вали, атамни 'отопри', анни 'одни', сали, ани 'они'; в ихнай, с ихнай, с ирай 'с Ирой', к иры 'к Ире', так илам занасло, ты бих напужала, как им ни бажат, так ишол. В положении /ta / й-образная артикуляция не так заметна.

В позиции /tat / звук /и/ становится более узким в приступе. Этот оттенок отчетливее проявляется в начале слова. Ср. старик, таплик 'юго-западный ветер', скатина, йалина 'ель', малина, гаварит, но: сила, мима, витса 'вица', ситка 'тростник', лиза 'Лиза', пива, кинул, нижный, кирка 'церковь', зимный, вихтар 'Виктор'.

Положение между мягкими согласными обуславливает самую узкую разновидность звука /и/. Продвижка артикуляции вверх характерна для всего периода звучания, который отличается наибольшей длительностью. Этот звук прослеживается в следующих случаях: лизин, синий, к василиси, силна, дубили, свили, загнатит 'затопить плиту, печь', сталит 'постилать', насит, вадит, брусники, слизин, 'улитка', ганит 'гнать', утапит, книги.

После твердых согласных выступает вариант /ы/ - нелабиализованный звук, среднего ряда, верхнего подъема: рыба, сыра, тышша, стынна, сыт, мыла, глыпка 'глубоко', палы, ставы, ф трасты, шыпка, шыръчка 'крышка', служыл, глажы 'вид грибов; довольно редко внутри синтагмы на стыке слов - с ырай 'с Ирой', так ым и нада.

Перед мягкими этот звук имеет дополнительную артикуляцию (передвижение артикуляции вперед в отступе) и обозначается как /ы/: памыли, пакрыт, здынит 'поднимет', затынит, рыбина, выбилин, выбили, пылна, аткрыт, жытил, шыли, палажыти, рашыли.

Фонема /и/ в нашем говоре может находиться после мягких и твердых согласных. Дистрибуция её аллофонов /и/, /ӣ/, /ы/, /ы/ определяется не только качеством окружающих элементов, но и индивидуальностью произношения.

2. Положение после некоторых согласных

После заднеязычных согласных гласные фонемы под ударением не приобретают добавочных признаков по сравнению с положением после парных по твердости - мягкости согласных.

Так как в говоре в соответствии с л-твердым употребляется ɫ-среднее, то предшествующие гласные звуки не приобретают дополнительной артикуляции - оттяжки назад и некоторой напряженности, как это имеет место в литературном языке.[I]

[I] Р.И.Аванесов, Фонетика..., стр. 102.

Шипящие /ж/ и /ш/ только твердые, поэтому гласные фонемы в соседстве с ними ведут себя так же, как в сочетании с парными твердыми согласными.

После всегда твердой аффрикаты /ц/ фонема /а/ выступает в звуке более переднего ряда, ограниченно открытом, особенно в конце слова: цар, ацца 'отца', калца, афца. Также менее открытый и длительный звук [э] после /ц/: цэ́ну, цэ́лый, цэ́минт, працэ́нт, на сцэ́ни, афицэ́р, цэ́ркъф, цэ́нтнир, аб ацца 'об отце', в угарцэ́.

Звуки [у] и [ы] после /ц/ не имеют особых оттенков звучания по сравнению с литературным языком, ср.: афцу́, на канцу́, цы́рк, цы́нк, угарцы́, канцы́.

Аффриката /ч/ может быть как совершенно твердой, так и полусмягченной. Это обстоятельство вызывает дополнительные признаки в следующих за /ч/ гласных фонемах. Так, фонема /а/ реализуется широким и непередним звуком (без подъема вверх) после твердой /ч/. При некоторой полумягкости /ч/ звук /а/ становится более переднего образования, несколько сужается и поднимается вверх. Например: ча́ста - ча́ста, час - час. Передне-верхняя артикуляция увеличивается при последующем мягком согласном - нача́лства, пава́нча́лис, ча́сик.

Фонемы /о/ и /у/ обнаруживают также новые оттенки признаков, следуя после твердой или полумягкой /ч/. В данном случае изменения касаются передвижки по подъему и ряду, а также степени лабиализации. Ср. чо́рный - чо́рный, капчо́на - капчо́на, ничо́ва - ничо́ва, абучо́н - абучо́н, чу́нна - чу́нна 'странно, смешно',

чут' - ч̣ут', скапчу' - скапч̣у'.

Фонема /е/ в зависимости от твердости /ч/ реализуется в звуках, отличающихся друг от друга степенью передвижки артикуляции назад, которая перед мягкими согласными возвращается в исходное положение или переходит несколько вперед и вверх в конечной фазе звучания. Например: чэ́сна - ч̣э́сна, зачэ́м - зач̣э́м, чэ́рис' - ч̣э́рис', учэ́нйа - уч̣э́нйа.

Аллофон фонемы /и/ может быть средним после твердой /ч/ и передне-средним после полумягкой /ч̣/: чы́ста - ч̣ы́ста, пачы́ним - пач̣ы́ним, учы́тил' - уч̣ы́тил'.

Примерно в таких же разновидностях вариантов выступают гласные фонемы после долгого шипящего /ш̄/, который произносится чаще как шш, но может произноситься как шч или ш̣ч̣. Например: шша́стйа - шча́стйа - ш̣ча́стйа; зашшышша́т', ушшэ́рп - ушчэ́рп - уш̣ч̣э́рп 'убыток, потеря', ашшэ́рилас' 'рассердилась', шшэ́пка - шчэ́пка - ш̣ч̣э́пка; ваапшшэ - ваапшчэ - ваапш̣ч̣э; шшо́тка, ишшо́ - ишчо́, шшу́ка - шчу́ка; ташшыт' - ташчыт'; плашшыт - плашчыт' - плаш̣ч̣ыт'. Указанные вариации фонем отмечаются не только в одной и той же словоформе или морфеме, но в речи одних и тех же лиц, что свидетельствует об определенных изменениях в системе консонантизма.

После долгого шипящего /ж̄/ гласные фонемы под ударением ведут себя так же, как и после /ж/: жжа́рим, 'сжарим', важжа́ц-ца 'возиться, заниматься', пажжо́на, жжы́рам 'с жиром', ражжы́-лис' 'разбогатели', выйажжа́л, прийажжа́йут.

Материал говора не обнаруживает особых закрытых фонем верхне-среднего подъема: лабиализованной /о̂/ и нелабиализован-

ной /ê/. Как известно, в группе псковских говоров, удалившихся в своем развитии от новгородских, произошло полное совпадение этимологических /ě/ и /е/.[1] Реликтовый [и] на месте старого [ě] отмечается параллельно с [е] в окончании предложного падежа единственного числа мужского рода - на йазыки, на стали, а также в местоимении весь - фси, фсих.

После мягких согласных перед твердыми и на конце слова наблюдается последовательный переход ударенного /е/ (из этимологических е и ь) в [о]: бароза, залоный, вазот 'вяжет', насот, толка, заномшы, варох 'верх', йарош 'ерш', абучон, фсо, майо. Не зафиксировано фактов лабиализации [е] из этимологического [ě]. Эта особенность также сближает наш говор с псковскими акающими говорами, в которых фонема /ê/ под ударением изменилась в /е/ после лабиализации древнего /ě/.[2]

Итак, ударенный вокализм говора Мехикоорма в своих основных чертах сходен с ударенным вокализмом русского литературного языка. Пять гласных фонем /а/, /о/, /е/, /у/ и /и/ различаются по трем ступеням подъема и противопоставляются по ряду в границах верхнего и среднего подъема. Гласные фонемы в сильной

---

[1] К.В.Горшкова, Развитие диалектных различий севернорусских говоров в системе вокализма. - ВЯ, 1964, № 5, стр. 97.

[2] Там же, стр. 99.

позиции, выступая в позиционно обусловленных вариантах или аллофонах, различаются в зависимости от качества соседних согласных и создают параллельные ряды позиционной мены гласных. Так, /а/ чередуется с /ӓ/, /а̀/ и /ä/ - спал, спа́ли, спа̀л, спӓ́ли; /о/ с /ӧ/, /о̀/ и /ӧ/ - кол, ко́лйи, во́л, наво́ти; /е/ с /э/ и /э̀/ - ле́та, де́ти, э́та, шэ́ст, hэ́ктар, рэ́й; /у/ с /ӳ/, /ӯ/ и /ӱ/ - у́тра, йӳ́ку, у́дит, пӯна, лӱ́ди; /и/ с /ы/, /ы̀/ и /ӣ/ - ил, ры́ба, ставы́, здыни́т, слӣзи́н.

Особенностью говора является дистрибуция аллофонов фонемы /е/. Как в заимствованиях, так и в исконно русских словах в позициях /t́a / и / t́at/ могут выступать аллофоны /э/, /э́/ и /е/. Подобные колебания, видимо, возникают не только в силу фонетических процессов родного языка, но и в результате наложения системы эстонского языка. В этих случаях их надо рассматривать как явления интерференции. Позиция /t́at́ / для фонемы /е/ является наиболее устойчивой по отношению к иноязычному влиянию.

Кроме того, положение гласных перед l-средним исключает дополнительный признак - оттяжку артикуляции назад.

Гласные фонемы под ударением и качество их аллофонов показано в следующей таблице:

Осн. вид фонемы	Позиционные варианты							
	at	at'	tat	tat'	ta	t'at	t'at'	t'a
а	а	а̇	а	а̇	а	ӓ	ӓ	ӓ
о	о	о̇	о	о̇	о	ӧ	ӧ	ӧ
е	э	э̇	э	э̇	э	е	е	е
у	у	у̇	у	у̇	у	ӱ	ӱ	ӱ
и	и	и	ы	ы̇	ы	и	ӥ	и

Примечание:

I) В положении после заднеязычных гласные фонемы ведут себя так же, как после парных по твердости-мягкости согласных.

2) После шипящих (в том числе и долгих), аффрикат /ц/ и /ч/ гласные фонемы имеют те же дифференциальные признаки, как и в положении после твердых согласных, за исключением полупалатализованных /ч̇/ и /ш̇/, после которых появляется вариация соответствующей гласной фонемы. Её особенностью является легкая передвижка артикуляции вперед и вверх.

Б. Безударный вокализм

Гласные фонемы в безударном положении, как известно, являются слабыми фонемами. Они различают меньшее количество слов и противопоставляются меньшему количеству фонем, чем сильные.

Фонетическая реализация безударных гласных, особенно гласных неверхнего подъема, в значительной мере зависит от характера ударения, от соотношения ударенного и безударных слогов по экспираторной силе. В русских говорах это соотношение, так же как длительность и движение тона, не одинаково.[I]

Для безударного вокализма исследуемого говора характерным является относительно слабая редукция гласных предударных слогов и конечного открытого заударного слога. Минимальной редукции подвергается безударный гласный, начинающий слово, в том числе и после проклитики. В силу этого на стыке слов, оканчивающихся и начинающихся с гласной, возникает особая долгота звучания, например: на абизáтилна, на атстáним, ни идóт, на апаздáй, ни аннóй 'не одной', ни атпускáли, сáмы аддáли, да абéда.

I. Вокализм I-го предударного слога

В данной фонетической позиции гласные фонемы могут подвергаться качественному изменению. Они противопоставляются по двум

[I] Р.И.Аванесов, Очерки русской диалектологии, ч. I, М., 1949, стр. 58.

ступеням подъема - верхнему и неверхнему. Гласные нижнего и среднего подъема в положении после твердых согласных совпадают в одной фонеме нижне-среднего подъема, реализующейся в нелабиализованном звуке, артикуляционно близком к /а/. В положении после мягких согласных гласная фонема среднего подъема /е/ утрачивает свою различительную функцию, совпадая с гласной нижнего подъема /а/. Изменение гласных верхнего и нижнего подъема незначительны и не приводят к изменению их дифференциальных признаков. Противопоставление по лабиализации сохраняется лишь у гласных фонем верхнего подъема.

Поскольку влияние предшествующего согласного на гласные I-го предударного слога существенно, последующий же согласный играет роль лишь в положении после мягкого,[I] то мы рассмотрим гласные I-го предударного слога в следующих положениях: I) в абсолютном начале слова, 2) после твердых согласных, 3) после мягких перед твердыми, 4) между мягкими согласными, 5) после шипящих согласных, аффрикат /ц/ и /ч/ и долгих шипящих.

Положение в абсолютном начале слова

В абсолютном начале слова этимологические /а/ и /о/ реализуются в звуке /а/, который по звучанию приближается к глас-

---

I Русская диалектология, под ред. Р.И.Аванесова и В.Г.Орловой, М., 1965, стр. 37.

ному полного образования. Это нелабиализованный звук непереднего ряда и более открытый, чем его параллель в литературном языке. Качество гласного под ударением и твердость/мягкость последующего согласного не оказывают заметного влияния на /а/. Так, на месте этимологического /о/ при ударении на гласных верхнего подъема - абу́ли, аны́, ару́жыйа, абу́чат, апчы́стим, аты́шшыти, атли́чный, атры́фки, асу́дат, атсу́да, асту́диш, аткры́тый, апслу́жывам, апу́стат. При ударении на гласных неверхнего подъема - ате́ц, аре́хи, асе́ний, ате́чыска, алда́йти, абра́тна, адна́жды, адна́йа, апа́т, атва́риш, ашпа́риш, аннова 'одного', анно́й, асо́бинна, ако́нчыш, аго́н, ако́пы, адо́жа, ахо́та.

Из гласных верхнего подъема минимально в данной позиции изменяется фонема /у/. При ударении на лабиализованном гласном она приобретает едва заметный дополнительный признак - увеличение огубленности. Например: уснул, услу́га, (к утру́), укро́п, ушо́л, уно́с, усмо́триш, но: уча́стък, упа́л, укра́л, укры́л, уча́ствъвал, уди́лишэ, уста́л.

Фонема /и/ реализуется в звуке наиболее узком перед мягкими согласными - иди́, ири́ска, избы́тка - и менее узком перед твердыми согласными - иду́, ишо́л, изме́нка, ино́й, разных исто́рий. (После предлога или слова с твердым согласным в исходе иногда встречается /ы/ - так ы на́да, в изме́нки, ат избы́, падышпа́н).

Противопоставление /е/ и /и/ в образованиях от корня эст- нейтрализуется в фонеме верхнего подъема /и/, ср. - исто́нийа, исто́нцы, (в исто́нцах, па-исто́нски) исто́нский. В зависимости от индивидуальности произношения в этих словах звук /и/ меняется

от совсем узкого верхне-переднего до передне-среднего. Можно полагать, что в данных заимствованиях перед начальным гласным развилась добавочная й-образная артикуляция ещё в древнюю эпоху, как результат освоения чужой фонемы средствами родного языка. Поддерживающую роль могли сыграть формы с начальным /й/, имеющие место в говоре, - йейу́, йе́тат, йе́ти, йе́стиш. Впоследствии, с развитием аканья в широком смысле слова фонема /е/ совпала с фонемой верхнего подъема /и/. В заимствованиях более поздней поры в рассматриваемой позиции фонема /е/ выступает в звуке нелабиализованном, средне-верхнего подъема, менее широком, чем /э/ под ударением, например - э^{ы}та́ж, на э^{ы}тажу́, э^{ы}та́п.

Положение после парных твердых согласных

В положении после твердых парных согласных и заднеязычных ударенным гласным фонемам неверхнего подъема соответствует слабая фонема /а/ независимо от качества гласного под ударением и последующего согласного. Эта фонема реализуется в непереднем звуке /а/, не так открытом, как в абсолютном начале слова, но более или менее напряженном в зависимости от места I-го предударного слога в слове. Звучание /а/ на первом месте в слове по напряженности приближается к /а/ в ударенном слоге.

Например, на месте этимологических /а/ и /о/, если под ударением гласные верхнего подъема: стары́ный, асталны́ 'остальные', ставы́, па канвы́, квахту́ха, на том баку́, гару́шка, в ваду́, ф трасты́, пачы́ним, калду́н, харани́ли, карзи́на, прасти́ти,

разгариса, садилис, пасматри, пирашки, талстыи, кармитис.

Под ударением гласные фонемы /е/ или /о/: сапог, засофка 'заноза', калодиц, каровы, дарога, пастроили, самаволна, сматрели, микраскопъм, хател, вазмош, пасолиш, силсавет, кансэрвы, киламетръф, па ночым 'по ночам', малодый, патом, смалой, матора, трастой, прабйот, канэшна, падпорли, карол, памэшшык, заботный.

Под ударением /а/: смала, смалат, пракапали, стайали, сашкапъм, киславатый, сухавалъм, скандал, казаки, ариставали, сабака, паправлат, падрат, пастаршы, карала, варата, таннаш 'тоннаж', папала, таргаватса.

В индивидуальной речи гласный 1-го предударного, но не первого слога в слове может быть в редких случаях более редуцированным, чем 2-й предударный, стоящий на первом месте в слове, например: паъпчыстим, галъва, галъву, залътой, старъвераф, саръпэрэ (топоним Сарапере), трактърист, згавърифшы. Можно полагать, что отмеченное явление возникает под влиянием эстонского языка, в котором основное словесное ударение, как правило, приходится на первый слог и подударный слог произносится также с большей интенсивностью, чем безударные.[1]

Гласные фонемы /и/ и /у/ в данной позиции минимально отличаются от соответствующих сильных фонем. Различия касаются в основном акустических свойств: в безударном положении интен-

---

[1] P.Ariste, Eesti keele foneetika, Tartu, 1966, стр. 158.

сивность и продолжительность звучания /ы/ и /у/ несколько меньше. Ср.: куплáли - купúм, згубúт - згубúш, мурóк - мýрник, рукáм - рýки, рыбáк - рыба, сырóй - сыра.

Фонема /и/ последовательно выступает в звуке /ы/: высóка, лыбóфка (русское название топонима Выпсу), пасылáт, сынóвйи, дымóк, сыны, сырóй, стыдúт, рыбáчыт, рыжóвы, крылéц. В позиции перед мягким согласным не возникает дополнительного признака, как это имело место в подударном положении. Ср. выпúфшы, срылú, но: крылéц, стыдúт.

Как показывают факты, вокализм I-го предударного слога организован в нашем говоре по принципу недиссимилятивного аканья (совпадение гласных неверхнего подъема после твердых в одном варианте /а/ независимо от качества гласного под ударением и последующего согласного).

Ближайший материковый говор (на расстоянии 3-х км.) за озером находится на переходной ступени от различения гласных неверхнего подъема к совпадению их в одном звуке.[I] Это дает основание жителям Мехикоорма считать разговор приезжающих из-за озера окающим ("там гаварáт поросóнок, а у нас парасóнък" - В.М.).

По принципу недиссимилятивного аканья с пережитками различения гласных неверхнего подъема организован вокализм I-го предударного слога в юго-западных псковских говорах[2] и русских говорах Литвы.[3]

[I] З.В.Жуковская, О типе говоров к югу от Гдова. - Псковские говоры I, Псков, I962, стр. 7 - I0.

[2] Л.И.Царева, Аканье и яканье в говорах юго-западной части Псковской области. - Псковские говоры I, Псков, I962, стр. 59 - 60.

[3] В.Н.Немченко, Говор русских старожилов Ионавского р-на Литовской ССР. Автореферат кандидат.дисс., Вильнюс, I96I, стр.4.

Позиция после мягких согласных

В положении после мягких согласных перед твердыми в 1-м предударном слоге различаются гласные фонемы нижнего и верхнего подъемов. Гласные среднего и нижнего подъемов, как правило, не противопоставляются, совпадая в одном звуке /а/, реже - /и/. Для /а/ характерно несколько переднее образование в приступе. Так, /а/ зафиксирован на месте этимологического /а/, если под ударением также /а/: йанвар, тагат, вазали, павазафшы, взалас, радам 'рядами', увадаит, патак; под ударением гласные среднего подъема: гладела, тажола, диватсот, масной, йапониц, на святой, кипатком, патно, йадовит 'травить', для колйа; под ударением гласные верхнего подъема: тану, йазык, шырстануйу, вазли 'вязали', йадут 'едят', йарит 'жжет, щиплет'.

/а/ на месте этимологического /е/ (из е, ь и е) при ударении на /а/: в латах, самнащцътый, васна, даржали, разбажалис, гинаралы, выйавали, засаданийа, уйажжали, навашшаим, трапат, лагла, састра, припавали, мамантална, паграба, на грапках 'на веслах'; под ударением гласные среднего подъема: каранной, васной, йаво 'его', в ласном учаски, фсаво, пираходит, йавонна, вадро, свакрова, васлом, йарош, зарном, с цватом, лахко, пасок, далако, машком, патроф ден, ланой, 'ленивый'; поду ударением гласные верхнего подъема: замли, пирашли, паваду, паску, нанасли, састрин, састру, ванки, атварнутса, в ласу, лажу, каку-набут, варнули, пирасушыш, плашшыт, трашшыт, пачник, сардита, увадут. В некоторых заимствованиях: пуламоты, савраменный, пратстафти, притсадатил.

Нейтрализация противопоставления по трем подъемам в слабой фонеме /и/ отмечается, в первую очередь, у лиц, по роду занятий связанных с литературным языком, в деловом стиле речи в книжной лексике. У женщин и пожилых людей, пользующихся в основном местной формой языка, факты "иканья" в I-м предударном слоге сравнительно редки. Звук /и/ отличается ненапряженной артикуляцией всего речевого аппарата, меньшим подъемом, чем подударный /и/. Например: савиршэнна, разришэния, калликтивный, засидания, пасишшаим 'посещаем', тилифон, савременны, нишшастйа, кришшэния 'крещенье', стрилковъйа дивизийа, тихничыска, свишшэнник, клинуцца, ниправилна, ниважьн, апирацыйа, кипит, рисунак, листочык.

Параллельные формы с /и/ и /а/ известны в нейтральной лексике: нимношка - намношка, пличам - плачам, сиводни - савонни, дифчонки - дафчонки, пикут - пакут, йиму - йаму, питнаццът - патнаццът, снитки - снатки, биз нас - баз нас, падпивала - падпавала.

В отдельных случаях /и/ появляется в специфически диалектных формах: дирибон 'деревень', пасилифшы, ничэва, ничова, ф симих мистах 'в семи местах', симсотъва, диды.

Проникновение "иканья" в рассматриваемой позиции не связано с морфологическими или фонетическими условиями: /и/ отмечается в корнях, приставках, на стыке морфем, в знаменательных и служебных словах. Причиной этого явления в определенной мере служит влияние литературной речи, но в большей степени его надо рассматривать как остаток северной системы, различающей /а/ и /е/.

В позиции между мягкими согласными гласные среднего и нижнего подъема реализуются в звуке /а/, для которого характерна ненапряженность речевого аппарата и передвижка артикуляции вперёд в течение всего периода звучания. Качество гласного под ударением не оказывает заметного влияния. Ср. /а/ в соответствии с этимологическим /а/ при ударении на /а/: дидавйа́ 'дяди', дла та́жысти; при ударении на гласном среднего подъема: пато́рка, пагладе́ли, в гразе́, прадо́ш 'прядешь', вазо́м 'вяжем'; при ударении на гласном верхнего подъема: в грази́, дивати́, пати́, тани́, ради́лис 'рядились', таки́и-саки́и 'такие-сякие', раби́на.

/а/ на месте этимологических /е/, /ь/ и /ě/ при ударении на /а/: мана́, таба́, саба́, сама́н, лата́т, дава́тый, сам'йа́, тала́т, данга́х, налза́, раба́ты, матара́ 'матери', растара́т, двара́м, з дата́м, даса́так;

при ударении на гласном среднего подъема: заме́л, зало́ный, дате́й, варо́фка, само́н, васе́лйа, варо́х, йаро́ш, наде́ла, даре́вна, дираво́н, наве́ска, пуламо́ты, ф саро́тку 'внутрь', садмо́й, сабе́, табе́, баро́т, наве́ста, паре́дний, вале́л, увадо́на, увазо́на, варте́лъс 'вертелась', насо́м, тапе́р, фпаро́т, баре́зйа, саро́жа, плато́на 'плетена';

при ударении на гласном верхнего подъема: рази́на, 'резина', в раки́, имани́ны, в сам'йи́ 'в семье', икрани́ца 'икры', йайу́ 'её', с сами́ гот, бласну́чыи 'блестящие', рассали́лис, вради́ла 'вредило', бари́ти, дати́нныи де́ти 'внуки', изма́нил, бу́дит бали́цца 'белиться', наси́ти, звари́ниц 'зоопарк'.

В приставке пере- в соответствии с вторым /е/ последовательно наблюдается /а/: пиране́ст, пирале́с, пирано́с, пираки́нут,

пирадат, пираходит, пираделът, пирабросил. "Иканье" проникает не только в книжную лексику, - матирийалы, инвинтур 'инвентаризация', рипитицыйа, биседы, интиресный, васкрисенйа, - но и в нейтрально-бытовую: мина, тиба, сиба, сабиромса, дитам, дингам, питдисат, снисош, стили 'стели'.

Столкновение двух принципов вокализма в I-м предударном слоге после мягких согласных создает вариантность произношения. Так, на месте этимологического /е/ может выступать /а/ и /и/ в границах одним и тех же словоформ: смийацца - смайацца, нилза - налза, ниве́ста - наве́ста, рибата - рабата, синтабр - сантабр, тиливизър - тилавизър, винчатса - ванчатса, сиба - саба. Указанные колебания наблюдаются в речи одних и тех же лиц и особенно заметны в отрицании не. Форма ни более употребительна даже в речи пожилых людей: ни видил, ни делъл, ни танит, ни была, ни дала. Возможно форма ни закрепляется в данной позиции по аналогии с сочетаниями, в которых отрицание представляет собою 2-й и 3-й предударный слог и где /и/ закономерно.

В единичных случаях гласная верхнего подъема /и/ реализуется в звуке /а/ - балеты, расунак.

В архаичном слое говора зафиксированы отдельные случаи различения гласных неверхнего подъема в I-м предударном слоге как перед твердыми, так и перед мягкими согласными: ф крестйанах, ребата, са пнева 'из Пнева', в реку, замечал, клепик 'нож с острым концом', венчатса, седити 'садитесь',

йейу́ 'ее', в'азо́т 'вяжет', м'асно́й, д'ада'вйа́.

Эти факты также свидетельствуют о том, что в прошлом предударный вокализм говора был основан на другом принципе, в основе которого лежало различение гласных /а/ и /е/. Фонема /е/ могла реализоваться, видимо, не только в звуке [е], но и в редуцированном верхне-среднего подъема [ь], прояснившемся впоследствии в [и].

Кроме того, собранный материал позволяет предположить, что различение гласных нижнего и среднего подъема дольше держалось в положении после мягких, оставив до нашего времени более заметные следы, чем различение гласных после твердых согласных.

Остатки старой системы не создают целостной картины прежнего состояния предударного вокализма. Преобладающим принципом, на основе которого строится предударный вокализм после мягких согласных в современном состоянии говора, является сильное яканье (качество последующих и различие гласных под ударением не влияют на совпадение гласных неверхнего подъема в общем варианте).

Систему вокализма I-го предударного слога в целом можно определить как сочетание сильного яканья и недиссимилятивного аканья.

Положение после шипящих и аффрикат

В положении после шипящих гласные неверхнего подъема при наличии под ударением любого гласного перед твердыми и мягкими согласными, как правило, совпадают в звуке /а/ того же качества, которые отличают его в положении после парных твердых согласных. Например: жана́, жано́й, жани́лса, жале́за, жану́, жалто́к, жале́л, пинжачо́к, кружава́, калу́дък, тижало́, жаны́, жани́х, ражаство́ 'рождество'; шасто́й, шасти́, шасто́ва, шасто́рка, пишаходнъйа, пъшани́ца 'пшеница', ф шало́ни 'в эшелоне', шага́ит.

То же самое наблюдается и в положении после /ц/: прица-пи́ли, цапо́чка, на цапы́ 'на цепи', цана́, цани́ли, канцала́рийа, цалу́т 'целовать', танцава́т, цапе́л; цара́, цара́пина.

После /ч/ и долгого шипящего /ш:/ традиционно выступает /а/, который может быть несколько передним при полумягком произношении /ч'/ и /ш'/. Ср. чаты́ри, чарни́ка, чатве́рг, частушки, ничаво́, часно́к, часа́т, чала́бинск, начава́т, чатво́ртый, шшадри́вый 'веснушчатый', шшасли́вый, шшати́на 'щетина', рашшати́нитса 'рассердиться'.

Отмечаются случаи реализации фонемы /е/ в звуке /ы/ - пражыва́т 'прожевать', ражыство́, инжыре́йа 'оранжерея', шышна́тсат, шысто́й, чаты́ри, чыхну́т 'чеснуть', пачыму́, чыто́й 'трезвый', чыса́ли, цырко́вный, цына́, шшыти́на. Это явление, повидимому, надо рассматривать как остатки прежнего различения гласных неверхнего подъема.

Таким образом, поведение гласных неверхнего подъема после шипящих и аффрикат соответствует общим закономерностям предударного вокализма говора.

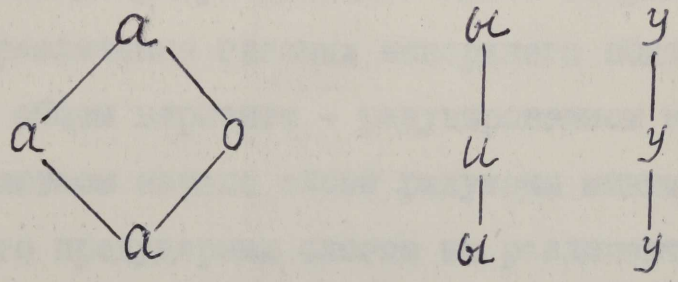
Схема вокализма I-го предударного слога[I]

После твердых согласных

Перед твердыми:

Этимологические:

Перед мягкими:

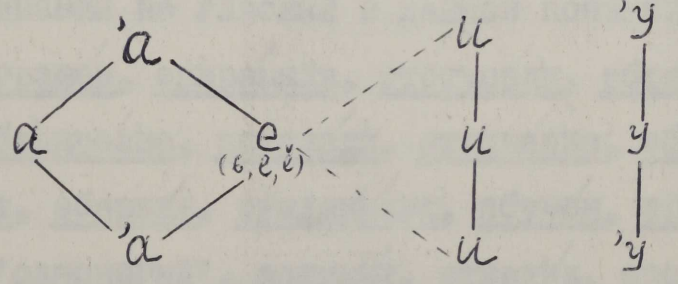


После мягких согласных

Перед твердыми:

Этимологические:

Перед мягкими:



Аналогический тип предударного вокализма с некоторыми отступлениями отмечен в ряде западных и юго-западных районов Псковской области.[2] Сильное яканье формируется в северных и северо-восточных псковских говорах.[3]

[I] В схеме не учитывается положение гласных после шипящих и аффрикат, поскольку оно совпадает с положением после парных твердых согласных.

[2] Л.И.Дарева, Указ. сочин., стр. 64, 58.

[3] З.В.Жуковская, О типе говоров.., стр. I6; она же, Об особенностях безударного вокализма в говорах к северо-востоку и востоку от Пскова. - Псковские говоры П, Псков, I968, стр. I0 - I7.

2. Положение во 2-м предударном слоге

Для вокализма 2-го предударного слога после твердых согласных характерно неразличение гласных неверхнего подъема и совпадение их в одном общем варианте - редуцированном звуке, близком к [ə]. В абсолютном начале слова редукция минимальна и часто [ə] 2-го и 1-го предударных слогов не различаются. Качество гласного под ударением и 1-го предударного слога не оказывают заметного влияния на гласный в данной позиции. Ср. - акурáтна, агитáтьр, агранóм, апирáцыйа, атступáли, абрабáтывъли, ахранáит, атбúвáли, абвáнчáлис, апускáли, атличáлис, абизáтилна, аблúвáиш, атнимáит, абарвáл, аткланúлис, абучóн, афицэ́рьм, атвúнчóна, аннаногúй 'одноногий', астудúт, атхадúл, атслужúл.

Перед мягким согласным в [ə] появляется передвижка артикуляции к середине и вперёд в исходной фазе звучания: абúшшáит, абижáйут, адúвáлис, атúлúлас, афицэ́ры, агитúръвал.

В речи старшего и отчасти среднего поколения отмечаются случаи лабиализации начального гласного [o] как во 2-м, так и в 3-м предударном слогах. В этих слогах слабая гласная фонема среднего подъема /о/ совпадает с гласной верхнего подъема /у/. Например, под ударением гласный верхнего подъема - угэ́рцы: угурцы́, устэ́лны́й, убучы́ли, утвэ́ли, упирúръвъли, устэ́навúлся; под ударением гласный среднего подъема - угарóд, укунéй, угурéц, убучэ́нйа, установúм 'остановим'; под ударением гласных нижнего подъема - па угэрцáм, уддалá, два вáтных удийáла, прупускáли, укурáтна. В последнем случае лабиализации и подъему вверх подвергся [o], произноше-

ние которого зафиксировано на месте этимологического /а/.

Во втором предударном слоге после твердых согласных отмечено всего два случая - прупуска́ли, пулука́ит, в заударном положении один случай - во́йлук.

Повидимому данное явление представляет собою следы былого различения гласных неверхнего подъема: /у/ сохраняется на месте /о/, подвергшегося лабиализации при каких-то определенных условиях. Некоторые исследователи северных и западных говоров, отмечая наличие в начальных слогах /у/ в соответствии с этимологическим /о/, объясняли это влиянием последующих гласных среднего подъема,[I] другие - соседством губных или заднеязычных согласных.[2] Немногочисленные факты нашего говора свидетельствуют больше в пользу второй точки зрения, тем более, что и в новейшей лексике /у/ появляется на месте /о/ перед губными или заднеязычными - упи́ри́ръвъли, укура́тна. Однако /у/ в соответствии с /о/ обнаруживается и в соседстве с переднеязычными - устал'ны́е, устънави́лса, уддала́, уддыха́ит, уди́йа́ла.

[I] А.П.Евгеньева, Третья диалектологическая экспедиция филологического факультета. - Доклады и сообщения филологического факультета ЛГУ, вып. I, Л., 1949, стр. 2II.

[2] П.С.Кузнецов, О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. - Материалы и исследования по русской диалектологии, том I, М.-Л., 1949, стр. 23; З.В.Жуковская, О типе говоров.., стр. I2.

После твердых согласных во 2-м предударном слоге независимо от качества гласного под ударением гласные неверхнего подъема выступают в несколько редуцированном /а/. Твердость/мягкость последующих согласных не вызывает изменений в качестве /а/. Так, при ударении на гласном нижнего подъема - пасишша́им, нажыма́ит, ни атпуска́ит, палуча́йут, пагула́т, распуска́лис, прачыта́л, сабира́йутса, пагиба́т; при ударении на гласных среднего подъема - сабира́мса, (загнату́ 'затоплю печь') савиршэ́нна, васкрисе́нйа, калдуно́в, патипе́ришниму, наступле́нйа; при ударении на гласных верхнего подъема - пачыни́л, к ражыству́, наступи́тили 'авангард', пасили́фшы, пасити́тили, падучы́лас, сабиру́тса, падружы́лис.

Однако, если в I-м предударном слоге находится /а/, то гласные неверхнего подъема могут совпадать в звуке аналогичного образования, но более редуцированном /ъ/. Например, при ударении на /а/ - пъстайа́нна, пъдашла́, гъвара́т, бърава́м 'свиньям', сърака́ 'сорока', пъмага́ли, пръкапа́ли, съставла́йут, здъгана́т 'догонять', пъд двара́м, пъванча́ли, пъваза́фшы, дъстала́т 'доставать', пъграба́, дълажна́; при ударении на гласных среднего подъема - пълажэ́нйа, кълако́лна, пъпадо́тса, пълкаво́м, стъраве́р, пръдайо́м, съ скато́м, пъдгладе́ла, мъладо́ш, пъсматре́т; при ударении на гласных верхнего подъема - ръзгари́са, ръсшатинитса 'рассердится', пъднаси́л, пъсади́ли, пръвади́т, дъраги́и, съгласи́лис, сътвари́ли, тръктари́ст, принъдлажы́т, пъваду́, пъварну́ли.

Во 2-м неначальном предударном слоге гласные неверхнего

подъема, как правило, реализуются в /ъ/: принъдлажыт, патънцавали, падгъварили, махъвики, билъквардейцы, баръвики, напълавину, галъсавали, самъстайатилна, эвъкуиръвъли.

В отдельных случаях употребление /ъ/ в соответствии с /а/ и /о/ не подлежит рассмотренным закономерностям: къмунист пъукоф 'пауков', шъфирам, пълукат 'получать', нъступали, ръспускалис, пъдилили и др. Возможно, эти отклонения зависят от индивидуальности произношения.

В начале слова во 2-м предударном слоге может появляться /а/ в соответствии с гласными неверхнего подъема независимо от качества гласного в I-м предударном слоге. Ср. - мамантална, карала, таргаватса, танцават, паправлат галаву, паказат, начават, састайаласа, завазат, пабадней, маладош, забалефты, с парахода, аннаногий, разрашыли, харанит, разгариса, панимаит, затушы, разними, атамни, падсурычыт, памирала, памирилис.

В говоре не обнаруживается фактов различения гласных фонем /а/ и /о/ во 2-м предударном слоге после твердых согласных за исключением случаев прупустили, пулукали.

Фонема /и/ после твердых согласных в рассматриваемой позиции выступает в звуке /ы/ ненапряженном: вытагайут, выбирайут, выгладат, выразали, сыравата. Фонема /у/ в этой же позиции как в абсолютном начале слова, так и после твердой согласной выступает в звуке с несколько ослабленной артикуляцией: улаглис 'улеглись', ухадили, с украины, на убивайти, зубаскалит, сумашэчъйа, трудавайа, пуламоты.

После мягких согласных вокализм 2-го предударного слога не представляет единой картины. С одной стороны, наблюдается утрата противопоставления гласных по подъему и совпадение их в звуке /и/, ненапряженном и не столь узком, как ударенный /и/ (в том числе и перед мягким согласным). Например, при ударении на гласном нижнего подъема - йинвара́, пиддиса́т, йизыка́, гинара́лы, сирава́тый, синтабра́, аристава́ли, ни аста́вили, пирапра́ва, спицыа́лна, притсада́тил, саривнава́лис, припива́ли, лининграт; симина́р; при ударении на гласных среднего подъема - фпитаро́м, тижало́, в йнваре́, силсаве́т, киламе́тр, ничаво́, пиране́ст, тижало́, пишахо́дъйа, систрино́ва, ни хате́л, пирахо́дит, синако́с, дираве́нский, пираме́нит; под ударением гласные верхнего подъема - зимлани́ка, висали́лис, питушки́, интирасу́ит, рипати́цыи, плима́шы 'племянники', тилави́зър, на бирагу́, к синтабру́, на йизыки́.

Иногда при отчетливом произношении в соответствии с /и/ произносится редуцированный верхне-среднего подъема /ъ/, преимущественно в тех случаях, когда 2-й предударный слог не является первым в слове: пирьсушы́ла, пирьвали́, интьрасу́итис, пирьдава́ли, павьсале́ла, но: дьраве́нский, пьрайе́хъл, пьрана́л.

В этом случае различительным признаком гласных является лишь наличие или отсутствие лабиализации:

и (ь) / у

В традиционном слое говора обнаруживается второй тип вокализма, при котором нелабиализованные гласные фонемы различаются двумя ступенями подъема: верхним и неверхним. Гласные

верхнего и среднего подъема реализуется в звуке /и/, нижнего - в несколько редуцированном /а/. Ср. диравон, силсавет, пирашол, лиданой, зимланой, пирастал, винават, кипаток, киламетр, сираватый, дилавой, бирагу, интарес, висалилис, привадут; но фпатаром, паддасат, дадавйа, на йазыки, масники, йаравыи.

В отдельных случаях /а/ отмечается и на месте этимологического /е/: интарасуитис, пасуки (песуки - местное видовое название рыбы), састрин, патушки, барагу.

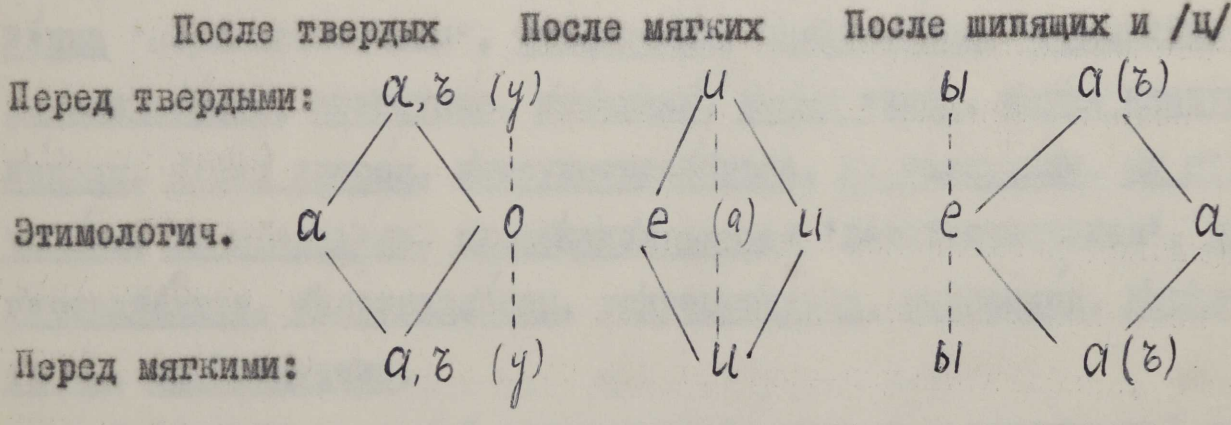
В положении после твердых шипящих (в том числе и долгих) и /ц/ гласные различаются по двум степеням подъема. При этом, гласный среднего подъема иногда проявляет неустойчивость, реализуясь то в гласном верхнего подъема /ы/, то в гласном нижнего подъема /а/. Например: жынихом, жываты, жылтаки, шырако, шырстаныи, шырстанам, шырстану, шывалу 'шевелю', шшытавод, жжыватам, цылавацца. Параллельно с этим зафиксированы случаи шарстану, жанихом, шшатавод, цалавацца. Те же закономерности наблюдаются и в положении после эффрикаты /ч/. Ср. - чылавек: чалавек, чытырох : чатырох, чыстата, чырис фсу.

Спорадически гласный среднего подъема реализуется в редуцированном звуке /ъ/ или /э/: жъниха, жълтаки, цъминтируйут, чълавек, чътырох, чърис фсу; чэлавек, чэтыром, чэрис озира. Эти факты надо рассматривать как остаток старой системы,

при которой противопоставлялись по подъему гласные в безударных слогах.

В положении после полусмягченных /ч̑/ и /ш̑/ гласные звуки становятся более узкими и передними.

Вокализм 2-го предударного слога представлен в следующей схеме:



<u>В других предударных слогах</u>, кроме I-го и 2-го, после твердых согласных гласные фонемы различаются по двум ступеням подъема - верхнему и неверхнему. Гласные неверхнего подъема реализуются в ненапряженном, несколько редуцированном звуке /а/: <u>благъдара́</u>, <u>на пира́ду́</u>, <u>самъстайа́тилна</u>, <u>краснъгварде́йцы</u>, <u>напълави́ну</u>, <u>паинтирисава́лса</u>, <u>сарівнава́лиса</u>, <u>сфармирава́лас</u>, <u>баръвико́ф</u>, <u>падгъвари́ла</u>, <u>пракънктрали́ръвал</u>, <u>патънцава́ли</u>, <u>палужыво́й</u>. В абсолютном начале слова звучание /а/ приближается к гласному полного образования - <u>ариставали́</u>, <u>ади́ннагла́зый</u> 'одноглазый'. Кроме того, отмечаются параллельные формы с редуцированным /ъ/: <u>пътънцава́ли</u>, <u>пълужыво́й</u>, <u>бъръвико́ф</u>, <u>пъгъвари́ли</u>.

Гласные фонемы верхнего подъема не претерпевают заметных изменений в данной позиции, ср. - <u>учыники́</u>, <u>рукъвади́л</u>,

трудълубивъйа.[I]

После мягких согласных преимущественно выступает гласный верхнего подъема ненапряженный /и/, в котором совпадают слабые фонемы среднего и верхнего подъемов. /и/ обнаруживается в предлоге перед, приставке пере-, отрицании не и в заимствованных из литературного языка словах. Например: пиридавали, пиримина-ваццца 'переименоваться', пириступил, пиригарефшы, пиристайала, пиримаразилис, пирисушыл, пиривали, пирид акном, пирид наступ-ленйим, пирид дваром, нитрудъспасобнъйа, ни саапшшыли, ни прачыта-ла, ни правадили, димъбилизиръвълса 'демобилизовался', ригистравалиса, билъгвардейцы, упирацыоннъйа, микраскоп, дирик-тарам, интирасуитис.

В отрицании не /а/ появляется не только в положении I-го предударного слога, но и в других предударных слогах, чаще в сочетании с другими диалектизмами. Например: на здолим 'не сможем', на болна, на шыпка 'не очень', на кусит, на знама, на была, накудышна, на жыво 'не живет', на вазли 'не вязали', на ва всех 'не у всех', на абизатилна, на разбиралас, на ра-чыста, на разгаворчыста, на крычы, на згубила.

Отрицание не с различением гласного среднего подъема от-мечается в основном во 2-м предударном слоге и реже в 3-м: не пайестиш 'не поешь', не вмеит, недаволна, невада 'неводы', не прайтит.

[I] Примеров с /ы/ после твердых согласных в данной позиции не зафиксировано.

Спорадически в многосложных словах встречается звук [е] в начальном слоге после мягких согласных, например: в лéнингрáди, сéлскъхазáйствúнный, мéхикóрма, мéрапáду. Это, видимо, объясняется тем, что сложные слова сохраняют ударение на I-м слоге как дополнительное. Ср. то же явление в словах трóхтóнка, трóхсóт.

3. Гласные фонемы в заударных слогах

Качество гласных фонем в заударных слогах зависит не только от места по отношению к ударенному слогу и от характера соседних согласных, но и от формального элемента - морфемы. В заударном положении гласные фонемы могут быть различительными признаками всех морфем, кроме префиксов. В силу этого грамматические явления, в свою очередь, могут оказывать воздействие на условия бытования фонем, быть причиной определенных сдвигов в фонологической системе.[I]

В I-м заударном слоге гласные фонемы неверхнего подъема после твердых согласных совпадают в редуцированном звуке [ъ]. Например, в неконечном слоге: пó пълу, пó двъру, гóлъву, бóръва, сáмъва, бáранъвичы, дóръга, вóлъсы, с мóлъду, йáблъкаф, здéлъна, выбрънный, вáзънйа, учáствъвъли, пóлнъстйу, трéбъвъли, грáмътный, чатвóртъва, сасвáтъна, рóзъвый, йéтъва, картóвъчки; в конечном закрытом слоге: свóкър, сéнъм, цэ́ркъф,

---

I Н.Н. Пшеничнова, Некоторые фонетико-морфологические особенности говоров к югу и юго-западу от Онежского озера. - Очерки по фонетике севернорусских говоров, М., 1967, стр. 117.

задво́рък, рабо́тъл, с ка́ртъф 'из карт', ло́дък, уда́ръм, са́мъй, с во́ннъй, са шка́пъм, с пла́към 'с плачем', ко́мъм, наро́дъм, тра́лъм, за до́мъм, запа́съм.

Лексикализованно в единичном случае отмечается полное исчезновение заударного гласного. Так, жители говорят "по-простому" на зи́ра в соответствии с на озеро. Вероятно, в данном случае произошло стяжение гласных с утратой долготы. Аналогичная форма известна псковским говорам.[I] Параллельно с на зи́ра употребляется "новая" форма с ударением на гласном корня - на о́зира, па о́зиру. Появление дублетной формы, по всей вероятности, связано с изменением акцентологического типа.

Гласные неверхнего подъема в конечном закрытом слоге могут выступать и в общем варианте /а/, отличающемся признаком меньшей редуцированности: ра́дам, ле́там, йа́гады, ф ко́мнаты, ру́ган, састайа́лас, со́так, сва́ткаф, з бра́там, ды́мам, та́нкам 'танками', в йа́гъдах, ф чарни́ках, э́тава, э́тай, в исто́нцах.

В этом же положении в соответствии с гласными неверхнего подъема может появляться звук верхне-среднего подъема непереднего ряда /ъ^{ы}/, который акустически производит впечатление /ы/, ср. - ф крысъ^{ы}х гаро́х но́шына, с пла́къ^{ы}м, уда́ръ^{ы}м, ко́лъ^{ы}м, в де́фкъ^{ы}х и др.

Нейтрализация противопоставления гласных фонем верхнего и среднего подъема в общих вариантах /а/ или /ъ/ ведет к фор-

---

[I] Картотека Псковского областного словаря в Псковском гос. пед. ин-те.

мальному неразличению родовой принадлежности в именительном/винительном падежах имен прилагательных и местоимений женского и среднего рода, а также в глагольных формах прошедшего времени. Ср. слабъйа здоровйа и слабъйа грут, серъйа нёба и серъйа кукушка, мелкъйа кост и мелкъйа озира, этъка дачка, этъка дела, экъйа тажолъйа палена, экъйа тажолъйа работа, фсо свалилас и внучка свалилас, эта дела на палучылас и руган палучылас.

Следы различения гласных неверхнего подъема в заударном положении заметнее, чем в предударном. Как правило, после ударных /о/ или /е/ в заударном слоге на месте этимологических /о/ и /ъ/ появляется несколько редуцированный гласный среднего подъема, непередний, слабо лабиализованный [ъ°]. Например: картовъ°чка, хворъ°ст, задворъ°к, холъ°т, летъ°с.

После аффрикаты /ц/ гласные неверхнего подъема реализуются в звуке [ъ], который может проясняться до [ы] и [а] вне зависимости от качества гласного под ударением в одних и тех же словоформах: двана́ццът - двана́ццат - двана́ццыт, три́ццът - три́ццат - три́ццыт, двина́ццытъва, шышна́ццът - шышна́ццат - шышна́ццыт 'шестнадцать'. В заударном неконечном слоге в основном наблюдается звук [ъ] - васмина́ццътъва, шышна́ццъти, двана́ццъти.

После твердых шипящих /ж/, /ш/, аффрикаты /ч/ и долгого шипящего [ш:] гласные фонемы теряют различие по подъему, выступая в одном звуке [ы] или [ъ^{ы}], близком по звучанию к [ы]. Ср. - движылъс, художыствинна, ражыный, паложым, важыт, зажыли, можым, ужыст, 'ужас', нужын, задержывъли, сажыны, рошшыны

'рощены', ва́жын - ва́жъ^{ы}н, апслу́жывъым, ме́ньшъ^{ы}ва 'меньшего', харо́шыва, на гару́шычки, харо́шъ^{ы}йа 'хорошая', вы́чышыш, и́шшыти, паслу́шъ^{ы}т, во́пшым 'в общем', о́чын, у́чытса, да ве́чыра рыба́чыли, па но́чым 'по ночам', вы́чыстиш, на зна́чыт, палу́чыцца, на́чыли - на́чъ^{ы}ли, о́чырыт, пе́фчыский праздник, пе́фчыи 'участники хора', назна́чыли, бласну́чыи 'блестящие', ва́но́чык, га́нчыкъва, са спи́чык, слу́чъ^{ы}й, памэ́шшыкъф, ка́мишъ^{ы}к.

На месте этимологического /а/ может выступать ненапряженный звук [ə] после аффрикаты /ч/ - слу́чай, абы́чай, пйа́нничаит 'пьянствует', гара́чайа, сумашэ́чайа.

После твердых внепарных шипящих отмечаются случаи различения гласных неверхнего подъема. При этом гласная фонема среднего подъема выступает в слабо редуцированном нелабиализованном звуке непереднего ряда [э] – до́лжэн, паса́жэн, сро́шшэнник 'ровесник', пра́жэй, акра́шэна, пака́жэт, о́гнишшэ 'костер'. Такого рода различение гласных неверхнего подъема после твердых парных согласных имеет место в заимствованиях из эстонского языка: му́дэл, ра́ндвэрэ 'фамилия Рандвере', са́рэпэрэ 'топоним Сарепере', пэ́тсэри 'Печеры', пу́хкэпа́ив 'воскресенье', ко́гэматта 'неожиданно', ви́лдэ му́зэум 'музей Вильде', но́ортэ сыпрада́ринг 'кружок молодых друзей'. В данном случае играет роль фонетическая особенность эстонского языка, в котором отсутствует количественная редукция безударных гласных, а долгота гласных зависит от открытости или закрытости слога, положения перед звонким/глухим и др.[I]

[I] P.Ariste, Eesti keele foneetika, Tartu, 1966, стр. 145.

Фонемы /и/ и /у/ в заударных слогах после твердых согласных выступают в ненапряженных звуках /ы/ и /ў/: малодыи, пйаныи, мєсныи 'местные', платныи, атличныи, разныи, сафйанъвыи, парадъшныи, прийежжых, здаровых, лубовных, с малодых гот, старинных; окуни, одужйа, в августи, следушшыи, кличут, заведушный.

В открытом конце слога после твердых согласных в соответствии с сильными фонемами неверхнего подъема /о/ и /а/ выступает слабая фонема /а/, которая реализуется в ненапряженном, но довольно открытом звуке /а/. Ср., в соответствии с этимологическим /а/ - лиза, олга, дома, дала, взала, школа, байна; в соответствии с этимологическим /о/ - абычна, бела 'бело', смешна 'смешно', чудна 'странно', чыста, строга, трунна, абратна, канешна, можна, проста, многа, палзитилна 'полезно', сена, дела, йаблъка, озира, кладбишша, балота, залеза 'железо', масла, сала.

Неразличение фонем /о/ и /а/ в конечных слогах, способствует нечеткому выражению родовой принадлежности в именительном падеже имен существительных среднего рода и согласующихся с ним единицах. Таким образом, в процессе развития фонологической системы говора при неизменном составе фонем изменяется количество морфем с одной из имеющихся фонем.[I]

Это явление создает предпосылки для

[I] Л.Р.Зиндер, Указ. сочин., стр. 259 - 260, 262.

определенных изменений в морфологической системе, а именно - в категории рода.[I]

Гласные верхнего подъема представлены в данной позиции ненапряженными нелабиализованным /ы/ и лабиализованным /у/, которые отмечаются после твердых парных, заднеязычных и шипящих: сте́ны, ра́мы, зако́лы, чэ́рвы 'черви', са шко́лы, на у́лицы, на рабо́ты, в ра́пины, лу́тшы, кре́пшы, пабли́жы, дли́нны, харо́шы, уна́со́ны, зано́мшы, аста́фшы, прашо́ццы; зду́ру, сро́ду 'сродни', в и́збу, ф са́ро́тку, на по́чту, к ко́лу, в йа́шшыку 'в ящике', па сле́ду, рыба́чу, йе́жжу, кли́чу 'зову', ду́шу, ве́шшу 'вещь', но́гу, ра́пушку, зде́ну 'сниму'.

В положении после мягких согласных заударный вокализм нашего говора характеризуется параллельным сосуществованием нескольких систем. Эта сложность в основном определяется колебаниями в произношении гласных неверхнего подъема.

Для одной из систем свойственно неразличение гласных по подъему и противопоставление по признаку лабиализованный/нелабиализованный.

В этом случае нелабиализованные гласные всех трех подъемов выступают в общем варианте /и/. Ср. в закрытых и открытых слогах на месте этимологического /и/ - ва́лим, здо́лим, ро́стит, на фа́бри́ки, ра́пина, о́куни, мы́шки, сту́дни; на месте этимологических /е, ь, ě/ - кле́вир, ка́мин, чэ́рис 'через', учы́тил, по́ис

[I] Подробнее об этом см. в главе "Морфологическое описание говора."

'поезд', ри́стиц 'вид рыболовной сети', ма́линка, пра́динйи, здо́ина 'подоена', ки́ниш, зна́ит, вы́стрыин, пе́син, кисле́и, бе́лыи, сре́днии, ф шало́ни 'в эшелоне', ф калхо́зи, ф саро́тки, на ишшы́ти 'не ищите', пайе́шти; на месте этимологического /а/ - ме́сиц: ме́сик, ф пла́тйих, де́сит, се́или, двухме́сишну, ла́ила; лексикализованно на месте этимологического /о/ - ско́лки, сто́лки, не́скалки, то́лки.

Лабиализованный /у/ отмечен в следующих словоформах: на ту наде́лу, фа́лу 'Фалю', па по́лу, о́синну, со́лйу, вы́дужыт, се́ну 'Сеню', вы́лйу, прапуска́йут, мо́йус, на бро́йутса.

Другие системы обнаруживают противопоставление слабых гласных фонем по двум или трем подъемам. Однако дистрибуция фонем ограничивается определенными условиями.

Так, гласные фонемы могут различаться по трем подъемам. Гласные верхнего подъема противопоставляются как нелабиализованный/лабиализованный - и/у: го́нит, сро́шэнник 'сверстник', пе́сни, мо́йут, зна́йут, во́лу. Гласная фонема среднего подъема реализуется в редуцированном нелабиализованном звуке переднего ряда /ъ^{e}/ и выступает при следующих условиях: а) если под ударением гласные среднего подъема - по́ лъ^{e}су, чэ́ръ^{e}с, прийе́дъ^{e}т, с паре́днъ^{e}й, к ре́чкъ^{e}, абйаде́нйъ^{e} 'объеденье', по́лъ^{e}м, фско́ръ^{e}, па во́лъ^{e}, на о́зъ^{e}ри, на по́жнъ^{e} 'на покосе'; б) если в слове имеются другие диалектные признаки - срука́йъ^{e}ца 'стирается, трется', усталыйъ^{e}, аста́нъ^{e}т 'останется', ски́нъ^{e}т, спухнъ^{e}т, су́пръ^{e}тки, лате́нйъ^{e}, ф си́ткъ^{e} 'в тростнике'; в личных окончаниях глаголов 3-го лица без согласного элемента -

знайь^{e}, работайь^{e}, прийажжайь^{e}, на влийайь^{e} 'не влияет', пирастаньь^{e}, плавайь^{e}, уйедь^{e}. В последнем случае звук /ь^{e}/, возможно, сохраняется в силу омонимического отталкивания от формы повелительного наклонения. Ср. - скини, сали, вади, зави. Спорадически /ь^{e}/ параллельно с /и/ появляется в отдельных словоформах при наличии ударения на /а/: палиц - паль^{e}ц, знайит - знайь^{e}т, ванит - ваньь^{e}т.

Гласная нижнего подъема выступает в ненапряженном /а/ - случай, абычай, десат, дэват, носат, врэма, пожна 'покос', стават, има.

В системе, характеризующейся двумя ступенями подъема, различается верхний и неверхний подъем. Гласные верхнего и среднего подъема не различаются, выступая в одном общем варианте /и/ - пилит, крутит, здыни 'подними', удит, чашки, окуни, школили 'учили', колит, танит, камин, озира, в доми, ф пуни, в рыби, спэриди, на пароги.

Для неверхнего подъема известна слабая фонема /а/. Как разновидность этого типа вокализма можно рассматривать такое положение, при котором гласные среднего и нижнего подъема совпадают в общем варианте /а/, например: каманный дом, каманна работа 'работа каменщика', ф каманну хадил, вытраплиш лен, выбарут, вынасут, вылатит, иманна 'именно', памятник, има, врэма, врэманный, валат, купат, ловат.

Можно предположить, что в глагольных формах с приставкой вы-, которая перетягивает на себя ударение, /а/ сохраняется под влиянием форм с ударением на окончании. Ср.: бару -

бар'о'ш - бар'о'т - бар'о'м - бар'о'ти - бар'у'т. По аналогии с этими формами: в'ыбару - в'ыбар'иш - в'ыбар'ит и т.д. То же самое в н'асу' - в'ын'асу, тр'апл'у' - в'ытр'апл'у.

Таким образом, заударный вокализм говора представляет довольно пеструю картину. Наибольшей редукции подвергаются гласные неверхнего подъема после твердых согласных в неконечных закрытых слогах и отчасти в конечных закрытых. Конечный открытый слог - это позиция наименьшей редукции гласных как после твердых, так и после мягких согласных. Слабая редукция гласных отмечается и в положении после шипящих и /ц/.

После твердых согласных слабые гласные фонемы противопоставляются по двум подъемам - верхнему и неверхнему. Четкость этого противопоставления не всегда выдерживается вследствие колебаний в произношении заударных гласных, особенно после шипящих и /ц/.

В положении после мягких согласных наблюдается сосуществование трех типов безударного вокализма, один из которых характеризуется отсутствием противопоставления по подъему, другие - различением двух (верхнего и нижнего) и трех ступеней подъема.

В традиционном слое говора могут различаться гласные среднего подъема. После твердых парных согласных это различение обусловлено наличием под ударением гласных среднего подъема. Однако в заимствованных из эстонского языка словах и в положении после шипящих эта закономерность не выдерживается.

Различие по признаку лабиализованный/нелабиализованный

отмечается в основном у гласных верхнего подъема.

Анализ конкретного материала показывает, что вокализм говора Мехикоорма основан на двух типах позиционно-обусловленных фонетических чередований сильной и слабой фонемы - параллельных и непараллельных, или пересекающихся.

Фонема /у/ образует так называемый "нулевой" фонемный ряд, характеризующийся отсутствием совпадения членов данного ряда с членами других фонемных рядов,[I] - у́//у:,[2] у́лица - скапчу́ - увол́ - задубане́ла - дужу́нный 'здоровый, крепкий' - з до́му - на́ душу - вы́йут - здо́лу.

В отличие от литературного языка и некоторых русских говоров фонема /и/ в нашем говоре имеет общий члена в виде слабой фонемы /и/ с членами фонемных рядов, возглавляемых сильными фонемами /е/ и /а/ в положении после мягких согласных. Ср.: пи́т' - запива́ит - выпифшы; пе́рвый - на пи́раду́ - на́пирва 'в первую очередь'; па́т' - питачо́к - фпитиро́м, даса́так - де́сит'.

Фонемы /а/, /о/ и /е/ образуют пересекающиеся ряды, в состав которых входят общие члены для всех или двух из них. Качество членов фонемных рядов зависит от места по отношению

I Р.И. Аванесов, Фонетика..., стр. I26.

2 Над фонемой в сильном положении мы ставим знак акута в отличие от слабой фонемы.

к ударению и характера предшествующего согласного. Для определения фонемных рядов мы различали следующие позиции: I) положение под ударением, 2) в I-м предударном слоге, 3) во 2-м и других предударных слогах, 4) в заударных слогах (неконечном, конечном закрытом и открытом, где это возможно).

В положении после твердых и мягких согласных нами выявлены следующие непараллельные типы позиционной мены гласных:

а) после твердых согласных выделяется ряд, возглавляемый сильной фонемой /а/, и ряд, возглавляемый сильной фонемой /о/:

а́//а//ъ сам - саму́ха 'жена' - съмаво́: самаво́;
ста́ват - ставы́ - вы́стъвил - вы́став

о́//а//ъ дом - дама́ха ' домовница' - по́ дъму;
уло́в - лави́ли - вы́лъвили - палави́л : пълави́л.

б) после мягких согласных:

а́//а//и кипа́т - кипато́к - вы́кипил; та́нит - тага́ит - вы́танит : вы́тинит; дава́тка - де́ват : де́вит.

о́//а//и но́с - на́су - вы́насли : вы́нисли, вы́нис;
ло́д - лидано́й - ладо́въи пабо́ишшэ.

е́//а//и/е де́рива - даре́вйа - дирави́на - де́рева;
асе́нний - о́синйу - о́сен; не́ дал - на да́л - ни купла́ли : не купла́ли - на асо́бинна : ат каме́ний - ка́манна - ка́мин.

Материал показывает, что фонемные ряды, возглавляемые сильными гласными фонемами /а/ и /о/ в положении после твердых согласных имеют общими членами слабые фонемы /а/ и /ъ/ как в предударных, так и заударных слогах. После мягких согласных

фонетически закономерными заместителями сильных фонем /а/, /о/ и /е/ выступают слабые фонемы /а/ и /и/. Регулярность этой мены гласных нарушается случаями параллельного употребления слабых фонем /а/ и /и/ в одних и тех же морфемах. Кроме того слабая фонема /е/ может сохранять свои различительные функции в заударных слогах при наличии ударения на гласных среднего подъема, в заимствованной лексике и сравнительно редко в непервом предударном слоге.

Таким образом, в положении после мягких согласных слабая фонема /а/ оказывается заместителем трех сильных фонем /а/, /о/ и /е/ в позициях I-го предударного слога и частично других предударных и заударных слогов. Слабая фонема /и/ выступает в соответствии с 4-мя сильными фонемами преимущественно в заударных слогах, а также в предударных слогах, кроме первого (где её появление обусловлено индивидуальностью речи).

В позиции I-го предударного слога после твердых и мягких согласных наиболее последовательно выдерживается единый тип предударного вокализма, который мы характеризуем как недиссимилятивное аканье и сильное яканье. Случаи отклонения от этих принципов сравнительно малочисленны и не подчиняются какой-либо закономерности. Однако факты различения гласных среднего подъема после мягких в других безударных слогах свидетельствуют о предшествовании другой системы вокализма, характеризовавшейся различением гласных неверхнего подъема. Произношение /а/ после шипящих как перед твердым, так и перед мягким согласным также свидетельствует в пользу бывшего ранее [illegible]-

различения гласных неверхнего подъема: жалу́дак : жылу́дак, но-жале́ит, шшати́на : шшыти́на, но - шата́итса.

Формирование сильного яканья как уже отмечалось известно целому ряду соседних псковских говоров.

Активным процессом для безударного вокализма надо считать распространение иканья, т.е. обобщение гласным /и/ гласных неверхнего подъема в положении после мягких согласных. Это явление особенно заметно в непервом предударном и заударных слогах. Можно полагать, что иканье в нашем говоре имеет два истока. С одной стороны, это остатки старой системы с различением гласных неверхнего подъема. В положении после мягких согласных редуцированный /ъ/ прояснился в /и/. С другой стороны, влияние литературной речи.

Возникновение некоторых особенностей в вокализме Мехикоорма можно объяснить условиями иноязычного окружения и билингвизма. Эти особенности в основном касаются фонетической реализации фонем. Например, сильная фонема /е/ может реализоваться гласным /э/ с предшествующим полумягким или твердым согласным не только в заимствованной лексике, но и в исконно русских

словах. Слабая фонема /е/ сохраняет свои различительные признаки в первую очередь в эстонских лексемах, затем в русских при наличии ударения на гласных среднего подъема и в отдельных словах после шипящих: рэ́дел, по́ле, в сере́ду, о́гнищэ, ре́жэ.

Эстонская речь русских старожилов обнаруживает хорошо выработанные артикуляционные навыки эстонского языка. Они проявляются и в заимствованных словах из эстонского языка. Известно, что в эстонском языке основное ударение, как правило, на первом слоге, и заударные гласные не меняют своих качественных характеристик в зависимости от места по отношению к ударению. В исследуемом говоре этот факт мог явиться поддерживающим началом для более устойчивого сохранения различения гласных неверхнего подъема в заударных слогах по сравнению с предударными.

Считается, что одним из основных дифференцирующих признаков сильной/слабой гласной фонемы является напряженность/ненапряженность. Л.В. Щерба отмечал ясность и качественную определенность "напряженных" звуков и "безразличное" звучание "ненапряженных".[1] Степень напряженности определяет качественную и тесно связанную с ней количественную редукцию гласных.[2] Особенность нашего говора составляет общая слабая редукция без-

---

[1] Л.В. Щерба, Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I, Л., 1958, стр. 140.

[2] В.В. Колесов, Особенности фонологической модели, развивающей аканье. - ВЯ, 1964, № 4, стр. 71 - 72.

ударных гласных. Наиболее напряженными безударные гласные бывают в I-ом предударном слоге, в начальном слоге (открытом и закрытом) и в заударном конечном слоге, особенно открытом. Наименьшая напряженность для гласных неверхнего подъема наблюдается в положении после твердых согласных во 2-м и 3-м предударных неначальных и в заударных неконечных слогах. После мягких согласных слабые фонемы в этих же позициях становятся более напряженными. Минимально различаются по степени напряженности сильные и слабые фонемы верхнего подъема.

Обобщая все сказанное о сильных и слабых гласных фонемах, необходимо отметить, что вокализм говора Мехикоорма не представляет единой четко выраженной системы. Параллельно с основной системой сосуществуют отдельные явления и целые участки, принадлежащие другим системам. Особенно богат вариантами звукового воплощения заударный вокализм, а также вокализм 2-го и 3-го предударных слогов и позиции после шипящих и аффрикат. Взаимодействие различных систем характерно для современного состояния говоров русского языка и обусловлено как языковыми, так и экстралингвистическими факторами.[I] Параллелизм языковых явлений нашего говора порождается не только внутренним развитием самого говора, но также и взаимодействием с другими языковыми системами.

[I] Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. Социолого-лингвистическое исследование. Под ред. М.В. Панова, М., 1968, стр. 189.

II КОНСОНАНТИЗМ

При описании системы согласных фонем каждая фонема рассматривается в сильной и слабой позиции, что позволяет полнее выявить типы позиционных чередований и взаимоотношения фонем. Так, при анализе оппозиции и позиционного варьирования согласных по глухости - звонкости учитывается не только положение внутри изолированного слова, но и в некоторых стыковых случаях. То же самое и при определении характера противопоставлений согласных по твердости - мягкости. Кроме того, особо рассматривается позиция перед /е/, поскольку в исследуемом говоре фонема /е/ может употребляться и после твердых согласных.

А. Состав согласных фонем

В позиции максимальной дифференциации в нашем говоре насчитывается 32 согласных фонемы. При определении количественного состава мы не отнесли к самостоятельным фонемам "среднее" /ĺ/. Выступая в соответствии с /л/ во всех позициях, /ĺ/ является различительным признаком тех же словоформ и морфем, что и /л/. Ср. ло́тка : ĺо́тка, во́сла : во́сĺа, был : быĺ, паклóн : паклĺóн. /ĺ/ находится в фонологической опозиции к /л/ и может дифференцировать "интеллектуальные значения".[I] Например: ĺа́пать 'хватать' - ла́пать 'небрежно что-либо делать', пĺо́тка

[I] Н.С. Трубецкой, Основы фонологии, стр. 41.

рыба плотва' - плóтка, вáлым - вáлим, гол - гол, кóлым - кóлим, плáтити - плáтити 'плетите'.

Из долгих шипящих находится на пути к самостоятельным единицам фонологической системы /ш:/. Долгий /ж:/ в основном встречается на стыке слов и морфем и поэтому может рассматриваться как сочетание звуков, так же как /шч/ в соответствии с /ч/.

Согласные фонемы различаются по месту и способу образования, участию голоса и шума, по твердости-мягкости[1] и глухости-звонкости.

По месту образования различаются губные, переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные. Среди губных выделяются губно-губные /б/, /б'/, /п/, /п'/, /м/, /м'/ и губно-зубные /в/, /в'/, /ф/, /ф'/ - всего 10 фонем. 22 язычные фонемы различаются как переднеязычные - зубные: /д/, /д'/, /т/, /т'/, /з/, /з'/, /с/, /с'/, /ц/, /л/, /л'/, /н/, /н'/; небно-зубные - /ж/, /ш/, (/л/),[2] /р/, /р'/, /ч/; среднеязычные - /й/; заднеязычные - /г/, /к/, /х/, (/г'/, /к'/, /х'/).

По способу образования согласные характеризуются как смычные - /б/, /б'/, /п/, /п'/, /д/, /д'/, /т/, /т'/, /г/, /к/, (/г'/,

---

[1] При последующем описании системы согласных фонем мы будем пользоваться терминами "твердый" и "мягкий" согласный в соответствии с терминами "несмягченный" и "смягченный". Звук /й/ в отличие от последних будет называться "палатальным".

[2] В круглые скобки помещены согласные, не являющиеся самостоятельными фонемами, но имеющие расширенную сферу употребления.

/к'/); смычно-проходные /м/, /м'/, /н/, /н'/, /л/, /л'/, (/ ℓ /); фрикативные - /в/, /в'/, /ф/, /ф'/, /з/, /з'/, /с/, /с'/, /ж/, /ш/, /й/, /х/, (/х'/); аффрикаты /ц/ и /ч/, вибранты /р/ и /р'/.

Участие голоса и шума различает шумные - /б/, /б'/, /п/, /п'/, /в/, /в'/, /ф/, /ф'/, /з/, /з'/, /с/, /с'/, /д/, /д'/, /т/, /т'/, /ж/, /ш/, /ц/, /ч/, /г/, /к/, /х/, (/г'/, /к'/, /х'/) и сонорные - /м/, /м'/, /л/, (/ ℓ /), /л'/, /н/, /н'/, /р/, /р'/, /й/.

Б. Система согласных фонем

В системе согласных фонем будут рассмотрены подвижные элементы системы, оппозиции по глухости-звонкости, твердости--мягкости и комбинаторные изменения звуков.

Подвижные элементы каждого диалекта, как известно, содержат различия, определяющие специфику системы согласных фонем. В данном говоре эти различия, связанные с составом согласных фонем и характером оппозиционных чередований, наблюдаются в следующих группах согласных: I) в задненёбных - /г/, /к/, /х/; 2) аффрикатах /ц/ и /ч/; 3) губных фрикативных /в/, /в'/, /ф/, /ф'/; 4) смычно-проходных боковых /л/, (/ ℓ /), /л'/ и 5) шипящих /ж/, /ш/ и /щ/.

I. Задненёбные согласные

Задненёбные согласные фонемы /г/, /к/ и /х/ различаются по способу образования и по своим позиционным чередованиям. Фонемы /г/ - /к/ стоят в оппозиции по глухости-звонкости, /к/ и /х/ по признаку смычность-фрикативность, /г/ - /х/ по двум

признакам: смычность-фрикативность и глухость-звонкость.

Сильная позиция для задненёбных по голосу - это положение перед гласными /а/, /о/, /у//е//и/ и сонорными.

Задненёбные согласные в сильной позиции по своим артикуляционным характеристикам не отличаются от аналогичных фонем литературного языка.[I] Ср. нага́ - ка́мин - като́ха, год - кот - расхо́д, гуле́л - купла́ли - худо́й, гна́тит - кни́га - па́хнит, сугро́б - кру́пный - хры́пкий, гла́зы - склада́т - хле́б.

В положении перед гласными переднего ряда /е/ и /и/ появляются мягкие варианты задненёбных фонем. Задненёбные мягкие согласные в силу известных исторических причин появились в русском языке сравнительно поздно, что обусловило ограниченность их употребления по сравнению с парными по твердости-мягкости согласными. Мягкие задненёбные встречаются в корнях некоторых слов - пагибли́, ки́нут, хи́трый, хихи́кат, кипи́т, гинара́л, ке́ринки; на стыке основы и флексии - в раки́, па наге́, на паро́ги, пайти́ в ро́ги, с ло́тки; на стыке морфем в формах повелительного наклонения - стриги́, бараги́, паки́.

В позиции перед глухими согласными и на конце слова фонема /г/ находится в слабом положении и реализуется в согласном /к/. Тип позиционного чередования /г/ - /к/ для современной системы говора является актуальным и охватывает значительный круг словоформ. Например: нага́ - нок, магу́ - мок, круго́м - вакру́к, другой́ - друк, стага́ - сток, на бира́гу - бе́рик, де́нги -

---

[I] Р.И.Аванесов, Фонетика.., стр. 157.

де́ник, ла́гу - ла́кти, ло́гък - ле́кшы, ма́гънкий - ма́кшы, ногът - но́ктим, до́гът - до́ктим.

В традиционном слое говора вместо исконного взрывного /г/ спорадически появляется фрикативный /ɣ/ по диссимиляции перед звонким переднеязычным /д/ в словах ɣде и каɣда, а также в словоформах шаɣу, шаɣо́ф, данɣа́м - де́них и словах церковнославянского происхождения баɣа́тый, баɣа́тства, бо́ɣа (с позиционным чередованием на конце слова с фрикативным глухим - бох), ɣо́спъди, блаɣъслави́ли. Однако в этих же словоформах отмечается параллельное употребление взрывного /г/ - кагда́, где́, ша́гу, бага́тый, дингам.

В слабой позиции - перед глухими взрывными и на конце слова - противопоставление фонем /г/ и /х/ по признаку смычность-фрикативность нейтрализуется. Фонема /г/ в этих положениях может чередоваться с /х/, ср. ма́хкий, ло́хкий, лахко́, шах ф шах 'шаг за шагом', ло́х 'лег', мох 'мог', ко́хти. В этой же позиции, в основном перед глухими взрывными, изредка наблюдаются переходные фрикативно-взрывные глухие звуки - ло́кˣкий, лакˣко́, маˣкий, кокˣти. Взрывной элемент иногда может быть и звонкий, но в обоих случаях предельно краток - ло́гˣки, магˣкий, ко́гˣти. Высказывается предположение, что указанное явление - это начальная ступень изменения /кˣ/ → /х/.[I]

Лексически ограниченно встречается чередование /к/ : /х/

[I] Е.Г.Бурова, Диалектные изменения и замены к при сочетании его с последующими взрывными согласными (в предложно-падежных конструкциях). - Очерки по фонетике севернорусских говоров, М., 1967, стр. 224.

перед взрывным глухим /т/. Широко известна в говоре словоформа хто в соответствии с кто. На стыке слов мены согласных /к/ - /х/ не наблюдается: к таму́ бе́ригу, к той, мужи́к твой идо́. Сохранение взрывного /к/ в предлоге объясняется грамматической аналогией (под влиянием конструкций к нему, к нам), а также неполнотой фонетической слитности предлога со словом.[1]

Чередование /к/ : /х/ перед смычными является довольно древней диалектной чертой, которая известна в языке древнего Новгорода с начала I4 столетия.[2]

Глухой фрикативный /х/ может появляться на месте этимологического /к/ по диссимиляции перед глухим взрывным /т/ - ви́хтар 'Виктор', до́хтар, а также в результате дистактной ассимиляции в слове халхо́з. Однако в новой лексике, проникающей из литературного языка, как правило, употребляется взрывной /к/ - тра́ктар, ле́ктар, спикта́кл', до́ктар, бипкалле́ктар.

Появление фрикативных заднеязычных согласных вместо взрывных в определённых позициях, несмотря на нерегулярность в современной системе говора, позволяет предположить наличие в прошлом более последовательного противопоставления задненёбных по признаку смычность-фрикативность.

---

[1] Е.Г. Бурова, Диалектные изменения..., стр. 224.

[2] В.И. Борковский, Лингвистические данные новгородских грамот на бересте. - А.В. Арциховский и В.И. Борковский, Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), М., 1958, стр. 102.

Смягчение заднеязычных /г/, /к/, /х/ зависит от позиционных условий. Смягченные заднеязычные /г'/, /к'/, /х'/ в соответствии с твердыми появляются в положении перед фонемой /и/: но́ги, ф тале́ги, сапаги́, пагиб, бираги́ти, стро́гий, ро́ги, пираш-ки́, ки́слыи, муки́, спаки́, кре́пки, хры́пки, баспро́кий 'бестолковый', ски́нит, хи́трый, плахи́, сухи́и, ф цыгани́хи.

Как смягченными, так и полусмягченными заднеязычные могут быть перед фонемой /е/: па наге́ / па наге́, ф стаге́ / ф стаге́, в раке́ / в раке́, кем / кем. В этой же позиции иногда встречаются и несмягченные заднеязычные - гэ́ктар, с кэм, гэрма́нскайа вайна.

Перед непередними гласными представлены, как и в литературном языке, несмягченные заднеязычные. Перед /о/ в ограниченном круге глагольных основ намечается различение /г/ - /г'/ и /к/ - /к'/, преимущественно в формах настоящего и простого будущего времени. Ср. год - маго́т, на гож - маго́ш, ком - маго́м, кот - пако́т. Однако формы типа маго́м, маго́ти, маго́т и т.д. не являются единственными в говоре. Параллельно с ними употребляются - мо́жым, мо́жыти - мо́жыт. Следовательно круг словоформ, различающихся в зависимости от твердости или мягкости заднеязычных, ограничен. Мягкое произношение заднеязычных в основном позиционно обусловлено (перед /и/, /е/ и частично /о/). Поэтому мягкие заднеязычные нельзя отнести к самостоятельным фонемам. Их можно считать лишь позиционными вариантами твердых заднеязычных фонем.

Примечание: В составе флексий родительного/винительного

падежей единственного числа имен прилагательных, местоимений и числительных мужского и среднего рода в соответствии с фонемой /г/ в нашем говоре регулярно выступает фонема /в/. Ср. красньва, халоннъва, меншыва, систринова, старъва, другова, каждъва, фсакъва, фсаво, майова, йетъва, това, йаво, патъва, частова, чатвортъва.

2. Губные фрикативные согласные

В говоре Мехикоорма различаются четыре губных фрикативных фонемы - /в/, /в'/, /ф/, /ф'/. Все эти фонемы, независимо от позиции, реализуются лабиодентальными фрикативными согласными.

Губные фрикативные фонемы, противопоставленные друг другу по признакам твердость/мягкость (/в/ - /в'/, /ф/ - /ф'/) и глухость/звонкость (/в/ - /ф/, /в'/ - /ф'/), отмечаются в следующих словоформах: вану, ваду, карова, свакрова, варох, сваи, свали, волъсы, праворный, плывот, свол, диравон, высилины, дровы, задворък, вишна, журавина, вредна, взал, ровный, лубовным, вечыр, зваринц, навеста, савецка, штрафават, сафианъвыи, фанар, аграфона, физичыска, финска, фигура, фланел, фронт, фамилийа, фадотъф 'Федотов', торф, граф, фабрика, фаврал, гърафин. Фонемы /ф/ и /ф'/ в независимом положении наблюдаются в заимствованной лексике, ср. фигура, фронт, кэфэ, торф и др.

Фонемы /в/ и /в'/, находясь перед глухими согласными или на конце слова, в основном выступают в своих слабых позиционных вариантах [ф] и [ф']: в предложно-падежных конструкциях - ф тарту, ф пылва, ф тини 'в тине', ф катол, ф полих; в середи-

не и начале слова, на стыке морфем - фчара́, фтрайо́м, фпира́ди, фси, фтиснут, пе́фчыи, фсагда́, де́фка, засо́фка 'заноза', калдафство́, пастафти, пригато́фти; на конце слов - мужыко́ф, груздо́ф, судако́ф, снато́ф 'снетков', разэ́рф, гато́ф, караткоф, пастаф, убаф, кроф, лубо́ф, дамо́ф, ласоф, баравоф, цвато́ф, карофф, грибоф.

В отдельных случаях не наблюдается позиционной мены согласных /в/ - /ф/ в составе предлогов - в тоти оли, в таба́, в паме́шшыка, в сирйе 'у Сирье'; на стыке слов в середине синтагмы - каров пригнали, цвато́в насади́ла, баръвико́в принасла́, судако́в привала́, пастав стула; на конце слова в заимствованиях из эстонского - умбйа́рв (топоним, название озера - В.М.), ла́ммийа́рв 'теплое озеро', пухкэпа́ив 'свободный день'. Факты употребления /в/ перед глухими согласными известны в некоторых северных говорах.[I]

В говоре широко известно употребление согласных /в/ в соответствии с /у/ в составе предлога и приставки у. Например: в нас, в мана́, в ей, в ли́зы, в чухны 'у сету', вда́рил, вме́ит 'умеет', в шу́ры 'у Шуры'; с последующим оглушением /в/ - ф та́ба́, ф свакро́вы, фкра́ст 'украсть'. Ареал этого явления охватывает говоры юго-западной диалектной зоны.[2] Однако, наблюдения

[I] Е.П.Луппова, К вопросу о распространении диалектных особенностей в области согласных в говорах Кировской области. - Очерки по фонетике севернорусских говоров, М., 1967, стр. 245.

[2] Русская диалектология, стр. 258.

показывают, что указанная диалектная черта начинает отступать и, в первую очередь, в речи лиц, по профессии связанных с литературной формой русского языка, бывавших на войне. Кроме того, предлог у, выраженный согласным /у/ отмечается в сочетаниях с заимствованиями из литературного языка - у мана́ награ́да ест, у нас рукъвадитил хо́ра а́ликсо, у сы́на тилави́зар ест.

Примечание: Спорадически встречаются замены губных фрикативных другими звуками. Так, в единичных случаях отмечено употребление /хф/ в соответствии с /ф/ - хфами́лии, хфо́дър; гласного /у/ на месте /в/ в слове а́угуст. Поскольку других случаев замены /в/ на /у/ не отмечено, данный факт можно отнести за счет влияния эстонского языка, в котором /у/ после /а/ закономерно, ср. - august 'августа', auto 'автомобиль', autor 'автор', austerlane 'австриец', autogramm 'автограф' и др.

В говоре не зафиксировано случаев употребления неслогового /ў/ или билабиального /w/ в соответствии с /в/ литературного языка.

3. Смычно-проходные боковые согласные

представлены в говоре соотносительной парой по твердости/мягкости /л/ - /л'/. В соответствии с фонемой /л/ довольно часто выступает её свободный вариант / l / „среднее". /л/ и / l / фонологически не находятся в оппозиции друг к другу, являясь признаками одних и тех же словоформ и морфем. Ср. ло́тка - l'о́тка, бе́лый - бе́l'ый, стол - стоl, бу́лка - бу́l'ка, был - бы l' и др.

/л/ и /л'/ имеют те же артикуляционные характеристики, что и соответствующие фонемы в литературном языке. Артикуляционные особенности /ɫ/ в нашем говоре примерно те же, что и у /ɫ/ в эстонском языке.[1] „Средний" /ɫ/ в нашем говоре более заднего образования, чем /л/. При его образовании не артикулирует задняя часть спинки языка, боковые части языка напряжены незначительно. „Средний" /ɫ/ известен в ряде северных русских говоров, в Кировской и Вологодской областях. Однако его качество не одинаково по говорам. Различия связаны с местом и способом образования. Кроме того, употребление /ɫ/ обусловлено теми или иными позициями.[2]

Как вариант фонемы /л/ „среднее" /ɫ/ противопоставлен лишь мягкому /л'/ и выступает в соответствии с /л/ перед гласными /а/, /о/, /у/, /ы/ и согласными. Например, в начале слова: ɫа́мпа, ɫави́ли, ɫапа́та, на ɫъша́дах, ɫо́ват, ɫо́тка, ɫу́тшы, ɫу́ку, ɫуба́нки 'грибы сыроежки', ɫыбо́фка; в середине слова в составе корня и суффиксов - йа́бɫъки, сɫа́ткии, скɫада́т', пɫо́тим, к ко́ɫу, хаɫо́нный, маɫа́ти́ли, пɫахо́й, сасɫужы́т' 'заслужить', пɫа́въит, гаɫаву́, маɫо́дый, са́ɫа, спа́ɫа, паɫука́ɫа 'получала', бе́ɫый, папы́ɫ , ставы́; в конце слов - коɫ, маɫо́ɫ, сɫа́теɫ, поɫ, стоɫ, быɫ, пашо́ɫ, капа́ɫ; перед согласными - бу́ɫка, каɫхо́с, па́ɫка, ф саɫда́тах, до́ɫга, ме́ɫкий.

---

[1] P.Ariste, Eesti keele foneetika, стр. 79 - 80.

[2] В.Н. Теплова, Звуки /л/, /ɫ/, /ў/ на месте этимологического л твердого и их место в фонологической системе севернорусских говоров. - Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967, стр. 154 - 155.

В заимствованиях из эстонского языка, как правило, употребляется /ℓ/ - а́ℓбэрт, а́ℓма, ка́ℓа 'рыба', а́рукóоℓ 'аруская школа', си́буℓка 'сорт яблок'.

Перед передними гласными и /й/ в основном представлена фонема /л̓/: ста́л̓и, бы́л̓и, л̓и́за, в л̓ису́, се́л̓и, пи́л̓и, учы́л̓ис̓, ба̓л̓и́л̓и, спил̓и́л̓и, кле́в̓ир, бал̓е́ла, в̓ал̓е́ла, л̓ес, л̓е́там, нал̓йу́, кал̓е́на, бал̓йа́, на на̓д̓е́л̓и, сл̓е́дам, хл̓еп. В немногочисленных случаях спорадически на месте этимологического /л̓/ появляется /ℓ/, т.е. снимается противопоставление /ℓ/ - /л̓/: óℓга, з̓амℓа, кℓет, н̓иℓз̓а, к̓исℓеи. Можно предположить, что данное явление возникло сравнительно недавно на почве определенной близости артикуляции /ℓ/ и /л̓/. Не отмечено случаев употребления /ℓ/ перед о < е, ср. - л̓он, л̓о́тчыска, сл̓о́зы, з̓ал̓о́ный, купл̓о́ных, л̓от, дал̓о́ка. Следовательно, /ℓ/ стал распространяться в соответствии с /л̓/ после перехода е > о. Во всяком случае, произношение /ℓ/ на месте /л/ и /л̓/ является особенностью индивидуальной произносительной манеры, которая зависит от степени усвоения артикуляционных навыков эстонского языка говорящими, а также от того, в какой мере говорящие сталкивались с русским литературным произношением и каким из языков (русским или эстонским) больше пользуются в жизни. Замечено, что в речи лиц, выполняющих культурно-просветительную или административную работу, служивших в армии, „среднее" /ℓ/ встречается реже. Пожилые люди, владеющие только местной формой русского языка (а также эстонским языком), и жители разных возрастов, пользующиеся в основном эстонским языком, употребляют /ℓ/ в соответствии с /л/ довольно регулярно.

Наличие /ℓ/ в севернорусских говорах рассматривается как остаток финно-угорской подосновы.[1] Распространение этой черты в русских говорах Эстонской ССР находится в прямой зависимости от взаимодействия с эстонским языком, от его продолжительности и степени интенсивности.

Употребление /ℓ/ в соответствии с /л/ и /л'/ известно в русском говоре Ийзаку.[2]

Соотношения между рассмотренными фонемами в нашем говоре выглядят следующим образом:

л, ℓ ⟷ л', (ℓ)

4. Аффрикаты /ц/ и /ч/

В традиционном слое говора различаются две внепарные по твердости-мягкости аффрикаты /ц/ и /ч/, не имеющие также коррелятивных пар и по признаку глухость-звонкость.

Фонема /ц/ выступает в глухом смычно-проходном звуке переднеязычного образования, во всех положениях непалатализованном. /ц/ является различительным признаком целого круга словоформ и морфем: цана́, цваты́, цэ́лый, цэ́нтнир, цэ́минт, уцале́л, прицапи́ли, цалава́тса, цалу́т 'целовать', цар, цэ́ну, цэ́ркъф, ле́кцыйа, на канцу́, байни́цы, бални́ца, афицэ́р, плотницкайа, ку-

---

[1] Р.И. Аванесов, Очерки.., стр. 171.

[2] М.Я. Муст, Русско-эстонское двуязычие.., стр. 113, 125; Х.Хейтер, О русском диалекте в Ийзаку, стр. 139.

рица, атец, канец, спицыална, в намцах, в истонцах, данцы 'варежки', палиц, зварыниц, таниц, маладец, малиц, апирацыйа, станцыйа, працэнт, офцы, йайцы, цэп.

В речи лиц, пользующихся преимущественно эстонским языком, а также членов смешанных эстонско-русских семей наблюдаются факты "разложения" аффрикаты /ц/ на два звука [тс]: литсо, атетс, тантсавали, атсвали 'отцвели', пъшанитса, тсана 'цена', в намтсах 'при немцах', на кантсу, йаитса 'яйца', тсэлый, кантсэрт, тсэминт, дванатсат. Аффриката /ц/ может не образовываться из сочетания звуков [тс] на стыке морфем: капошатса, смайутса, ванчатса, вазмотса, учытса, кончытса, прадайотса. Можно предположить, что употребление [тс] в соответствии с [ц] возникает в речи говорящих в те моменты, когда они, переходя с эстонского языка на русский механически продолжают использовать артикуляционные приемы эстонского языка при произношении сходных звуков. Известно, что в эстонском языке нет фонемы /ц/, но сочетание /ts/ встречается часто.[I] Возможно, необразование аффрикаты [ц] в стыковых положениях является первым этапом воздействия чужой артикуляционной системы. Перенесение произношения [тс] вместо [ц] на корневые морфемы - это уже дальнейшее проникновение элементов эстонской фонетической системы в русский говор. Нерегулярность указанных фактов позволяет отнести их к явлениям интерференции.

Как известно, различение твердых аффрикат /ц/ и /ч/ -

[I] Э.Пялль, Э.Тотсель, Г.Тукумцев, Сопоставительная грамматика эстонского и русского языка, Таллин, 1962, стр. 50.

характерная черта западных говоров. На северо-западе она сопровождается случаями твердого цоканья, закрепившегося в определенных словах и морфемах.[1] В нашем говоре остатки твердого цоканья имеют место в отпричастных формах с корнем шед: ушо́ц̄ы, прашо́ц̄ы, ф прашэ́ц̄у субо́ту, вы́шэц̄ы, зашо́ц̄ы, пи̓ра̓шо́ц̄ы. Предполагается, что переход к различению твердых /ц/ и /ч/ в западных и северо-западных говорах происходил от твердого цоканья.[2] Вероятно, в прошлом твердое цоканье в говоре было известно значительно шире. Об этом свидетельствует вокализм после /ч/, /ц/ и твердых шипящих, совпадающий с вокализмом после твердых согласных,[3] ср. - чаты́ри, часы́, часа́т, чатвэ́рг, жана́, шасто́й, цалу́т 'целовать', цана́, на цапы́ 'на цепи'.

В настоящее время происходит процесс усвоения мягкого /ч'/, в котором обнаруживается ряд стадий. Неполная степень палатализации /ч̱/ обусловлена трудностью перехода от твердого цоканья и усвоением /ч'/. Употребление /ч̄/ и полумягкого /ч̇/ является характерной чертой в произношении лиц, перешедших к различению аффрикат от твердого цоканья.[4]

---

[1] Русская диалектология, стр. 83.

[2] В.Г. Орлова, История аффрикат в русском языке в связи с образованием народных говоров, М., 1959, стр. 58, 80.

[3] В.Г. Орлова, Разработка исторической фонетики по данным диалектов. - Славянская филология, I, М., 1958, стр. 165.

[4] Фонетика современного русского литературного языка, стр. 201 - 202.

Смягчение твердого /ч/ в нашем говоре не сопровождается появлением мягких свистящих и мягких или шепелявых шипящих в соответствии с твердыми /ц/ и /ч/.[I]

В традиционном слое говора устойчиво сохраняется внепарная по глухости-звонкости и твердости-мягкости фонема /ч/, реализующаяся в глухом нёбно-зубном звуке, шумном, который образуется от смыкания кончика языка с зубной частью нёба.

Твердый /ч/ наблюдается перед твердыми и мягкими согласными, например - йа́чки 'ячейки', дыръчки́, атли́чны, по́чту, начле́к, абы́чна, вручну́йу, па́чкъми, спи́чки, судачки́, судачко́ф, начно́м, сро́чна, гно́здъчки, ре́чка, в ре́чки, све́чка, дачка́.

Перед гласными /ч/ отмечается в значительном круге словоформ. Так, перед гласным /а/ - час, ча́ста, начáлства, учáстки, ванчáлис, начáм, учáствъват, плачáм, перед /о/ - абучо́н, привинчо́на, ничо́ва, дифчо́нки, си́лачоф, чо́рна, капчо́на; перед /э/ - чэ́сна, чэ́рис, чэ́риф, чътой 'трезвый', абучэ́нйа, чэлаве́к; перед /у/ - чугу́н, чучува́ца, чу́дна, чулки́, ф ку́чу, кли́чут 'называют', чут;перед /ы/ - чы́ста, па но́чым, ве́чыр, учы́тил, палучы́л, случы́лас, спи́чык, кичы́т гармо́шка 'играет', причы́на, барано́вичы, пачы́нит. На конце слов - печ, леч, проч, кирпи́ч, стире́ч.

[I] Переходные звуки такого рода известны в русском говоре Ийзаку на территории ЭССР (см. Х.Хейтер, О русском диалекте в Ийзаку, стр. 140) и в некоторых соседних псковских говорах (см. карту, приложенную к статье С.М. Глускиной, Морфологические наблюдения над звуком /ch / в псковских говорах. - Псковские говоры, I, Псков, 1962, стр. 28 - 58).

Смягчение /ч/ твердого требует выработки дорсальной артикуляции и проходит ряд ступеней.[1] Перед гласными переднего ряда появляются различные оттенки полумягкого /ч/.[2] Ср. чилавек : чилавек, чыста : чиста, акончына : акончина, чыснок : чиснок, зачам : зачем, чэриф : черив, чам : чем. Перед гласными непереднего ряда /о/, /у/ и согласными зафиксирована самая минимальная степень смягчения, ср. чалабинск, чарника, начават, чорна, капчона, ничова, чудна, начуит, чужой, дачка, судачки, спички.

В отдельных словоформах наблюдаются наибольшие колебания, например: чэрис - чэрис - черис, чатыри - чатыри - чатыри - чтыри - читыри. Колебания связаны отчасти и с переходом к другой системе безударного вокализма. Наслоение "иканья" способствует смягчению. Особенно устойчив твердый /ч/ перед ударенными гласными. Это наглядно прослеживается на словоформе через. /ч/ твердый, если ударение на начальном /э/ и через выступает в роли самостоятельного слова - наречия: ани пиэправилис чэрис, бабы памало пиридавали чэрис, чэрис ана ни идот.

---

[1] А.Б. Пеньковский, О некоторых последствиях усвоения мягкого ч в переходных говорах западной брянщины. - Вопросы языкознания, Л., 1963, стр. 320.

[2] В наших примерах помимо точки над /ч/ на оттенки полумягкости указывает характер последующего гласного переднеязычного звука. Например, перед /ы/ и /э/ более твердый /ч/, перед /и/ и /е/-более смягченный.

При через предлоге /ч/ выступает в полумягком и даже иногда мягком варианте, ср. - чэ́рис фсу́ дарэ́вню пйа́ница, че́риз ре́чку нет маста́, ана́ чэ́риз дарогу́ на ходи́, чи́риз фсу́ Расе́йу прашо́л.

В заударном положении полумягкий /ч/ отмечается реже, несмотря на преобладание "иканья" в заударных слогах после мягких: ны́нчы : ны́нчэ, абы́чай, вано́чык, о́чын - о́чын, зна́чит, ку́чъй, пла́чыт, ме́чут заколы́, бласну́чыи, до́чынка. Смягчение /ч/ зависит от индивидуальности произношения и стиля речи. Так, у лиц, занимающихся административной работой или служивших в армии, а также в деловом стиле речи, в книжной лексике больше отмечается фактов употребления смягченных вариантов /ч/, переходных звуков от /ч/ к /ч/.

Фактов мягкого цоканья в нашем говоре не обнаруживается. Случаи твердого цоканья зафиксированы в традиционном слое говора в ограниченном круге словоформ. Они представляют собою своего рода анахронизм. Следовательно, можно считать, что развитие аффрикат в говоре Мехикоорма достигло того уровня, на котором различаются твердые аффрикаты /ц/ и /ч/, и вступило в период, сближающий говор по данной языковой черте с литературным языком, - период смягчения аффрикаты /ч/.

Аффриката /ч/ в сочетании /чн/ последовательно заменяется твердым /ш/, как и в большинстве русских говоров: кане́шна, ску́шна, угуре́шна ма́тина, наро́шна, двухме́сишна, йаи́шна скарлупа́, праз'ни́шныи пла́тйа, парадъ́шный, кирпи́шный дом, мало́шнъйа каша́, гарадо́шныи кружава́.

В словоформах что и чтобы в соответствии с /ч/ регулярно употребляется /ш/ - што, штоп, што́бы, зашто́ 'почему'.

5. Шипящие согласные /ж/ и /ш/

Фонемы /ж/ и /ш/ составляют соотносительную пару по глухости-звонкости и являются внепарными по твердости-мягкости. В говоре во всех позициях употребляются только твердые /ж/ и /ш/. Артикуляционные характеристики этих фонем не отличаются от соответствующих фонем литературного языка. Фонему /ж/ можно наблюдать в следующих случаях: жáрка, жанá, жáрит, жыта, жáних, журавúна, жывó, жóлтый, жáлится 'жалуется', жълтáки 'вид грибов', жмó 'жмет', ждáли, ражáство, чужóй, чужý, стýжу, мужúк, сажáли, на двух сажэнáх, кружавá, нажымáит, пóжна, палажэ́нйа, пражá, прэ́жный, стýжа, одýжйа, слýжба, пахóжы, паблúжы, кáждый.

В положении перед глухими и на конце слов в соответствии с сильной фонемой /ж/ употребляется /ш/: рош, блúндаш, замуш, прамéш 'между', дрош, пълсапóшки, мушчúна, лóшка, бумáшка, прáшка, слéшка, крýшка, стрýшка, итáш 'этаж', крúшка.

Фонема /ш/ прослеживается в таких словоформах: шэ́рьчка 'крышка', шэст, шкап, шаг, шлóпнитса, йарóш, шындър 'щепа', шэст, шэ́рст, шашнáццыт, пъшанúца, плáшына, плашáтый, йéшти, кáшники, смéшна, ф прóшлым, кáмишык, карандáш, ушóфшы, слыхáфшы, снóмшы, бóлшы, шыршы, вышы, латыш, знáиш, станúш.

Гласные переднего ряда /е/ и /и/ в положении после шипящих /ж/ и /ш/ выступают в своих позиционных вариантах [э] и [ы], ср. - жыта, жывó, жыр, глажы, шыршы, плáшына, жэ́ншшыны, палажэ́нйа, шэст, шэ́рст.

Долгие шипящие

Долгие шипящие согласные представлены в говре двумя внепарными по твердости-мягкости звуками /ш̄/ и /ж̄/.

Глухой долгий /ш̄/ выступает в нечленимых основах - шу́ка, ш̄о́тка, ш̄адри́вый 'рябой', ш̄апа́ 'щепа', йа́ш̄ык 'ящик', и́ш̄ут, пла́ш̄ыт 'плескается', кле́ш̄ыца 'лопаточка для вязания сетей; паме́ш̄ык, памаш̄э́нйа, сы́ш̄ыт 'сыщет', ш̄ыти́на, ушэ́рп, ш̄ака́ 'щека', тра́ш̄ыт, праш̄а́й, краш̄э́нйа, наваш̄а́им, иш̄э́ : иш̄о́, расчыша́ли, ро́ш̄ына, сро́ш̄ыник 'ровесник', упу́ш̄у, сро́ш̄ъница, па́ш̄ыта́л, ш̄аст'йа, ве́ш̄. На стыке приставки (предлога) и корня: ш̄э́рст'и 'из шерсти', ш̄ыли 'сшили', ш̄ура́й 'с Шурой', ра́ш̄ыва́лу́ 'расшевелю', ра́ш̄ыта́л 'расчитал', ра́ш̄ати́нитса 'расщетиниться = рассердиться'.

Долгий звонкий /ж̄/ в нечленимых основах встречается в редких случаях - дро́ж̄ы, даж̄ави́к 'плащ', прийаж̄а́йут, до́ж̄ык, праж̄о́ный, йе́ж̄у. На стыке приставки (предлога) и корня - ж̄а́ру 'сжарю', ра́ж̄ыли́с 'зажили богато', ни ра́ж̄ыва́т, ижо́лтъва 'из желтого', ижы́лцо́ф 'из жителей', би́ж̄аны́ 'без жены'.

На конце слов долгие шипящие могут терять свою долготу и совпадают в этом случае с /ш̄/, ср. дош, 'дождь', плаш 'плащ', ве́ш̄ 'вещь', прыш 'прыщ', ваппэ́. Аналогичное явление отмечается также в середине слова жэ́ншына.

В составе основ может появляться полусмягченный вариант долгого шипящего /ш̄/ перед любым из гласных, что говорит о позиционной независимости этого варианта. Ср. - ш̄у́ка, и́ш̄у, и́ш̄ит'и, ш̄ыт'и́на, ш̄э́пка, краш̄э́нйа, ниш̄а́ст'йа, плаш̄а́, иш̄о́, с ве́ш̄йу но́вай выступа́ли. Можно полагать, что этот вариант распространяется

под воздействием нормированного языка.

В соответствии с долгим шипящим /ш̄/ иногда употребляется сочетание звуков /шч/ как на стыке морфем, так и в составе нечленимых основ: пашчытáл, рашчóт, нíшчáстйа, тышча, ишчы́ти, шчóтка, памéшчык, имýшчыства. Второй компонент сочетания - ч всегда очень краткий и, следуя общей тенденции говора (смягчение ч), может быть полусмягченным.

Долгий шипящий /ш̄/ охватывает значительный круг словоформ и в основном представлен в неделимых основах. В этой позиции более всего наблюдаются смягченные варианты. Произношение /ш̄/ на стыке морфем отличается меньшей длительностью и напряженностью, отсутствием полусмягченных вариантов. В силу этих особенностей долгий /ш̄/, с некоторыми оговорками, можно считать находящимся на пути к самостоятельной единице системы консонантизма - фонеме.

6. Твердые и мягкие согласные

В исследуемом говоре 24 согласные фонемы образуют коррелятивные пары по дифференциальному признаку твердость-мягкость: /б/ - /б'/, /п/ - /п'/, /в/ - /в'/, /ф/ - /ф'/, /д/ - /д'/, /т - т'/, /з/ - /з'/, /с/ - /с'/, /м/ - /м'/, /н/ - /н'/, /л/ - /л'/, /р/ - /р'/. В таком же количественном соотношении по твердости-мягкости находятся согласные фонемы русского литературного языка и значительной части русских говоров.[1]

---

[1] Р.И. Аванесов, Очерки.., стр. 150.

Четкую противопоставленность фонем по твердости-мягкости нарушает свободный вариант фонемы /л/ - средний /ɫ/, который стоит в ослабленной оппозиции по данному признаку к /л'/. Не входят в коррелятивные пары семь твердых фонем /г, к, х, ж, ш, ч, ц/ и палатальная фонема /й/.

Противопоставленность задненёбных по твердости-мягкости является локализованной, так как /г'/, /к'/, /х'/ лишь позиционные варианты фонем /г/, /к/, /х/, ограниченные узким кругом слов и морфем. /г/ и /к/ в положении перед /о/ составляют слабо выраженную корреляцию, поскольку выступают в узком круге глагольных основ (маго́т, пако́т и др.).

Следуя традиционной точке зрения на сильные и слабые позиции для твердых-мягких согласных в русском языке,[I] мы рассмотрим: I) положение на конце слова; 2) перед гласными а, о, у, и, е; 3) перед согласными.

Положение на конце слова:

брат - брат', мест (родит. падеж множ. числа) - мест 'мести', спат - спат', мот - мет, сйестит 'съест' - сест', пост даржат 'поститься' - крепъст', хот - хот', лес - лес', вес - вес', кос (родит. падеж множ. числа) - кос' 'кость', свас 'связал', с вас - свас', врос - врос' 'врозь', вэст 'жилетка' - вест', гоɫ, гол -

---

[I] Р.И.Аванесов, Фонетика.., стр. I70; он же, Очерки.., стр. I50.

- гол, мол (частица) - мол, кисел 'кислый' - кисел; слизан - слизин 'улитка', абруган - руган; сол (родит. падеж множ. числа) - сол, вал 'вялый' - вал 'вяль рыбу', кон - кон, сивер - звер, тапор - тапер, фсем - ф сем, пакроф день - кроф, праф - праф, гатоф - пригатоф, топ - топ, глуп - голуп, стар - стар 'старьё', угар - гар, жар - жар.

Материал показывает, что для таких фонем, как губные /в/, /ф/, /б/, /п/, /м/ и переднеязычный /р/, позиция на конце слова может быть слабой, поскольку в соответствии с ними в тех же словоформах могут выступать твердые /в/, /ф/, /б/, /п/, /м/ и /р/. Вследствии этой особенности в словоформе кроф совпадают слова кровь, кров и эстонизм кроф 'штукатурка', в словоформе глуп - слова глубь и глуп, в жар форма повелительного наклонения от глагола жарить и имя существительное, в словоформе фсем не различаются слова всем и в семь и ряд др. Так как на месте звонких фонем в конце слова чаще всего появляются глухие, то для фонем /б/ - /б'/, /в/ - /в'/, /д/ - /д'/, /з/ - /з'/ конец слова - слабая позиция.

Положение перед гласными фонемами /а/, /о/, /у/

Перед фонемой /а/: валим - валим, взата - в зата 'у зятя', ваду - ваду 'везу, несу, везу', в бару - бару, сала - сало, мана - мана, увал 'вуаль' - увал, лата 'годы' - лата 'летят', сена - сена, самых - ф самих местах 'в семи', местам - местам, рада - к раду, дна - дна, копана - копат, ката - ката, тану - тану, брана - брана, паска - пастка 'горсть', дару - дару, даны - даницы 'рукавицы', ладна - ланой 'ленивый', глажы - глаш 'погляди'.

Перед фонемой /о/: в нос - вно́с, живо́т - живо́т, мо́да - мо́да (родит. падеж от мёд), баро́тса - баро́тса, дном - дно́м, бо́дрый - бо́дра, сол' - со́л, и дош 'и дождь' - идо́ш, зо́рък - зо́рна, пост - по́с, бас то́лка - то́лка, тот - то́та, скло́н - ло́н, пато́к - пато́к, каро́ф - ро́ф, сапо́к - испо́к.

Перед фонемой /у/: лук, ӏук - лук, пут - ко́пут, к ко́ӏу - калу́, пи́ӏу, пилу́ - пилу́, вану́ 'наружи' - Ва́ну, суды́ - суды́, лубанки, ӏубанки - лу́бат, душка - ду́жый 'здоровый', ку́ру - куру́, мазу́т - мазу́ка, карову - ста́вут, кату́ - ка́ту, кару́ - кару́ 'упрекаю', штрафу - патра́фу.

Рассмотренную позицию для тех согласных, которые в ней могут появляться, можно считать для твердости-мягкости согласных нашего говора сильной. Фонемы /ф/ и /ф'/, как сравнительно новые в русском языке, могут ограниченно различать словоформы и морфемы в данной позиции.

В одной из словоформ зафиксированы случаи параллельного употребления твердого и мягкого /т/ : /т'/ перед /а/ - тапе́р' : тапе́р.

Положение перед фонемой /и/

Был - би́л, выбыл - вы́бил, ф пыли́ - пи́ли, до́мы - в до́ми, пыта́лис' - пита́лис', ко́лым 'колом' - ко́лим, ва́лый - ва́лим, ста́ны́ (родит. падеж) - ста́ни́ (повелит. наклонение), ста́лны́ 'стальные' - аста́лни́ 'остальные', ста́лы́, ста́ӏы́ - ста́ли, вышы - ви́жу, з гары́ - згари́, касы́ (родит. падеж) - каси́, с кары́ 'из коры' - кари́т, стынит - с ти́най, сады́ - са́ди, са́дис'; лыбо́фка - ли́пъвый, улыпка : уӏыпка - ли́пкий, фыркат - фи́нска, вазы́ - вази́ сыны́ - фси́, сыты - си́тка, каты́ - кати́, ста́лы́ - ста́ли.

Фактический материал показывает, что перед /и/ согласные фонемы находятся в сильной позиции, противопоставляясь по твердости-мягкости.

Дополнительную дистрибуцию по мягкости перед /и/ имеют задненёбные согласные: пираги, сапаги, роги, старики, мурники 'каменщики', буlки, сухии, блохи, навески, страхи, пастухи. Фонологическая оппозиция по твердости-мягкости заднеязычных выдерживается лишь в одной паре лексем: кычыт гармошка 'играет' - кичка 'часть сети'. Морфологически ограниченно в именах прилагательных мужского рода имеют место факты несмягчения /к/ - крепкый, махкый, лохкый. Однако параллельно употребляются и варианты со смягченным /к/ - хрыпкий, слаткий, крепкий, магънкии. Сохранение несмягченного /к/ в именительном/винительном падеже един. числа прилагательных мужского рода, видимо, поддерживается грамматической аналогией - влиянием аналогичных форм с твердым /к/ в женском и среднем роде и формами других падежей.

Отсутствие смягчения, а также неполное смягчение отмечается в согласных /в/, /к/ и /с/ в составе соответствующих предлогов перед словом с начальным /и/, ср. - к истонцам : к̇ истонцам, в истонцах : в̇ истонцах, в ихнай : в̇ ихнай, в илански 'в Иланске', к иры 'к Ире', с ихви : с̇ ихви 'из Ыхви', с истонии : с̇ истонии, к им : к̇ им 'к ним'. Вероятно, это объясняется некоторой фонетической самостоятельностью предлогов.

В традиционном слое говора непалатализованный /р/ зафиксирован в таких словах, как грыб, крык, на крычы, очыръ^{ы}т',

Положение согласных фонем перед /и/ в говоре Мехикоорма относится к сильным позициям по твердости-мягкости. Употребление вариантов /и/ и /ы/ полностью зависит от твердости-мягкости предшествующего согласного. Не всегда подчиняются этой закономерности согласные в составе предлогов и согласный /р/ в узком круге лексем.

Положение перед фонемой /е/

Принято считать, что в русском литературном языке и народных говорах перед фонемой /е/ нейтрализуется противопоставление твердых-мягких согласных фонем.[I]

Однако исследования последних лет доказывают, что позиция согласных перед /е/ втягивается системой в общий класс позиций перед всеми другими гласными фонемами, где твердость-мягкость оппозиционно противопоставлена. Становление сильной позиции перед /е/ для парных по твердости-мягкости - это живой процесс современного русского языка.[2]

В говоре Мехикоорма,с одной стороны,наблюдается неразли-

I Л.Э.Калнынь, Развитие корреляции твердых и мягких фонем в славянских языках, М., 1961, стр. 131.

2 М.В.Панов, Языки народов СССР, т. I. Индоевропейские языки, М., 1966, стр. 63; С.А.Барановская, Консонантизм современного русского языка, Автореферат кандидат. диссерт., М., 1967, стр. 28.

чение твердых и мягких согласных фонем в положении перед /е/. В этом случае все парные по твердости-мягкости согласные выступают в одном мягком варианте. Например: бе́нный, са́бе́, ве́чыр, пове́рит, де́ти, наде́та, где, зе́млу, газе́та, лес, поле́зна, ле́та, на стале́, снек, на кане́, ка мне́, ме́сик, ме́ста, пе́ли, пе́рвый, ре́тка, згаре́ли, на каре́, се́рыи, се́дим, се́на, расе́йа 'Россия', васе́лйа, те́сна, дате́й, фе́да, кафе́йник.

С другой стороны, перед /е/ могут употребляться твердые парные согласные и их полусмягченные варианты. При этом, фонема /е/ выступает в своих позиционных вариантах /э/ или /ɜ/. Такая дистрибуция вариантов не всегда зависит от качества предшествующего согласного, а иногда и от характера самой фонемы /е/, особенно в заимствованиях из эстонского языка. В этом случае фонема /е/ сохраняет особенности языка-источника.

Твердые парные согласные, в первую очередь, отмечаются в заимствованиях из эстонского или посредством эстонского языка. - а́лбэрт, прэс (эстонская фамилия), ка́лластэ, в вэ́ру 'в Выру', о́тэпа 'Отепя', ко́лы ка́арэ 'около Сааре', ви́лдэ 'Вильде', мэ́кси 'Меекси', йыэпэ́рэ 'Йыепере', му́дэл 'модель', рэ́нда : ре́нда, крэ́сси, рэй : ре́й, ко́пэл : ко́пел 'выгон', му́зэум 'музей', ви́нэр 'фанера', шы́ндэр : си́ндэр 'дранка', трэ́пка : тре́пка, рэ́дэл 'лестница'.

В неологизмах могут употребляться параллельно твердые, полумягкие и мягкие парные согласные: рэ́зэрф : ра́зерф : рэ́зерв-ный, купэ́, пратэ́з : пратэ́з, ко́фэ : ко́фе, ракэ́та : раке́та, ка́бэл : ка́бел, тэ́хника : те́хника, батаре́и : батареи, сардэ́лки:

сарде́лки, сре́ствы 'средства', на фронтэ : на фронти.

Параллельность в употреблении полумягких и мягких согласных перед /е/ встречается и в исконно русских словах - бэ́лый : бе́лый, дэ́н : ден, нэвада́ : нивада́, ф сэ́рэду : ф се́риду 'в среду', пабэ́да : побе́да, в рэ́чки : в ре́чки, дэ́ла : де́ла, свэ́тлый : све́тлый, пэ́рвый : пе́рвый, тапэ́р : тапе́р : тапер, чатвэ́рг : чатве́рг, чатырэ : чатыри, аднэ́ : адне́, снэк : снек, дэ́нги : де́нги, ф клубэ : ф клубе : ф клуби, клэ́вир : кле́вир.

В отрицаниях нет и не, предлогах (приставках) пере, через, без наблюдается колебание в употреблении мягких, полумягких и твердых вариантов согласных. пэрэд домъм, нет : нэту - нэ знайу, нэ дастит, не чужыццы 'не стесняется', негди : нэгди : нэгдэ, некътърыи : нэкътърыи, нескълки, нэзнама, нэ была, чэрес : чэрэс : чэрэс, бэспрокъйа, бэстълку. Несмягчение согласных в приставках и частице не известно и в вологодско-кировских говорах. Там же отмечаются случаи несмягчения в начале корневых морфем, где "мягкость или твердость не имеет смыслоразличительной функции".[1]

Как показывает материал, произношение твердых, мягких и полумягких согласных перед /е/ не имеет определенной закономерности и регулярности. Полумягкие и твердые согласные отмечаются

---

[1] Ю.С. Азарх, Отвердение парных мягких согласных перед гласными в вологодско-кировских говорах. - Очерки по фонетике севернорусских говоров, М., 1967, стр. 147.

во всех позициях не зависимо от происхождения /е/. Это положение создает известную вариантность в произношении парных согласных перед /е/. Факты употребления несмягченных и полусмягченных согласных даже в традиционной лексике свидетельствуют о существовании тенденции к превращению позиции перед /е/ в сильную, наравне с положением перед гласными /а/, /о/, /у/. Развитию этой тенденции способствуют также условия русско-эстонского двуязычия, ближайшим образом - проникновение артикуляционных навыков эстонской речи в русскую.

Вопрос об употреблении несмягченных согласных перед /е/ и /и/ в русских говорах привлекал внимание ряда исследователей.[I]

Положение перед согласными

а) Перед мягкими и твердыми парными

Перед твердыми и мягкими зубными губные фонемы выступают в твердом варианте, т.е. являются слабыми. Ср. справна, справнат; таптат, каптит, птицы; вдрук, вдарил, вден, вдавица; правда, запретньйа; многа, камни, замну 'запру', замни, мне; капна,

---

I А.А. Шахматов, Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. - Известия отделения русского языка и словесности, т. ХУШ, кн. 4, Пг., 1913; Н.Н. Дурново, Отчет экспедиции для определения границы оканья и аканья. - Труды Московской диалектологической комиссии, вып. 3, стр. 165; С.С. Высотский, О говоре д. Лека. - Материалы и исследования по русской диалектологии, т. П, М.-Л., 1949, стр. 45; Р.Ф. Пауфошима, Согласные неполного смягчения перед гласными переднего образования в говорах Харовского района Вологодской области. - Труды и исследования по русской диалектологии. Новая серия, вып. П, М., 1961, стр. 74 - 77.

капни́т; кавры́, вро́т, вре́ма; брал, бри́йо́т 'бреет'. Перед твердыми губными губные произносятся твердо, перед мягкими возможна мягкость первого губного: бо́мбы, бамби́ли; ф па́вла 'у Павла', фпаро́т; фпаро́т; ре́вма 'ревматизм', вме́ит 'умеет', абвали́фшы, абви́ла; вбажа́л, вбе́й : вбе́й, кампа́нна, лубви́ : лубви́.

Перед твердыми и мягкими парными зубными зубные, как правило, твердые, но в некоторых случаях первый зубной может произноситься с неполным смягчением перед мягким. Например: стайа́т, стабат; здо́лит, зде́лат : зде́лат; шэст, шэст : шэ́ст; зо́рна, чарника : чарника; растут, ростат; здынит, зде́нит; сла́вны, сли́вы; зна́ит, разна́т; сна, ва сна́х, с нам, снек : снек, сни́зу. То же самое наблюдается и в положении перед губными - зват, зварини́ц, зво́зды : зво́зды; размахна́тина, змей, змайа́; два, двер : двер; чэрвы, чарви́вый; смахни́, сме́шна; спухнит, спи́ти, спе́шка. Независимо от твердости-мягкости последующего губного согласного всегда мягкими бывают зубные в следующих случаях: вазму́ - вазми́ти - вазмо́ш, писмо́ - фписме́ - с писмо́м, барба́ - барбе́.

б) Положение перед заднеязычными: нет то́лку - то́лки, го́рка - го́рка, сте́нка - се́нка, ре́тка - ре́тка, кальхо́с - алха́, де́нги, о́лга, сирга́ - пурга́, ко́лка - ко́лка.

в) Перед согласными фонемы /л/, (/ l /) находятся в оппозиции по твердости-мягкости к /л/, ср. бу́лка : бу́lка - бу́лкат, по́лка : по́lка - по́лка, па́лки : па́лки 'бревна', вална́ : вальна́ - волна́, по́лна : по́lна - бо́лна, иго́лки : иго́lки - ско́лки, палбу́ : па lбу́ - палбу́, вално́й - во́лный.

г) Перед внепарными по твердости-мягкости согласными /ж, ш, ц, ч/ в говоре употребляются как мягкие, так и твердые со-

гласные: дли́ншы - ме́ншы, то́ншы, малчы́т : ма́lчыт - ма́лчык, ме́лчы, палцаны́ - па́лцы, ма́лца, ко́лца, то́lшы - бо́лшы, ба́лшой, траншэ́йа - ра́ншы, канцы́, ста́нцыйа, танцава́т, лжот, лжа - скалжу́ - ванча́лис - ве́нчык, жэ́ншына, то́пчут.

д) Перед внепарной мягкой фонемой /й/ выступают в основном мягкие согласные: лйот, бареэ́йа, мирапо́лйа, лисйа́, ко́лйи, васкрисе́нйа, бра́тйа, гада́нйа, калду́нйа, ли́стйа, ма́рйа, пла́тйа каме́нйа 'камни', ва́зънйа, пра́динйа, бра́тйин, бале́стйу 'болезнью', кры́лйи, ба́лйа́, у́лйи, каре́нйа.

Спорадически перед /й/ появляются полумягкие и мягкие губные: пйа́ница : пйа́ница, пйот : пйот, бйот : бйот, сынавйа́ : сынавйа́, скамйа : скамйа́, са́мйа : са́мйа́, дадавйа́ : дадавйа́. Как правило, /й/ предшествуют твердые губные - пйот, пйа́ница, савйо́т, разабйо́т, сыно́вйи, сынавйа́, со́фйа, скамйа́, са́мйа́.

Таким образом, положение перед зубными и губными согласными для парных по твердости-мягкости согласных фонем в нашем говоре является слабым. В этой позиции противопоставление согласных по твердости-мягкости нейтрализуется в твердом варианте. Полусмягченные согласные,появляющиеся в соответствии с твердыми, надо рассматривать как вариации этих твердых фонем (здес). Фонемы /л/ и /л'/ в положении перед согласными в основном сохраняют свои различительные признаки,за исключением позиций перед /й/,где представлен только мягкий вариант звучания.Поэтому позицию перед согласными для/л/ и /л'/с оговоркой

можно считать сильной.

Перед внепарными твердыми употребляются как твердые, так и мягкие согласные. Однако только в единичных случаях различие по твердости-мягкости носит фонологический характер: мал-чы́ - ма́лчык, палцаны́ - па́лцы и некоторые др.

В положении перед /й/ происходит нейтрализация противопоставления парных согласных фонем по твердости-мягкости в мягком варианте, кроме губных.

При произношении мягких /т̑/ и /д̑/ в говоре обнаруживается некоторая особенность. Является закономерным, что при произношении /т̑/ и /д̑/ в нормированном языке и во многих русских говорах присутствует легкий свистящий призвук.[I] В нашем говоре наблюдается усиление этого призвука, обусловленного тем, что после неполного затвора при произношении /т̑/ и /д̑/ остается струя воздуха, которая заканчивает выход через образовавшуюся щель. Ср. - т̑ˢа́но́ты 'паутина', т̑ˢажо́ла, т̑ˢила́ви́зър, пат̑ˢа-ну́ла, т̑ˢа́ни́ти, на ме́ст̑ˢи, д̑ᶻ́ен, д̑ᶻ́анки, д̑ᶻ́ата́м, д̑ᶻ́е́нги, д̑ᶻ́е́сат. Данное явление отмечается в речи пожилых людей и можно предполагать, что раньше оно было известно в говоре шире. Произношение /т̑/ и /д̑/ с дополнительным свистящим призвуком характерно для псковских говоров с сильным яканьем.[2]

I Р.И. Аванесов, Очерки.., стр. I36.

2 Русская диалектология, стр. 288.

Внепарные по твердости-мягкости согласные фонемы

Последовательно твердыми фонемами в нашем говоре можно считать фонемы /ж/, /ш/ и /ц/, которые во всех позициях остаются твердыми.

Фонема /ч/ не только перед /и/, но и перед другими гласными может выступать в полумягком звуке. Ср. - на̓ ч̓у́ствуит, ч̓и́ста, ч̓иты́ри, ч̓а́ста, ч̓эй, ч̓э́рис, ф п̓э́чки.

Полумягким может быть и /ш̓/ в разных позициях: ш̓ати́на, н̓иш̓а́стйа, пла̓ш̓ы́т, н̓а иш̓ы́ти.

Внепарная фонема /й/ является палатальной. Перед ней, как мы рассмотрели выше, могут находиться мягкие, полумягкие и твердые согласные. Сфера функционирования /й/ в нашем говоре сравнительно широка, поскольку /й/ выступает: а) препозитивно в личных и указательных местоимениях - йон, йана́, йаны́, йе́ты, йаво́; б) в составе основ указательных и притяжательных местоимений и числительного один - та́йа, ту́йу, твайо́ва, майо́ва, адна́йа; в) в глагольных формах - зна́йу, зна́йут, ду́мъйут, д̓е́лъйут, вы́йму, займу́с̓; г) в составе корневых морфем и суффиксов - вайна́, ба́йна, во́йлук, л̓ис̓йа́, ба̓ре́з̓йа, ба̓л̓йа́. Под влиянием литературного языка /й/ развивается и в окончаниях имен прилагательных - бал̓шы́йа, трудава́йа, бл̓асну́чыйи, ста́ръйа. В говоре до сих пор еще довольно употребительны стяженные формы прилагательных: ста́ра, высо́ка и под.

Заднеязычные /г/, /к/, /х/ в большей части позиций являются твердыми. Например, в конце слов - сн̓е́к, мок, рок, мох, нок, рук, вдрук, лук, фпрок; перед гласными /а/, /о/, /у/: -

нага́ - нагу́ - нагой́, судака́ - судако́м - судаку́, блаха́ - блахо́й - блаху́.

В группе глаголов на заднеязычную намечается различение по твердости-мягкости /г/ - /ѓ/ и /к/ - /ќ/ перед /о/ в отдельных формах и словах: гот - маго́т, маго́м, маго́ти, жго́т, лго́т; кот - пако́т, спако́т, спако́м, пако́ти.

Перед фонемами /и/ и /е/ заднеязычные, как правило, смягчаются: ги́бли, кисе́л, хи́трый, паги́п, зги́бат, заки́нут, хихи́кат, ке́м, в раке́, к наге́, на дароги́, в руке́, сапаги́, пираги́, фсаки́, сте́нки, па сте́нки, мхи́, старухи́, сухи́. Мягкие заднеязычные в качестве конечного согласного основы последовательно выступают перед /е/ и /и/ в дательном и предложном падежах существительных I склонения - к раке́, к сте́нки, в раке́, в кни́ги, на дароги́. Хотя для нашего говора в данном типе склонения наиболее типичной является твердая основа - лго́т жаны́, прино́с жаны́, па и́збы, к маши́ны, ф ко́мнаты, в ра́пины. Из этого следует, что перед /и/ и /е/ заднеязычные, как правило, не различаются по твердости-мягкости и совпадают в мягком, позиционно обусловленном варианте.

Отдельные случаи различения перед /о/ нерегулярны (параллельно с пако́м, маго́м употребляются и пачо́м, мо́жым) и не нарушают закономерности.

Из материала следует, что система корреляции твердых--мягких согласных фонем в исследуемом говоре довольно сложна.

Сложность заключается в различной степени противопоставленности твердых и мягких фонем перед разными гласными и согласными, а также в диспалатализации ряда согласных в сильных позициях. Наименее противопоставленными по твердости-мягкости оказываются /р/, губные и в определенной мере – зубные согласные фонемы.

Вопрос об употреблении твердого /р/ в соответствии с мягким в русском народном языке привлекает многих исследователей. Некоторые находят, что причина заложена в самих артикуляционных особенностях, располагающих к диспалатализации /р/.[I]

Наименьшая дифференциация согласных по твердости-мягкости отмечается на конце слова, перед гласными /и/ и /е/ и согласными. Перед /е/ согласные представлены смягченными, с неполным смягчением и вполне твердыми.

Противопоставленность по твердости-мягкости в большей мере наблюдается перед гласными /а/, /о/, /у/, а для фонем /л/ - /л'/ перед всеми согласными (кроме /й/), гласными и на конце слова.

Определенная ослабленность корреляции твердости-мягкости согласных фонем в говоре объясняется рядом перекрещивающихся причин. Основными из них можно считать:

а) Отвердение мягких губных на конце слова и перед /й/, диспалатализация мягких /р/ и некоторых зубных.

[I] О. Брок, Очерк физиологии славянской речи. - Энциклопедия славянской филологии, вып. 5, 2, СПб., 1910, стр. 35 - 36; А.И. Томсон, Заметки к "Очерку физиологии славянской речи" О. Брока. - Русский филологический вестник, Варшава, 1911, № I - 2, стр. 146.

б) Иноязычное влияние эстонского языка и условиях двуязычия. В эстонском языке палатализация, как известно, осуществляется в основном перед /*i*/ и /*j*/. Перед /е/ представлены главным образом твердые согласные.[1] Появление твердых парных согласных и их вариантов с неполным смягчением перед /е/ в говоре Мехикоорма мы в значительной мере относим за счет влияния эстонского языка.

Одной из причин отвердения парных мягких согласных в вологодско-кировских говорах исследователи считают остаток иноязычной финно-угорской подосновы.[2]

в) По сравнению с литературным языком в говоре значительно шире распространены различные грамматические образования с твердыми основами. Например, активные формы местоимений аны́, ты : ты́и 'те', йе́ты. Формы предложного падежа единственного числа существительных мужского рода на -у и именительного падежа множественного числа на -ы́ (благодаря своей продуктивности) охватывают большее число основ: в йа́шшыку, при до́ктъру, при атсу́, на угалку́, грузды́, кра́стйаны, сыны́. Совпадение родительного, дательного и предложного падежей имен женского рода в общей флексии -ы́ также увеличивает число твердых основ, ср. - к ва́сны́, в избы́, па ста́ны́, на то́й стара́ны́, лго́т жаны́. Группа

I P. Ariste, Eesti keele foneetika, стр. 77, 78, 81.

2 Р.И. Аванесов, Выступление на дискуссии по теории субстрата. - Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, т. IX, М., 1956, стр. 109; Ю.С. Азарх, Отвердение парных мягких согласных, стр. 150 - 152.

прилагательных с твердой основой на -н- включает и такие образования, как зи́мный, пре́жный, дре́вна 'старая', зде́шный и др.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что корреляция твердость-мягкость в говоре Мехикоорма функционально сохраняется (при некоторой ослабленности в отдельных участках), но область употребления мягких согласных сокращается. Факты показывают, что мягкость как дополнительная артикуляция утрачивается преимущественно там, где она не имеет свое функционального значения. Это явление имеет место и в других славянских языках.[1]

Значительная утрата палатализации парными мягкими согласными известна в русском говоре Ийзаку.[2]

7. Согласные глухие и звонкие

Система корреляции глухих-звонких согласных включает IO пар соотносительных по данному признаку фонем: /б/ - /п/, /б'/ - /п'/, /в/ - /ф/, /в'/ - /ф'/, /д/ - /т/, /д'/ - /т'/, /з/ - /с/, /з'/ - /с'/, /ж/ - /ш/, /г/ - /к/.

Внепарными по глухости-звонкости являются IO звонких фонем - /м/, /м'/, /н/, /н'/, /л/, /л'/, /р/, /р'/, /й/ и три глухие фонемы - /ц/, /ч/, /х/.

Все парные по глухости-звонкости согласные фонемы противопоставляются по наличию или отсутствию голоса.

I Л.Э. Калнынь, Развитие корреляции.., стр. 84.

2 Х.Хейтер, О корреляции твердых и мягких согласных.., стр. I36.

Сильной позицией для глухих и звонких согласных принято считать положение перед гласными, сонорными, перед /в/ и /в'/.[I] (В позицию перед сонорными мы включаем и положение перед /й/).

Описание дистрибуции глухих и звонких согласных фонем мы будем производить с учетом положения внутри слова и, где позволяет материал, на межсловесных стыках.

В положении перед гласными (в том числе и слабыми) глухие и звонкие фонемы различают следующие слова и формы: по́ли - бо́ли 'более', нет бо́ли; ско́пъм - скаба́, пако́ут - ба́гут, пако́ш - бага́ш, па́рин - ба́йна, по́чка - бо́чка, пит - бит, ф пыли́ - были, фа́ла - ва́ла, фо́дар - во́дир, фарси́л - вази́л, фырчы́т - вырвит, фи́нска - ви́нна, ката́т - гада́т, сто́лки - здо́лит, те́ста - здес, тихо́й - дико́й, та́чка - дачка́, тым 'тем' - дым, кату́шка - кадушка, ката́ - га́да, са́ди 'сядь' - зат, краси́т - карзит 'расчесывать шерсть', в расу́ - ни ра́зу, крысу - грызу́т, си́ний - зи́на, паша́р 'пощи' - пажа́р, шы́ли - жы́ли, шышы́т 'шипит' - саслужы́т 'заслужит', кра́шу - кра́жу, пра́шу - пра́жу, ко́рка - го́рка, бо́към - бо́гъм, сто́ка 'столько' - сто́га, к го́лу - го́лу 'голую'.

Положение перед гласными для парных согласных фонем по глухости-звонкости можно признать сильным.

В положении перед сонорными зафиксированы следующие случаи различения глухих-звонких согласных: про́сит - бро́сит, пи́от - би́от, плахо́й - блахо́й, фланэ́л - владэ́л, фронт - врот, сафьа́нъвыи

I Р.И. Аванесов, Фонетика.., стр. I62.

- в йагъды, атрад - падрад, трудавайа - другайа, тла - дла, ат них - адних, касматъйа - размахнатина, писмо - вазми, красный - разный, снат - разнат, сноп - азноб, пашна - пожна, краду - граду, крыс - грыз, красный - газный, шмат - жмот, складат - гладат, крадут - град, крупны - грузды. Из материала следует, что перед сонорными глухие и звонкие фонемы также различаются в большем или меньшем числе словоформ.

В положении перед /в/ и /в'/ различение согласных по глухости-звонкости можно проследить как внутри, так и на стыке слов. Внутри слов: творък - задворък 'часть сети', сатварали - дварам, атвали - падвали, платва - правда, твайова - двойа, сварим - звали, свалим - зварей, асвабадили - названийа, квахтуха 'наседка' - гвозд, квас - гвардейскъйа. На стыке слов согласные фонемы противопоставляются по глухости-звонкости, если за /в/ следует гласный или сонорный, например: час врема, с вадром, пад вадром, к вады, с вадой, ат вады, тут вада радам, пад вадой, срок вышыл, кот ваш унос, лук в нас расто, судак в наво поймана, фпротив власти, пастав вадро, памог внасти. Если же за /в/ следует звонкий согласный, то противопоставление факультативно. Оно может нейтрализоваться в слабой фонеме, выраженной звонким согласным. Ср. нас взали, замок в зинаиды, судак вдвои дарожы, вот вден мне нитку, мог вдарит, прамок в дош, но: штрав взали, код вдавы, г вдавы пашла, ад вдавы купила, взат в дом : взад в дом, деваг двойа, круг вбила 'крюк вбила', вырас вдыл и фшыр: выраз вдруг, и так вдовел : и таг вдовел. В отдельных случаях озвончения глухого не происходит, вероятно, вследствии паузы,

которая возникает между слов в результате произносительной манеры говорящих.

Материал показывает, что в корневых морфемах, на стыке морфем и слов, как правило, глухие и звонкие перед /в/ и /в'/ различаются. На стыке предлогов с глухим согласным происходит озвончение глухого при условии, если за /в/ следует звонкий согласный звук. При последующем за /в/ гласном или сонорном позиция остается сильной, ср. ат вады - ад вдавы, к вады - г вдавы, с вадой - з вдавой. На стыке слов звонкий конечный предшествующего слова может оглушаться перед начальным /в/ или /в'/ следующего слова: рас восим, гот врема, лот вазили, гот вас на была. Однако подобные случаи спорадичны и зависят от индивидуальности произношения. Таким образом, позиция перед /в/, /в'/ для глухих-звонких фонем в целом остается сильной. Ослабление её наблюдается на межсловесных стыках. Зависимость положения глухих-звонких фонем от следующего за /в/, /в'/ звука отмечалась рядом исследователей.[I]

Противопоставление согласных по глухости-звонкости нейтрализуется в конце слова, а также перед глухими и звонкими.

Так, в положении перед глухой звонкие выступают в слабой фонеме, реализованной глухим согласным: а) в пределах изолиро-

---

I Л.Р. Зиндер, Влияние темпа речи на образование отдельных звуков. - Ученые записки ЛГУ, № 325. Вопросы фонетики, Л., 1964, стр. 15-16 ; R. Iakobson, Dei Verteilung der stimmhaften und stimmlosen Gerärschlaute im Russischen. - В кн. "Selected Writings", I, s'Gravenhage, 1962, стр. 506.

ванного слова - скопка, ашыпка, рыпка, глыпка, пропка, зупки, варофка, карофка, дефка, фчара, лафка, спрафка, фпрочэм, лотка, вотка, бытта, слатка, фпарот, супритки (нет супридък), бароска, скаска, смаски, лошка, книшка, старушка; на стыке предлога с последующим словом - пат камин, пат прэс, нат сталом, ф травы, ф тым саду, ф снагу, ф тарту, ф школы, ф крастйанах, шах ф шах 'шаг в шаг', чырис фсу дареву, протиф тавo; на стыке слов внутри синтагмы - гот кругом 'целый год', взат патку (вид вышивки - В.М.), рош сеили, первый гот пат крышу вашли, грибоф фсаких йест, вазми падрат фсо, штоп толка болшы, гас чыриз речку ни ишол, эта нош такой, гарас харош, впарот празника 'перед праздником', дроф привали, йа 80 гот старый 'мне 80 лет'.

В конце изолированного или фонетического слова звонкие, как правило, оглушаются: вазми акункоф, привала баръвикоф, как рас вышла замуш, йе фсаких мужыкоф, гонат кароф, глат 'погляди', мала йаблъкаф, чи идот чэрис, сидит баз нок, пашол ф клуп, астался прамеш, ейный борьф, сын памок, на капусти чэриф, ихный дом напротиф, лаш 'ляг', апчыстит грып.

Глухие согласные фонемы перед звонкими в большинстве своем становятся слабыми и реализуются в звонком согласном звуке. Например, в изолированном слове - згубит, зделат, ззади, здастили 'сдали', зброшына, згубит, казба, аддахно, аддавали, свадба, жанидба; на стыке предлога и слова - з братьм, з горьда, з зимы, з дома, з галавы, ад двареи, г дому, ад дыма; на стыке слов внутри синтагмы зафиксированы единичные факты - брад дал, адивализ бела.

Характерная для русского языка регрессивная ассимиляция

согласных по глухости-звонкости в нашем говоре не всегда имеет место. Сравнительно часто наблюдается отсутствие ассимиляции глухих перед звонкими на стыке слов в синтагме, в том числе и в предлогах, ср. - пат год, наш дом, ни барот денег, мужык Зинаидин, вазот запас 'вяжет сети', школат датей, мечут запасы, стават заколы, платйа с бахмарой, с детства, к жаны, с дитам, ат булкиных, апшыт бобричкъм, ни панимаит гаварит 'не умеет', кот в доми, срошшынык братнин 'ровесник брата'. Это явление встречается и в отдельных словах - патдасат, сделъим, сдвайурăнна састра, атгрызли, сгарели, атжала, атбирайут, атбарани́ли 'защитили', сдоина.

Звонкие согласные также могут не ассимилироваться в положении перед глухими - в кучу, круг семдисат 'около семидесяти', в кухни, в цэркву, ни в каждъва, в чэм-та, плашадку, втарой, магкъйа рыба, атгадат, пиражки, редкий, впарот, сальдку, сказки, атбыт на работы.

Во всех рассмотренных случаях глухие и звонкие фонемы сохраняют свои различительные признаки, т.е. являются сильными. Звонкие согласные могут сохранять свои качества в конце изолированного и фонетического слова - с этих книг, привали хлеб, да крыжы снег, прамеж рог, чарвивый грыб, чатвериг, народ, лиса-пед. Оглушению не подвергаются звонкие в эстонских словах - Тунг 'напор', йарв 'озеро', сол имбуб фсо 'соль всё пропитает', пухкэпаив 'выходной'.

Отклонение от коррелятивных отношений по глухости-звонкости представляет позиционно необусловленная мена глухих-звонких фонем в индивидуальной речи. Например - крыжа 'крыша', гаструла

ракида 'ракита', даит 'тает', гадуги, зарай 'сарай', разунък 'рисунок', карды, коркий, самла, пулкины 'Булкины',[1] сина 'Зина', корла 'горло', калава, тарагии, карсина, пукет, шывот. Не каждый различает на слух имена Валя и Фаля.

Внепарными по глухости-звонкости являются 9 сонорных согласных фонем - /л/, /л'/, /р/, /р'/, /н/, /н'/, /м/, /м'/, /й/, которые не входят в корреляцию по голосу и не меняют своего качества в зависимости от положения перед гласным, глухим-звонким согласным или на конце слова. Ср. кана, кантралиръват, пандравилса, кон; балница, бела, был, булка; найти, найду, бой; мыт, пумпа 'водокачка', камзол, колым; рыба, карзина, картофка, пажар.

Фонемам /ч/, /ц/, /х/ в системе русского консонантизма свойственна нефонологическая глухость. В нашем говоре эти фонемы так же не меняют своих качеств в зависимости от позиции: часта, дачка, почва, проч, печ слажыли, проч галофки; цана, брацкъйа магила, атец, зайац прабажал, малец бажыт. Фонема /х/ в основном ведет себя так же - халанно, хромъвы, катоха, гарох, плох стал, мох дълако, мох балшой 'болото большое'. Но факультативно глухой фрикативный /х/ может противопоставляться звонкому /ɣ/: ɣде - хто, кажда - кохти, шагов - спахожа, на каждым шагу - в маху 'в болоте'.

Факты показывают, что в целом изменение согласных по глухости-звонкости в нашем говоре подчиняется тем же закономерностям, что и в литературном языке. Двум коррелятивным по глухос-

---

[1] Довольно распространенная в Мехикоорма фамилия Булкины отмечена с начальным /п/ в надписи на могиле одного из жителей.

ти-звонкости согласным фонемам в сильной позиции (перед гласными, сонорными и /в/, /в'/) соответствует одна непротивопоставленная фонема в слабом положении (для глухих - перед звонкими парными, для звонких - перед глухими и на конце фонетического слова). Регулярность этих изменений нарушается для глухих в положении перед /в/, /в'/. Однако это явление замечено и в литературном языке. Значительные отклонения, заключающиеся в различении согласных фонем по глухости-звонкости в слабых положениях, наблюдаются на межсловесных стыках внутри синтагмы (в том числе и на стыке предлога с полнозначным словом). Возможно определенную роль в этом играет несколько замедленный темп речи носителей говора, при котором больше сохраняется фонетическая самостоятельность слов и создается меньше условий для ассимиляции. Однако наличие глухих парных перед звонкими и звонких парных перед глухими внутри слова, а также случаи позиционно необусловленной мены глухих и звонких согласных (крыжа, пулкин) наводят на мысль о действии и других причин. Можно предполагать, что указанные явления возникают на базе несходства фонологических систем двух контактирующих языков. При наложении одной системы на другую не совпадают различия согласных по глухости-звонкости в русском языке и по трем степеням долготы-в эстонском.[I]

Лексикализованные фонетические явления

I. В замкнутом круге глагольных основ с суффиксами -нуть,

I P. Ariste, Eesti keele foneetika, стр. I46; Э.Пялль, Э.Тотсель, Г.Тукумцев, Сопоставительная грамматика., стр. 78.

-ать и -ывать, а также в единичных именных основах появляется задненёбный согласный /х/ в соответствии со звуками /с/ и /ш/. Например: чыхну́т 'чеснут', спра́хыват 'спрашивать', дапра́хыват, выпра́хыват, упра́хыват, пага́хнут 'погаснуть', апайа́хыват 'опоясывать', апайа́хъна, слу́хат 'слушать', паслу́хат, вы́слухат, вы-слу́хыват, па́хмурнъйа пагода́ 'пасмурная', па́хмурна 'пасмурно', па́хмурный де́н, сме́хыват 'смешивать', ве́хъатса 'вешаться'.

Природа данного явления освещалась в работах многих исследователей, большинство которых допускает развитие индоевропейского /ɜ/ непосредственно в /ch/ в славянских языках.[1] В работе С.М. Глускиной раскрывается целый комплекс условий, при которых на месте общеславянских /ɜ/ и /ɜ́/ мог образоваться /ch/ в древних псковских говорах.[2]

Кроме того, в говоре отмечается употребление некоторых слов с несмягченной основой типа палука́т 'получать', таки́ло 'точило', то́ким 'точим', сустра́ка́тса 'встречаться, близко соприкасаться одним предметом о другой при движении'. Данное явление известно псковским говорам и рассматривается как результат обратной

---

[1] В.А. Богородицкий, Краткий очерк диалектологии и истории русского языка, Казань, 1910, стр. 332; Г.С. Клычков, Индоевропейское /ɜ/ и некоторые вопросы ларингальной теории. - Процессы развития в языке, М., 1959; С.Б. Бернштейн, Очерк сравнительной грамматики славянских языков, М., 1961, стр. 162.

[2] С.М. Глускина, Морфонологические наблюдения над звуком /ch/ в псковских говорах. - Псковские говоры, I, Псков, 1962, стр. 28 - 50.

деривации.[I]

Наличие в нашем говоре архаизмов, получивших развитие в древней Псковской земле, свидетельствует о генетических связях населения Мехикоорма с псковичами.

Форма полукать известна в русском говоре Ийзаку.[2]

Рассмотренная диалектная черта наблюдается в речи лиц старшего и отчасти среднего возраста, как и слово мёсик, известное в псковских говорах и других островных говорах Эстонской ССР.

2. Как известно, в западной и северо-западной диалектных зонах распространены образования, связанные с явлением "второго полногласия".

В нашем говоре факты "второго полногласия" зафиксированы в следующих случаях: сталоп 'столб', варофка, варох 'верх', йарош 'ерш', дълажон 'должен', волъга 'Волга', чатвериг, корьм 'корм', чэриф 'червь', молънйа 'молния'.

Комбинаторные изменения звуков

В настоящем разделе мы рассмотрим изменения звуков в потоке речи в результате их взаимодействия.[3]

I С.М. Глускина, Морфонологические наблюдения.., стр. 44 - 45.

2 Х. Хейтер, О русском диалекте в Ийзаку, стр. 37.

3 М.И. Матусевич, Введение в общую фонетику, М., I948, стр. I05; А.А. Реформатский, Введение в языкознание, М., I960, стр. I58, I65 - I72.

1. К ассимилятивным явлениям относится произношение [нн] в соответствии с [дн]. Ассимиляция согласных по способу образования наблюдается обычно на стыке корня, оканчивающегося на [д] и суффикса на [н] в наречиях, прилагательных и числительных: анна́, анна́йа, халанно́, анну́, анно́ва, труннава́та, на̓ ви́нна 'не видно', здвайу́рънна 'двоюродная', ф хало́ннай вады́, сты́нна 'стыдно', ла́нна 'ладно', аннано́гий 'одноногий', аби́нна 'обидно', бе́нна 'бедная', бе́нный калхо́с, са̓во́нни 'сегодня', на̓ро́нна мат̓ 'мачеха', трунни́к 'труженик', аннаго́тки 'ровесники', ме́нный 'медный'. Аналогичное распределение этого явления в основе отмечается и в ряде севернорусских говоров.[1] Параллельно употребляются формы без ассимиляции согласных - тру́дна, ви́дна, аднаво́, сты́дна.

Употребление двойного [м] в соответствии с сочетанием [бм] встречается сравнительно редко и ограничивается в основном словоформами амману́л : амма́ни́л 'обманул', амману́ла, амма́нам.

Можно полагать, что эта диалектная черта была известна в говоре шире.

В результате дистактной регрессивной ассимиляции возникло изменение звуков в словах зале́за и зъли̓знъдаро́жный, прогрессивной - шышна́тсат̓ : шашна́тсат̓.

2. Явление диссимиляции наблюдается в словах хто, ɣде̓, ла̓хко́, што, зашто́, пра́зни̓шный, кало́ди̓шнъйа вада и др.

---

[1] Е.П. Луппова, К вопросу о распространении диалектных особенностей в области согласных в говорах Кировской области. - Очерки по фонетике севернорусских говоров, М., 1967, стр. 243.

3. Метатеза обнаружена в таких заимствованных словах, как ува́л 'вуаль', марти́йа́л 'матерьял', бахмара́ 'бахрома'.

4. В говоре встречаются случаи различного рода выкидок (диэрез). Так, зафиксированы немногочисленные факты выпадения заднеязычного [к] перед [н] в середине слова: замну́т 'запереть', атамну́т 'отпереть', то́рнут 'ткнуть', фто́рнут 'воткнуть, всунуть', встрану́тса 'встретиться'. Выпадение [г] перед [н] известно в тех же словах, что и в литературном языке - тро́нут, тану́т и др. Не отмечено случаев упрощения группы гн в корне, ср. гна́ти́т 'зажигать', гнат, о́гнишшэ 'костер', йагна́та.

Упрощение группы мн известно лишь в глаголе здыну́т 'поднять', вздын, вздыни и т.д.

В псковских говорах упрощение групп согласных гн, кн и мн охватывает значительно большее число основ.[I] Как показывает материал псковских говоров, к и г в основном выпадают в глаголах с суффиксом -ну-, имеющих экспрессивный оттенок значения. Данные образования в нашем говоре мало продуктивны. Возможно, этим, в какой-то мере, объясняется нераспространенность рассматриваемого явления.

Заднеязычные могут также выпадать перед взрывными - тада́ : тады́, када́ и в неологизме пунт 'пункт'.

Упрощение группы ст (и(зд) наблюдается на конце слова - пус, шэс, шэрс, йес 'есть', кос 'кость', клас 'кластъ', пака́мис,

---

[I] С.М. Глускина, Упрощение некоторых групп согласных (на материале Псковского областного словаря). - Слово в народных говорах русского Севера, Л., 1962, стр. 89 - 97.

гара́с 'горазд', по́ис 'поезд'. Согласные /д/ и /т/ выпадают в словах ме́сный, наве́ска, сре́ствы 'средства'.

Интервокальный /й/ исчезает только в формах именительного/винительного падежей единственного и множественного числа прилагательных и неличных местоимений женского и среднего рода - высо́ка, кра́сна, са́му балшу́, све́жу, са́ма у́ска ме́ста, таки́ бало́ты.

Наиболее часты случаи отпадения начальных гласных в заимствованных словах - лава́нныи си́кушки 'оловянные', шыло́н 'эшелон', ря́нда, в нас-та на была ружыйа 'оружия', ранжыре́йа.

При фонетическом освоении заимствований отмечается выпадение согласных и целых слогов - итирна́т 'интернат', лисапе́д.

Приставки из-, вз- и предлог из утратили начальный звук.

В результате произошедших семантических и фонетических преобразований приставки из-, вз- и с- совпали в одном вариан те с-. Параллельно с этим произошло объединение предлогов с и из в предлоге с. Эта диалектная особенность, свойственная всем псковским говорам, характерна и для говора Мехикоорма[1] - спе́ч бли́ны, сдаи́ла каро́фку, стамне́ла, спу́хнит, сдвайу́рънна : здвайу́рънна, спугат, слате́л с крава́ти, с кирпича́ стро́или, с ра́пины прие́хал, с де́тства.

В псковских говорах на основе звучания приставки-предлога в фонологически сильной позиции устанавливается её основной вариант с-. Но выделяется и приставка з-, сохраняющая звонкость в фонологически сильной позиции и генетически более связанная с

[1] С.М.Глускина, О приставке с-/з- в современных псковских говорах. - Сборник статей, посвященный памяти Б.А.Ларина, "Вопросы теории и истории языка", Л., 1969, стр. 242 - 251.

из- и вз-.[1] В отличие от псковских говоров, приставка з- употребляется лишь в единичных словах - здынут, здолит. В остальных случаях она не противопоставляется с-: спакла, скинит раниц на спину, скачыл в озира, слубилис, скапала, сланилас, смала, спатела, спомнила, свесит, сломат, спалнали частушки.

Система консонантизма говора Мехикоорма по своим основным категориям (наличие корреляции по твердости-мягкости, глухости-звонкости, сильные и слабые позиции согласных) не отличается от системы согласных русского литературного языка и большинства говоров. Однако имеются некоторые особенности как в составе согласных фонем, так и в их фонетической реализации и дистрибуции.

Состав согласных фонем характеризуется 32-мя фонемами, в число которых входят губные фрикативные фонемы /в/, /в'/, /ф/, /ф'/, противопоставленные по твердости-мягкости и глухости-звонкости.

Задненёбные фонемы представлены соотносительной парой по глухости-звонкости /к/ - /г/ и внепарной глухой /х/. В традиционном слое говора в некоторых лексемах и в положении перед /д/ может появляться фрикативный /ɣ/, который находится в оппозиции по глухости-звонкости к /х/. Мягкие заднеязычные представляют лишь варианты твердых заднеязычных фонем.

Параллельно с фонемой /л/ в говоре функционирует ее свободный вариант /l/-среднее, который выступает в тех же позициях и

---

[1] С.М. Глускина, О приставке с-/з-.., стр. 248.

находится в тех же взаимосвязях с другими фонемами.

В говоре различаются твердые аффрикаты /ц/ и /ч/. Их различению, по всей вероятности, предшествовало твердое цоканье, следы которого обнаруживаются в отдельных словоформах /ушóццы/. В позднем слое говора намечается переход к различению твердого /ц/ и мягкого /ч̑/. Это выражается в употреблении /ч̑/ с неполным смягчением в разных позициях. Полусмягченный /ч̑/ и твердый /ч/ функционируют параллельно.

Твердые фонемы /ш/ и /ж/, находясь в оппозиции по глухости-звонкости, не имеют соотносительных членов корреляции по признаку твердость-мягкость.

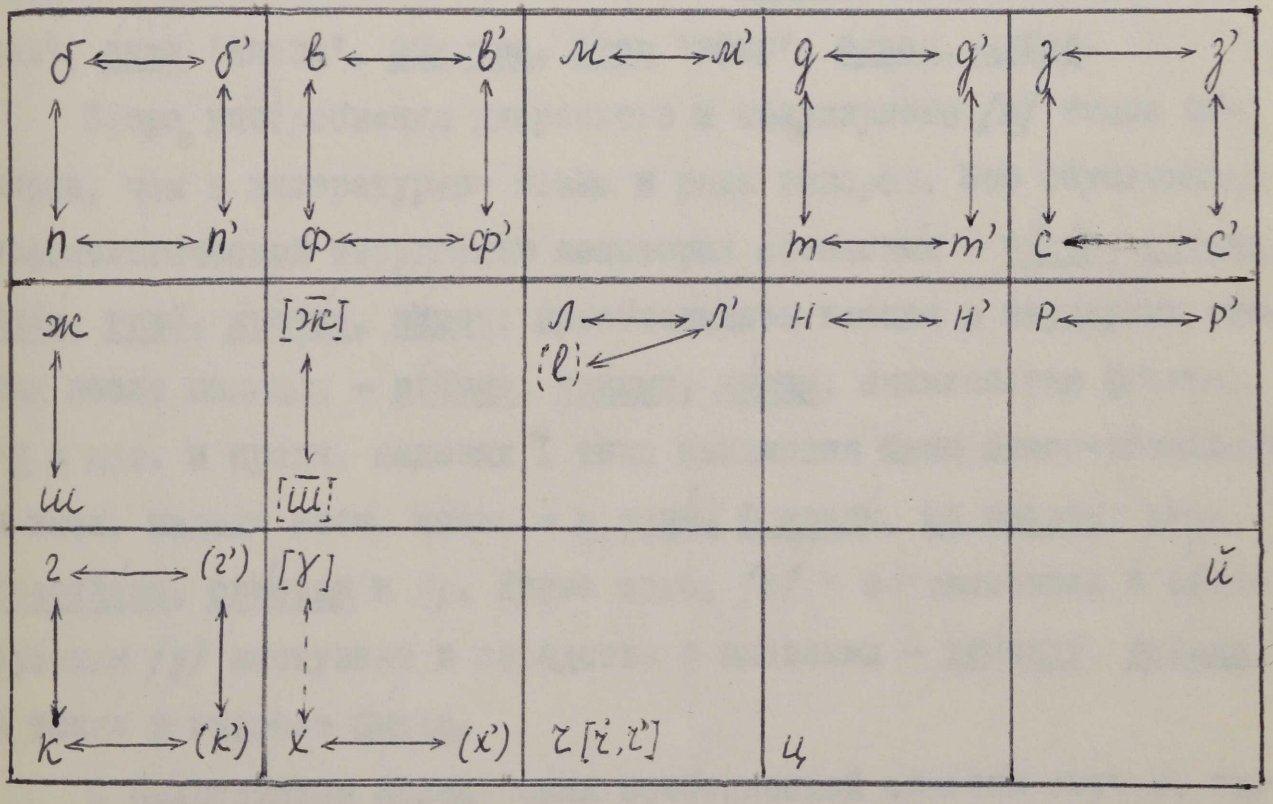
Два долгих твердых шипящих /ж̄/ и /ш̄/ противопоставляются по глухости-звонкости в ограниченном круге словоформ и не являются самостоятельными единицами фонологической системы. /ш̄/ может выступать в варианте с неполным смягчением и проявляет тенденцию к переходу в число самостоятельных фонем.

При общей актуальности корреляции твердость-мягкость уменьшается сфера функционирования парных мягких фонем за счет диспалатализации ряда согласных (губных, /р̑/ и ряда других) и полному или частичному отсутствию палатализации перед /е/.

Сильной позицией для парных согласных фонем, различающихся как по признаку твердость-мягкость, так и глухость-звонкость, является положение перед гласными /а/, /о/, /у/.

В позиции конца слова согласные фонемы могут различаться по дифференциальному признаку твердость-мягкость, но могут и терять это различие, реализуясь в твердом согласном. Парные по глухости-звонкости, наоборот, могут сохранять свои различитель-

ные признаки в этом положении. Таким же образом глухие согласные факультативно могут различаться перед звонкими и звонкие перед глухими. Следовательно, по отношению к нашему говору нельзя считать абсолютно сильной позицией положение на конце слова для твердых-мягких согласных. Нельзя также безоговорочно относить к сильным или слабым принятые позиции для глухих и звонких парных согласных фонем. Система согласных фонем отражена в следующей схеме:



Примечание: В круглых скобках обозначены позиционные варианты фонем, в том числе и факультативные, в круглых пуктирных - свободный вариант фонемы. В квадратных скобках - единицы речи (в квадратных пунктирных - с тенденцией перехода в фонему). Вертикальные стрелки показывают соотношения по глухости-звонкости, горизонтальные - по твердости-мягкости.

Анализ фонетико-фонологической системы говора Мехикоорма позволяет сделать некоторые выводы:

I. Для говора характерен 37-фонемный состав, расчленяющийся на 5 гласных и 32 согласных фонемы. Фонетическое наполнение фонемного состава, дистрибуция сильных и слабых фонем составляет определенное своеобразие говора.

2. В позиции ударенного начала слова расширяется возможность употребления фонем /а/ и /е/ за счет заимствований из эстонского языка или посредством его - а́зуник, а́уто, а́лев 'поселок', а́лма 'Альма', э́ликтра, э́тер 'эфир', э́кзам, э́дгар.

Сфера употребления ударенного и безударного /ы/ более обширна, чем в литературном языке и ряде говоров. Это обусловлено нефонологической твердостью некоторых согласных - чы́ста, мушы́на, дажы́, грыб, крычы́т, зи́мны; преобладанием иканья в заударных слогах после шипящих - ро́шына, ска́жыт, шы́ршы; активностью флексии -ы в дат. и предл. падежах I типа склонения имен существительных и имен. падеже множ. числа - к жаны́, ф травы́, на рабо́ты, ды́ры, крастья́ны, сре́ствы и др. Кроме того, /ы/ в соответствии с общерусским /у/ выступает в соседстве с плавными - хры́пкий, глы́пка, а также в глаголе бы́тта.

С сохранением архаических особенностей связаны случаи, где в соответствии с фонемой /е/ отмечается /и/ < /ĕ/ - фсе́й, фсе́х, на йазыки́.

3. Вокализм I-го предударного слога организован на принципах недиссимилятивного аканья и сильного яканья. Недиссимилятивное аканье - строго выдержанный тип вокализма, действие которого распространяется на проклитику и новейшую лексику: пад до́мъм, да ле́са, ад ды́ма, да ка́мна, калхо́з, райа́л. В этих же случаях силь-

ное яканье может нарушаться произношением [и] в соответствии с гласными неверхнего подъема - ни ва́жна, пирид до́мъм, ни ку́пим, мида́лам, савриме́нных. Поскольку [и] появляется независимо от характера гласного под ударением, можно полагать, что отклонения от якающего вокализма вызваны воздействием нормированного языка. Тем более, что в других безударных слогах (после мягких согласных) иканье является преобладающим типом вокализма.

Положение гласных после шипящих и /ц/ последовательно отражает принцип недиссимилятивного аканья.

4. Наибольшей редукции подвергаются гласные 2-го предударного неначального слога и неконечного заударного, реже - конечного закрытого. Наименьшая редукция безударных гласных отмечается в начальном и конечном открытых слогах. В заударных слогах наблюдается сосуществование различных типов вокализма, в том числе и различение гласных неверхнего подъема.

5. В системе согласных выделяется основное ядро и подвижная часть, состоящая из свободных (факультативных) вариантов фонем /ℓ/, элементов, находящихся на пути к самостоятельным единицам фонологической системы - [ш̄], [ч̄], различных переходных вариантов [ч̇], [ш̇], [кˣ] и др.

6. Для говора характерно наличие таких самостоятельных фонологических единиц, как фрикативные губно-зубные /в/, /в̄/, /ф/, /ф̄/

7. Сфера функционирования палатальной фонемы /й/ сравнительно широка. Она выступает препозитивно в именах и местоимениях - йа́ръвый, йо́лка, йон, йаны́, йе́ты; в составе корневых морфем, суффиксов и окончаний - вы́ймут, ба́йна, адна́йа, твайо́ва, зна́йут, де́лъйут, трудава́йа.

8. Различению твердых аффикат /ц/ и /ч/ предшествовало твердое цоканье, следы которого остались в словоформах ушоцы, прашоцы и в твердом /ч/. Переход от /ч/ к /ч'/ осуществляется в виде наличия ступенчатых рядов, отличающихся степенью палатализации. Однако четко разграничиваются лишь крайние члены этих рядов. То же самое происходит и в переходе от /ш/ к /ш'/.

9. Корреляция по твердости-мягкости функционально сохраняется. Но область употребления мягких согласных сокращается вследствие отвердения мягких губных на конце слова, диспалатализации /р'/ и некоторых зубных, появления твердых парных согласных и их вариантов с неполным смягчением перед /е/. Последнему в значительной мере способствует эстонский язык, в котором перед /е/ выступают твердые согласные.

Заднеязычные /г/ - /г'/ и /к/ - /к'/ различаются по твердости-мягкости перед /о/ в ограниченном круге словоформ: гот-маго́т лго́т; кот - пако́т, пако́м.

10. В целом изменение согласных по глухости-звонкости подчиняется закономерностям общерусского языка. Однако наблюдается различение глухих парных перед звонкими и звонких перед глухими не только на межсловесных стыках, но и внутри слова - этбы́л, пиражки́, ре́дкий. Факты позиционно необусловленной мены глухих и звонких согласных (пу́лка, са́мла́, кры́жа, ракида́) позволяют предположить воздействие иноязычной системы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТРОЙ ГОВОРА

I ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

В данном разделе будут рассмотрены формы рода, числа, одушевлённости/неодушевлённости имён существительных, определены основные типы склонения и выведены парадигмы каждого из них с вариантами падежных форм. Наблюдения над формами рода, числа и одушевлённости/неодушевлённости излагаются нами только в разделе имён существительных, поскольку здесь они являются несинтаксическими и образуют особые разряды слов.

I. Формы рода

В изучаемом старожильческом говоре бо́льшая часть существительных, употребляющихся в единственном и множественном числе или только в единственном, обладает формальными признаками грамматического рода. По характеру основы и окончания и женскому роду относится бо́льшая часть слов с окончанием -а в именительном падеже единственного числа, имена существительные с основой на мягкий согласный и -ж, -ш, -ч, -ш̄ с окончанием -и(-ы) в родительном падеже единственного числа: ло́тка, ск̓ирда́, св̓акро́ва, д̓аре́вн̓а, с̓ам̓йа́, учы́т̓ил̓ша, инжыре́йа 'оранжерея', р̓ака́, гр̓ас̓, р̓еч, рош, в̓еш̄ 'вещь' и т.д.

К мужскому роду относятся существительные с основой на твёрдый согласный и -й, с основой на мягкий согласный и -ж,

-ш, -ч, -щ с окончанием -а в родительном падеже единственного числа, лица мужского пола, оканчивающиеся на -а в именительном падеже ед. числа, напр. гот, мох 'болото', судак, угол, таплак 'ветер с юга', зат, шабор 'лещ', леш, кирпич, нош, дада, батушка 'священник', вана, сена и др.

Группу имен среднего рода составляют существительные с окончанием в именительном падеже -о (-е) - сало, васло, памало, кино, акно, икро. В безударном положении выступают фонетические варианты этой флексии -а, -ъ, -и, -ь, -ь^{е}, -э, напр. озира, йаблъка, поли : поль^{е}, зренийъ : зренийа, зданийъ : зданийа, мори : морь^{е}, пабоища, сонцэ и т.д.

Из существительных общего рода зафиксированы в употреблении немногие слова, такие как пйаница, сирата, наваха.

Наряду с этим, в исследуемом говоре некоторые группы имен существительных проявляют неустойчивость в оформлении грамматического рода. Некоторые колебания наблюдаются в именах существительных среднего рода. В первую очередь, это проявляется в случаях нарушения характера синтаксической связи между существительными среднего рода и согласуемыми с ними прилагательными, неличными местоимениями и глаголами в форме прошедшего времени. Согласуемые единицы могут употребляться в форме женского рода. Например: сена сухайа, тагда эта братайа началас, майа дела малинкъйа, направленийа была суда, тайа места гнилинъйа 'то место было глиняное', пола ржанайа, эта вадро худайа, лета гарас плахайа была, гаданйа была такайа и т.д. Помимо именительного падежа, существительные среднего рода наиболее последовательно совпадают с существительными

женского рода в винительном падеже: вазми́ ту́йу ба́лйу 'то белье' пало́жат на гара́чуйу зале́зу, ару́жыйу в ле́с паста́вили, испална́ли пад йе́та сопръважде́нийу 'под это сопровождение', адийа́лу падари́ла, палуча́ла спасо́бийу, купи́ли но́вуйу палту́; взала ат мана́ ало́йу (имен. падеж - алойа 'алоэ'). В других падежах это совпадение отмечается в единичных случаях: падбару́тса г го́рли, при́шла́ с ки́ны.

Переход существительных среднего рода в женский в акающих говорах исследователи объясняют фонетическими причинами - совпадением в произношении безударных окончаний среднего и женского рода.[I] Н.П. Гринкова, устанавливая две ступени в процессе утраты категории среднего рода, указывает, что появление падежных окончаний, типичных для склонения имен женского рода, свидетельствует об устойчивом восприятии существительных среднего рода как существительных женского рода. При этом, помимо внутренних причин, разрушению среднего рода может способствовать воздействие на русский диалект языков, не знающих категории рода.

[I] Е. Будде, К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей Рязанского говора, Варшава, 1892, стр. 103; С.П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, вып. I, Л., 1927, стр. 49 - 50; С.И. Котков, Говоры Орловской области. Фонетика и морфология. Докторская диссертация, М., 1952, стр. 59 - 70; В.Н. Кретова, Морфологические особенности южнорусских говоров. - Известия Воронежского пед. ин-та, 42, Воронеж, 1962, стр. 129; Н.П. Гринкова, Средний род в русских диалектах. - Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена, том 59, Л., 1948, стр. 91, 95.

Переходу среднего рода в женский в нашем говоре сопутствует переход среднего рода в мужской. Ср. пабо́ише был лидано́й, саапше́нйи до́лжын быт, тако́й сло́ва йест, пита́нйа на свой шот был, се́нъта ни ду́жы сухо́й, ва́тный удийа́ла, мой палто́, йе́тът кино́, насиле́нйа сме́шънный, дно прала́тел 'дно провалилось'.

Некоторые ученые считают, что при замене среднего рода мужским играет роль морфологический фактор, т.е. близость парадигм склонения имен существительных мужского и среднего рода.[I] Другие же видят причину перехода существительных среднего рода в мужской в редукции конечного гласного звука в формах определений - прилагательных с ненаконечным ударением и утрату гласного внутри синтагмы.[2] Фактический материал нашего говора не подтверждает этой закономерности: формы мужского рода вместо среднего или женского рода могут стоять в конце синтагмы (ср. примеры пита́нйа... был, се́нъ-та... сухо́й и др.), где редукция конечного гласного, как уже отмечалось, минимальна. С другой стороны в ряде случаев отличие форм мужского и среднего рода

[I] Н.Н. Дурново, Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии, Варшава, 1903, стр. 138; С.С. Высотский, Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы. - Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР, вып. I, М., 1948, стр. 89 - 91.

[2] С.П. Обнорский, Именное склонение.., стр. 52 - 53; В.Т. Мосиенко, Переход имен существительных среднего рода в мужской в говорах южного Урала. - Тезисы докладов на X диалектологическом совещании II - 14 мая 1965 года, М., 1965, стр. 64 - 66; И.Р. Емельченко, Категория рода в Уральском степном говоре. - Уч. зап. Гурьевского гос. пед. ин-та, в.I, Гурьев 1958, стр. 127, 132.

заключается не в конечном гласном, ср. - саапшéнйи дóлжын быт' (вместо далжнó), вáтный удийáла астáлса в ей (вместо астáлас'), мой палтó (вместо майó), йéтът кинó и др.

Помимо этого, нами отмечено немало случаев, когда существительные женского рода приобретают грамматическое значение мужского рода и наоборот. Среди них выделяются следующие факты нарушения родовых признаков: пагóда худáйа был, э́тат вáйна пишахóднъйа бы́ла, дóлжын быт' кукýшка гатóвъйа, тапéр' фáбрика тýйу запáс дайóт, тем кóнчылас' савóднишный ден', тапéр' тавó катóхи нéту (имен. падеж катóха 'дубило'), малчы́шки крýтат снег и анó замáрзаит, в нас рош харашó зрел, такóва матéрии нé была, савóнни паймáли йáжа - мáлинкъйа, мáлинкъйа. Отличия по роду от литературного языка зафиксированы в таких существительных: маладóжу фсо óчын прóста бы́ла, инвентýр дéлъли 'инвентаризацию делали', нóвъйа стýла, дай тýйу стýлу, йачмéн бы́ла в нас пасéина, жы́тнъйа салóма астайóтса ат йачмéни, гвозд' папáла, лúтру вóтки давáли, нáша клúма йамý ни гадúтса, избы́тка вы́шла 'избыток получился', нóвый крылéц абишшáл сдéлат', в манá длúнный увáл был 'длинная вуаль', пастрóили санатóрийу в лéс, стрáшный грас', синакóса бы́ла на éту стóръну, пóлный мýдэл' 'полная модель', ва врéма убóрка, пришóл с рабóта, сúта здéлъна из прóвълъка.

Материал показывает, что расхождения в родовой характеристике имён существительных наблюдается в следующих случаях: I) при сохранении старой родовой принадлежности - санатория, вуаль, крылец; 2) в именах существительных среднего рода с основой на -й, в основном заимствованных из литературной речи -

пособие, направление, сообщение, здание и т. под.; 3) в именах существительных мужского и женского рода на -ь - прорубь, гвоздь, оттепель, грязь, ячмень; 4) в заимствованиях из эстонского или посредством эстонского языка, сохраняющих фонетический состав эстонского слова,- клима, инвентур, мудель и др.; 6) в исконно русских словах с основой на твёрдый согласный - гнездо, сено, дно, война, погода, работа, стул, запас и др.; 5) при освоении заимствований из литературного языка - мотор, радио, литр, кино.

Таким образом, при наличии в говоре всех трёх родовых классов целые группы существительных обнаруживают определённые отклонения в оформлении рода. Следует отметить, что колебания в роде проявляются в одних и тех же лексических единицах, нередко в речи одного и того же носителя говора. Напр., пришо́л с рабо́та : пришо́л с рабо́ты, кино́ интере́сный : кино́ должно́ быт, гво́зд папа́ла : ста́рый гвозд и т. под. Аналогичное явление отмечено и в русских говорах Литвы.[I] Наиболее последовательно новая родовая принадлежность выдерживается в заимствованиях из литературного языка с суффиксом -ение. Обычно они ведут себя, как существительные женского рода - плаха́йа зре́нийа, та́йа направле́нийа, спасо́бийа нибалша́йа. Как правило, в женском роде употребляются имена существительные сту́ла, зале́за, мато́ра, ли́тра. Заимствования из эстонского языка кли́ма, ви́мба 'тарань',

---

I М.К. Сивицкене, Об особенностях родового оформления имён существительных в русских говорах Литвы. - Тезисы докладов диалектологической конференции по изучению русских говоров Прибалтики, Тарту, 1968, стр. 20.

трéпка 'лестница' оформляются как существительные женского рода, мýдэл', инвéнтýр, рэ́дел' и др. - как мужского.

Одной из причин некоторого ослабления категории среднего рода в нашем говоре, видимо, надо считать фонетическую, поскольку говор относится в числу акающих. Однако, как справедливо отмечает В.И.Чагишева, для разных говоров не может быть единой причины, обуславливающей разрушение категории среднего рода.[I] Можно предполагать, что в данном случае, помимо аканья, играют роль и другие факторы, действие которых распространяется не только на средний род, но и на всю категорию рода в целом. Об этом свидетельствуют такие факты, в которых родовое отличие заключается не в конечном гласном, - тем кóнчылас' сáводнишный ден', э́тат вайнá, дóлжын быт' кукýшка гатóвъйа; употребление форм склонения имен мужского рода, соответствующих формам женского и наоборот, - сварчóк за пачóм, сдéлъна ис прóвълъка 'из проволоки', рыбъйу-та глéв на знáиш; появление согласуемых единиц в мужском роде при лицах женского пола и в женском роде при лицах мужского пола - анá ф кýхни далжóн быт', клáриса вышыл, нáша кóлка, дачкá прийéхъл, сын привáла рáмы.

По всей вероятности, процесс трансформации родовых форм в нашем говоре происходит под влиянием комплекса причин. Фонетические условия аканья, в частности, реализация конечных заударных глас-

---

[I] В.И.Чагишева, К вопросу о категории среднего рода в местных говорах. - Псковские говоры. II, Псков, 1968, стр. 155.

ных неверхнего подъёма в звуке, близком к /а/, способствовали совпадению форм среднего и женского рода. С другой стороны, отсутствие самостоятельной парадигмы склонения имён среднего рода и почти полное совпадение форм склонения прилагательных мужского и среднего рода создали условия для замены среднего рода мужским в сравнительно малочисленной группе имён существительных среднего рода. Внутренние причины распада среднего рода, видимо, были поддержаны внешним фактором - влиянием эстонского языка, система которого не располагает категорией рода. Речь эстонского населения, а также членов смешанных русско-эстонских семей, не придерживающихся строгой нормы в употреблении родовых форм, в условиях тесного контактирования могла воздействовать на речь носителей русского диалекта. Отсюда появились случаи замены не только среднего рода женским и мужским, но мужского - женским и наоборот. Таким образом, в процессе функционирования языка по разным причинам возникли факты, действующие в одном направлении.

Случаи замены среднего рода женским и мужским известны и в других русских говорах Эстонии.[I]

2. ЧИСЛО ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

По признаку грамматического числа все существительные в нашем говоре, как и в других русских говорах, делятся на два

[I] Х.Хейтер, Диалектный русско-эстонский билингвизм..., стр. I8.

класса - существительные единственного и множественного числа. Большинство имён существительных обладает как формами единственного, так и множественного числа: сястра́ - сёстры, стол - сталы́, акно́ - о́кны и т.д.

Имена существительные, относящиеся к классу singularia tantum, в основном те же, что и в общерусском языке. Отклонения наблюдаются в единичных случаях. Так, например, по аналогии с существительным горох употреблено слово той же семантической группы боб в форме единственного числа: мы танцава́ли, а нам бо́бу, гаро́ху дава́ли, бо́бу сажа́им. Существительные снеток, гриб и др. употребляются иногда в форме единственного числа с обобщённым значением: в бор ходи́ли, ду́мали где́-нибут гриба́ найдо́м; слизи́н зафсагда́ на гри́бу, на капу́сти чэ́рыф, ани́ их апчы́стат и гриб бу́дэ чы́стый; ны́нчы сафсе́м снета́ в нас на была́, снато́к с васны́ лави́ли.

Для выражения единичности в говоре продуктивны образования с суффиксом -ин-: дирави́на, йали́на 'ель', трасти́на, прашви́на 'вид кружева', йа́чына 'ячейка в сети' и др. Однако, образования с -ин- в некоторых случаях приобретают собирательное значение и выражают видовые понятия, аналогичные литературному слову древесина, ср. судак знатнъйа ры́бина 'ценная рыба'; што о́кун што суда́к кре́пка така́ ры́бина в ей не́ту ме́лкъй ко́сти; э́тъку ры́бину как ла́шша шшу́ку ва́лим, сама́ харо́ша ры́бина в нас суда́к и шабо́р 'лещ'.

Группа имён существительных pluralia tantum представлена такими словами, как дро́вы, што́ны, ста́вы, сосни́цы (топо-

ним, название деревни - В.М.), пълсапо́шки, имани́ны и др. К переходу в эту группу проявляют склонность существительные пряжа, кладбище: шырста́ным пра́жам вышыва́ли; ле́т со́рък бу́дит абра́тна как ру́ски кла́дбишша здес (речь идёт об одном маленьком кладбище - В.М.), пръвасла́вныи кла́дбишша в нас йест, па́митник им паста́влина на кла́дбишшах. Однако оба слова могут употребляться и в единственном числе. Существительное платье в традиционном слое говора употребляется только в форме множественного числа: на не́й пла́тйа загаре́лиса, в мана́ бы́ли аде́та ро́зъвыи бати́стъвыи пла́тйа, пае́хъли и сваи ванча́лныи пла́тйа забы́ли, в не́й пла́тйа гара́с каро́тки аде́та, ва́шы си́нии пла́тйа уж вы́съхли (имеется в виду одно платье - В.М.), аде́н но́выи-та пла́тйа, гара́с краси́вы платйа в не́й вчара́ были аде́та, на вас бы́ли вы́шытыи пла́тйа - вы их са́ми вышыва́ли?

Существительные черника, виноград, тыква, пакля, работа могут употребляться как в единственном, так и во множественном числе: чарни́ка-та уж гато́ва - ф том ла́су и мали́на и чарни́ки ес, в не́й пла́тйа в чарни́ках испа́чкъна, в чарни́ках хади́ли 'за черникой'; ты́квы на наво́зи сажа́йут, кагда́ лон чэ́шут па́кли выхо́дут, да и други́и рабо́ты машы́нам де́лъйут, йа винагра́ды ни лу́блу ес ани́ ал нет, о́синйу ф пы́лва винагра́ды быва́йут. Можно полагать, что появление форм множественного числа в существительных черника и виноград возникает под влиянием эстонского языка, в котором эти слова имеют формы как единственного, так и множественного числа, ср. виноград единственное число viinamari, множественное viinamarjad; черника - единственное число mustikas, множественное - mustikad. Что касается

слова платйа, то мы затрудняемся дать какие-либо определённые объяснения. Возможно, это существительное стало функционировать лишь во множественном числе по аналогии с такими эстонскими словами, как riided и rõivad, употребляющимися для выражения общего понятия "одежда" только в форме множественного числа. Зафиксирован случай, когда слово платья обозначает мужскую верхнюю одежду: маи ванчáлныи плáтйа забыли, йавó плáтйа (т.е. жениха) были адéты. Наблюдения показывают, что в этом слове произошла полная замена парадигмы склонения имён среднего рода парадигмой склонения существительных во множественном числе, ср. нóвых плáтий ишó на шыла, к стáрым плáтйам абóрку пришыла, в ней сáвонни нóвыи плáтйа адéта, йа в батúстъвых плáтйах ванчáлас.

Рассмотренный материал свидетельствует о том, что в нашем говоре отмечается несколько иное лексическое наполнение категорий pluralia и singularia tantum, чем в литературном языке, и это составляет определенное своеобразие говора.

3. КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ/НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ

Как известно, принадлежность к грамматическим категориям одушевленности или неодушевленности в русском языке выражается различием форм винительного падежа. У одушевленных существительных мужского рода (кроме слов на -а) винительный падеж единственного и множественного числа совпадает с родительным, у неодушевленных - с именительным. У существительных женского рода аналогичное совпадение происходит только во множественном числе.

В современном литературном языке имеют место некоторые колебания и противоречия в оформлении категории одушевленности/неодушевленности.[1] В нашем говоре они наблюдаются в словах, широко бытующих в языковом коллективе и обозначающих известные названия рыб и животных, например: сйадýт бéлки какú-та звéри, кóни даржáли, мы тут вúдили вóлки, йон и кунúцы лóвит, анú хóдат туды мы́шки лавúт, вáсной лавúли снáтки 'снетки', купцы́ убирáли снáтки, атцы́ нáшы ишшó снáты-та лавúли, снатóк вáсной лóват, да вéчыра лóвиш судакú, нéкътърыи óкуни привáла 'несколько окуней принесла', балшы́и шшýки привáли. В отдельных случаях информатор, употребив форму винительного падежа множественного числа, равную именительному, тут же поправляется и ставит правильную с точки зрения нормы, например: вúдил вóлки - вúдил валкóф. Как показывают факты, в исследуемом говоре категория одушевленности не охватывает в должной мере множественного числа. Видимо, это явление надо рассматривать как результат отъединенности говора.

4. СКЛОНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

4.I. Имена существительные, как и в большинстве русских говоров, объединяются в четыре основных типа склонения, противопоставленные друг другу определенным комплексом падежных

---

[1] В.В.Виноградов, Русский язык. Грамматическое учение о слове, М.-Л., 1947, стр. 90 - 91; Л.А.Булаховский, Курс русского литературного языка, М., 1937, стр. 165.

окончаний, часть которых имеет параллельные формы различного происхождения, а также фонетические варианты, связанные с особенностями заударного вокализма данного говора. Единство типа склонения основано на противопоставлении целого ряда параллельных форм (основная форма и её варианты) каждого падежа.

Имена существительные единственного числа распределяются по первым трем типам склонения в зависимости от принадлежности к роду и характеру основы. К IУ типу склонения мы относим все существительные множественного числа. Объединение существительных множественного числа в один тип склонения достаточно обосновано в диалектологической науке.[I] Материал нашего говора не дает оснований выделять в существительных множественного числа особые типы склонения. Известно, что наибольшее разнообразие окончаний во множественном числе дают именительный и родительный падежи различных групп существительных. В нашем говоре то или иное окончание этих падежей обнаруживается в любой группе существительных. Поэтому разные группы существительных множественного числа целесообразнее рассматривать как разновидности внутри одного типа склонения.

Замкнутые группы слов, не имея твердых парадигм, или проявляют тенденцию к несклоняемости, как, например, время, имя, или переходят в один из основных типов склонения - свякрова, свекровь, цэрква : цэркавь.

I Русская диалектология, стр. II3.

Распределение существительных по основным типам склонения имеет некоторые особенности, связанные с колебаниями целых групп существительных в оформлении рода и отдельных существительных - в оформлении числа. При переходе из одного типа склонения в другой немногие имена последовательно выдерживают парадигму нового типа склонения. Так, последовательно изменяются как имена женского рода на -а существительные жале́за, сту́ла; по склонению имен существительных во множественном числе - пла́тйа и немногие другие.

Основная масса имен существительных распределяется по типам склонения следующим образом:

42. К I типу склонения относятся имена существительные женского рода единственного числа с окончанием -а в именительном падеже, твердым или мягким согласным в исходе основы: ва́да, ра́ка, сту́жа, ту́ча, по́длина 'подкладка', памо́га 'помощь', ба́йна, са́мйа, йа́блъна, ро́да 'родня', дачка́; некоторые существительные мужского и общего рода - да́да, ба́тушка 'священник', се́на, ва́на, пйа́ница, сирата́, нара́ха. Существительные ба́лйа, ~~епасо́бийа~~, ~~ару́жыйа~~, ли́тра, кли́ма и др. образуют лишь отдельные формы по данному типу склонения.

Парадигма I типа склонения характеризуется совпадением родительного, дательного и предложного падежей в форме -и/-ы/ как в предложных, так и в беспредложных конструкциях безотносительно к месту ударения в слове. Так, в родительном падеже флексия -и выступает после мягких и заднеязычных согласных, а также полумягких /ч́/ и /ш́/, например: ма́ла за́мли́ име́ли́,

майова дади дачка, две надели, с расеи приехъла, с йетай тучы, возли дароги, рыбу с кички дасталут, в навески, с чарники кисел и др. После твердых согласных, шипящих и /ц/, как правило, появляется флексия -ы: посли йетай вайны, мушчыны в доми нет, многа дасады 'горя' была, блиска васны, ат стужы, бас крыжы, с рунницы 'из Рудницы'.

Флексия -и /-ы/ в дательном падеже может быть как под ударением, так и в безударном положении. Ср. в беспредложных сочетаниях - дал жаны, лгот жаны, паслала сястры, сказал зинаиды, аставила свакровы; в предложных сочетаниях - г зимы гатовилис, пастаф к станы, вышывали пъ канвы, па какой-нибут причыны, к речки вы хадифшы, па вады привадили, г дачки паехъла и т.д. Параллельно с -и /-ы/ в дательном падеже известна флексия -е, которая выступает в основном виде только под ударением - кум куме судака ташшыт, к рике пашли, сказал састре. В безударном положении флексия -е реализуется в своих фонетических вариантах -и, -$и^{е}$, -$е^{и}$. Наиболее редуцированный вариант выступает в середине синтагмы - йон к байнъ^{и} пашол, сенъ^{е} фсо нипачом, па книгъ^{и} йетъкай фсо учылас. В конце синтагмы редуцированный гласный окончания проясняется до -и, совпадая с традиционной формой. Анализ I00 форм дательного падежа показал равное соотношение в употреблении форм -и /-ы/ и -е (с фонетическими вариантами).

Из I00 взятых подряд форм предложного падежа обнаружено 90 случаев формы -и/-ы/ и I0 случаев -е. Окончание -и/-ы/ может быть как ударным, так и безударным. В обоих положениях -ы употребляется независимо от твердости или мягкости соглас-

ного в исходе основы. Окончание -и выступает после основ на мягкий согласный или заднеязычный. Ср. под ударением -на станы висит, ф халоннай вады памочым, на етай страны, на вайны был, ф трасты матора стаит 'в тростнике' (имен. падеж - траста), ф чыстай избы на жыво, на дачки адета, йана в глыбины жыво 'в глубине', на плиты стаит, в ихнай самйи на быфшы ругани, в раки рыба е, пражывал на замли и т.д. В безударном положении - ф комнаты зимой держым ану, на машыны на волги привала, стаит на сцэны, на етай улицы, на пираправы были, на физичыскый работы, куча на кучы, памашалса на рыбы, на маторы приехафшы, в рапины йана жыла, ф цэркви камин крепшы, ф комнаты пирасушыш, ф школы-та датей заучылис 'заучили', на жалезы 'на железе', ф кажный роты, в веры-та йа быфшы, 'в Веру', на сватой надели, на капусти чэриф, ана ф кухни, нарот--та был ф саротки 'внутри помещения', в речки бочка плаваи, в дареви скаплайутса.

Под ударением в тех же лексемах встречается окончание -е: в раке утанула, ф траве нашла, при састре дела была, в вайне участвъвал, на ваде убили. В безударном положении флексии -е и -и могут совпадать в вариантах -и, -и^{е}, -е^{и}.

Заимствования оформляются флексией -ы и -и (как фонетическим вариантом -е). Иногда заимствованное слово встречается в обеих формах, ср. - на маторы приехафшы, в роты, на плиты, на машыны, стаит на сцэны. Наряду с этим - в моди тапер, кто выступали на сцэни, ф тихничыскай литиратури и др.

Совпадение родительного, дательного и предложного падежей в форме -и /-ы/ является характерной чертой северо-запад-

ной диалектной зоны и части говоров южного наречия.[1] Эта особенность отмечается также в соседних псковских[2] и некоторых говорах Прибалтики.[3]

Винительный падеж имеет форму -у в ударном и безударном положении, после твердых и мягких согласных основы, ср. - йайу́ в ло́тку при́вали́, йа б их в газе́ту паста́вила 'о них написала в газету', харани́ли калпачы́ху до́нкину-та свакро́ву (имен. падеж - свакро́ва) аста́вил са́стру́ суды́ка, ваива́л ф ца́рску вайну́, шырста́ну пра́жу то́жы пра́ли, разучы́л нам е́ту пе́сну, стро́или инжыре́йу 'оранжерею', ле́тас каро́фку да́ржа́ла, е́тъку дачку́-та и вза́ли, каро́ва в жалту́ху папа́ла 'заболела желтухой'. Материал показывает, что по форме винительного падежа наш говор не отличается от литературного языка.

Творительный падеж представлен ударной флексией -ой после твердых и мягких согласных основы: ана́ шла за хвайо́й 'за еловыми ветками', сухо́й наго́й чъриз ле́с 'не замочив ног', пла́тйа з бахмаро́й, ту́ча старано́й идо́, с дачко́й приехъла, с са́мо́й жыво́, с муко́й прийажжа́ли, за́млой ни занима́лис и т.д. Один раз зафиксирована под ударением флексия -ей без перехода е > о в речи женщины, прожившей годы войны на Урале - чышуе́й валаса́ палны́.

---

[1] Русская диалектология, стр. 248.

[2] З.В. Жуковская, О типе говоров.., стр. 20.

[3] М.К. Сивицкене, Об особенностях проявления некоторых морфологических черт в русских говорах Литвы. - Диалектологический сборник, Рига, 1968, стр. 113; Х.Хейтер, О русском диалекте в Ийзаку, стр. 141.

Безударное окончание творительного падежа имеет ряд параллельных форм, что объясняется особенностями заударного вокализма нашего говора.

Парадигма I типа склонения показана в следующей схеме:

Пад.	Основные формы и фонетич. варианты
И	- а
Р	- и (-ы)
Д	- ы[1], -и, -е (-и, -и^{е}, -е^{и})
В	- у
Т	- ой (-ай, -ъй, -ъ^{а}й, -ъ^{ы}й)
П	- ы, -и, -е (-и, -и^{е}, -е^{и})

---

[1] В первой главе настоящей работы мы рассматривали /ы/ как позиционный вариант фонемы /и/, появляющийся после твердых согласных. Как известно, это вопрос спорный, /ы/ значительно самостоятельнее всех вариантов других фонем. В древнерусском языке /ы/ был отдельной фонемой, ~~а~~ -и и -ы в именах существительных были самостоятельными флексиями, ср. столи - столы. Исходя из этого, для удобства анализа мы будем при описании морфологических явлений говорить об -и и -ы как о разных окончаниях.

4.3. Второй тип склонения объединяет имена существительные единственного числа мужского рода на твердый и мягкий согласный в исходе основы и с нулевой флексией, а также существительные среднего рода единственного числа с окончанием -о и его безударными вариантами -а, -ъ, -и, -е, -ь, например: дом, кол, лес, уго́л, хо́лът, бе́рик, муро́к, крыле́ц, кало́диц, руче́й, край, ден, ма́дъет, кон, акно́, васло́, о́зира, ме́ста, де́лъ, го́ри, по́ле, пабо́ишшэ 'побоище', ва́зъний 'вязанье' и т.д.

Рассматриваемый тип склонения характеризуется противопоставлением пяти падежей вместе с параллельными формами и их фонетическими вариантами. Так, в родительном и предложном падежах сосуществуют две падежные формы -а, -у и -е, -у, что свойственно русскому языку в целом. Происхождение форм на -у в указанных падежах, как известно, связывается с утратившейся категорией имён с основой -й. Проникновение этих форм в склонение имен с первоначальной основой на -о уходит корнями в глубокую древность и известно всем ветвям славянского языка.[I] В русском языке эти новообразования более отчетливо проступают с I3-го века.[2] В последующие эпохи, как отмечает С.П. Обнорский, процесс становления форм на -у то суживался, то расширялся.[3] Возможно, это явилось одной из причин нерав-

---

I С.П. Обнорский, Указ. сочин., стр. 99.

2 А.И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, Изд. 4, М., I907, стр. I70 - I7I.

3 С.П. Обнорский, Указ. сочин., стр. 99.

номерного распределения флексии -у в родительном и предложном падежах в современных говорах. Соотношение окончаний -а и -у в родительном падеже в русских говорах изучено недостаточно.[I]

Старшее поколение исследователей - от Ломоносова до Шахматова, - касаясь этого вопроса, ограничивалось созданием лексико-семантических группировок слов, имеющих флексию -у.[2] С.П. Обнорский связывает возникновение этих форм с акцентологическим фактором. Согласно его теории, проникновение форм на -у в склонение имен существительных с основой на -о происходило одновременно в родительном и местном падежах. В первую очередь влиянию подверглись имена мужского рода с подвижным /нисходящим/ ударением на основе. В родительном падеже развитие флексии -у шло от имён с отвлечённым значением к именам собирательным и вещественным, которые могли иметь и наконечное ударение.[3]

Форма родительного падежа на -у в современном русском языке широко распространена в отвлеченных, собирательных и вещественных существительных и является одним из основных признаков категорий отвлеченности и вещественности.[4]

Вопрос о флексии -у в современных русских говорах отра-

I Русская диалектология, стр. I07.

2 А.А. Шахматов, Историческая морфология русского языка, М. I957, стр. 240 - 247, 364 - 365.

3 С.П. Обнорский, Указ. сочин., стр. I9I - I93, 230 -232.

4 В.В. Виноградов, Указ. сочин., стр. I66.

ражается в целом ряде исследований.[1]

В нашем говоре форма родительного падежа на -у мало продуктивна и заметно вытесняется формой на -а даже в тех группах слов, где её наличие акцентологически и семантически оправдано. Например, в вещественных и собирательных существительных независимо от места ударения в слове: кладо́ш чыснаку́, пе́рца, лу́ку; палажы́т лучка́ в уху́ на́да, укро́пчыка; пасе́ила намно́шка ради́ски, укро́пу; ра́жыным дава́ли бо́бу, гаро́ху; гаро́ха-та ны́нчы нету; вира́су принасла́ 'вереску'; хварастка́ на́да прине́ст, ча́йа-та на пйот, вы́пий чайку́-та.

Родительный частичный от вещественных существительных, а также родительный места и времени в сочетании с предлогами чаще оформляется флексией -а, например: накипати́ш кипатка́, дла во́здуха кладо́м, паска́-та тут нет, дла стро́йки паска́ вази́ли, ат исто́нцъф мо́да-та ку́пим, два кило́ мо́да прива́ла мне, ф про́шлъм гаду́ мно́га сне́га бы́ла, шэст волн га́за папа́ла нам, пе́р-

---

[1] С.И.Котков, К изучению орловских говоров, Уч. зап. Орловского гос. пед. ин-та, т. УП, вып. 3, 1952, стр. 72 - 73; М.Н.Бувальцева, Говоры Белозерского района Вологодской области. Канд. диссерт., М., 1955, стр. 150 - 151; В.И.Столбунова, Говоры русских поселений на Буковине. Канд. диссерт., Черновицы, 1960, стр. 119 - 121; З.Я.Агульникова, Из наблюдений над говором русского населения на территории Молдавской ССР. - Уч. зап. Московского пед. ин-та им. В.И.Ленина, № 224, Русские народные говоры, 1964, стр. 84; Е.И.Самохвалова, Среднерусские говоры в украинском окружении. - Диалектологический сборник, Рига, 1968, стр. 155.

ца пало́жыш, бли́ска до́ма, с то́ва кра́йа е́йный-та дом, с то́ва кра́йа начну́, бли́ска сара́йа, да ве́чыра ло́виш, да го́да де́ржым, с ча́са в ей абе́т и т.д.

Иногда в речи одного лица в одном и том же контексте встречаются обе формы: шэст волн га́зу напусти́л и далее - шэст волн га́за папа́ла нам; мно́га сне́гу и тут же поправляется - мно́га сне́га кане́шна. Колебания в употреблении форм -у и -а отмечаются в речи лиц всех возрастов.

Как показывает материал, флексия -у ещё держится в некоторых вещественных и собирательных существительных, нередко параллельно с флексией -а: гаро́ху и гаро́ха, лу́ку и лу́ка, сне́гу и сне́га; в сочетаниях с предлогом с и в устойчивых сочетаниях с отрицанием - с ле́су вы́шли, с но́су прие́хъли 'из деревни Нос', з до́му фсо вы́нисли, с ро́ду така́йа, на ра́зу, на ша́гу, на ча́су, на слу́ху на ду́ху, не́т то́лку и др.

Такая активность флексии -а и распространение её на область вещественных и собирательных существительных говорит о сворачивании формы на -у в родительном падеже. Выяснение причин этого явления требует дополнительных исследований.

В предложном падеже наблюдается несколько иная картина: из двух функционирующих форм -у и -е наиболее продуктивной оказывается форма на -у.

Слова, в которых отмечается колебание в употреблении форм -а и -у в родительном падеже или постоянно выступает форма -а, в предложном падеже, как правило, оформляются флексией -у: на сна́гу ла́жал, стро́илис на па́ску, в и́хнъм даму́, в ла́су бы́фшы, ф про́шлым гаду́, на кра́йу дом.

Флексия -у в основном бывает ударенной и зафиксирована не только в односложных, но также в двух- и трехсложных словах, ср. - в бару́ гри́бы ес, ф тым саду́, йа́блъки так ва рту́ и рассыпа́йутса, в двацца́тым гаду́, на ка́ждым шагу́, в анно́м ра́ду, на то́м баку́ о́зира 'на той стороне озера', сли́зин на гри́бу, се́на на мурку́, ф том канцу́ даре́вни, на ватру́, ку́ры на крылцу́ /именительный падеж - крылец/, ф страйу́ шли́, на варху́ сасны́, со́сницы то́жы на бира́гу, стро́илис на па́ску, мы на угалку́ тут жы́ли, в насу́ в гаста́х бы́вшы 'в деревне Нос', на мурку́ в их хле́ф ру́бица, на чърдаку́, на ра́мну штаны́ но́сат, на брусу́ то́чат.

Безударное окончание -у встречается сравнительно редко, например, в таких случаях - в йе́тъм ме́сицу, в йа́шшыку бы́ли, в во́йлъку гвозд бы́ла, в йе́тъм слу́чъйу на́ло́вим. Ещё реже -у встречается в одушевлённых существительных мужского рода - при мужыку́ запа́с съмало́нный 'при муже сети смолёны', при аццу́ амба́р стайа́л.

Неологизмы также могут оформляться флексией -у: на пла́жу 'на пляже', на фтаро́м итажу́ 'на втором этаже', ф палку́ служы́л. При ударении на основе, как правило, появляется окончание -и, реже -е: на тра́ктъри рабо́тайе, пайу́ ф хо́ри 'пою в хоре', ф шало́ни е́хъли 'в эшелоне', ф пара́ти прашли́ 'в параде', ф саста́ви шашна́ццат чылаве́к, ф клу́бе хади́ли, ф фро́нте уча́ствъвал.

Окончание -е и его безударный вариант -и характерны для существительных среднего рода - йон на́ пъли на бы́вшы 'он на поле не был', на́ зири был 'на озере', ф плахо́м ме́сти, в акне́

паказа́лъс, на вине́ пама́шафшы, на са́ли пажа́рим; одушевленных существительных мужского рода - на кане́ прие́хъли, аб ацца́ вспо́мнил, ф судаке́ три кило́, аб э́тъким па́рни уби́ваицца, на ма́лцы руба́шка загаре́лас; для ряда неодушевленных существительных мужского рода с различным количеством слогов и различных акцентологических типов, ср. - в машке́ загаре́лас, при агне́ ни пачыта́т, рабо́тали то́лка ва хлаве́, на исто́нским йазыке́, ф сваим агаро́ди, на спахо́ди ден и но́ч бы́ли, е́здил в го́ръди, ле́тас ва пско́ви была́, на ро́ги была́ де́сит атро́скаф. В форме ва хлаве видим переход ударения с корня на окончание, но окончание -у ещё в этом слове не развилось. В форме на ро́ги сохранение накоренного ударения, видимо, препятствует появлению в этом односложном слове флексии -у.

Вопрос о распространении флексии -у в предложном падеже освещался в исследованиях ряда авторов.[I]

В диалектологии известно, что сфера употребления флексии -у в предложном падеже в южной части западных говоров значи-

---

I С.П.Обнорский, Указ. сочин., стр. I04 - 232; С.И.Котков, К изучению орловских говоров, стр. 88 - 93; В.Н.Кретова, Указ. сочин., стр. I28; В.И.Столбунова, Указ. сочин., стр. I24; Е.И.Самохвалова, Указ. сочин., стр. I59; З.Я.Агульникова, Указ. сочин., стр. 85.

тельно шире, чем в других диалектных группах.[I] По распределению различных форм предложного падежа наш говор ближе всего примыкает к юго-западным говорам, поскольку флексия -у охватывает слова с различным количеством слогов в основе и различных акцентологических типов, а также некоторые одушевлённые существительные. В отличие от западных говоров в Мехикоорма отсутствуют формы на -у у существительных среднего рода. Флексия -е устойчива в словах с исконным накоренным ударением. Кроме того, -е закрепляется в неологизмах под влиянием литературного языка.

Спорадически после твердых основ под ударением отмечается окончание -и: на стали, на чърдаки, ф тапли. Это окончение в северо-западных говорах имеет, как известно, фонетическое происхождение (из древнего ѣ).

Аналогичное распределение форм предложного падежа зафиксировано в так называемом "гдовском острове" и рассматривается как явление южновеликорусской локализации.[2]

[I] С.П.Обнорский, Указ. сочин., стр. I90 - I9I; Русская диалектология, стр. I08.

[2] Т.Г.Строганова, К характеристике русских говоров северо-запада. - Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений, Таллин, I965, стр. I39.

Дательный падеж рассматриваемого типа склонения имеет флексию -у после твердых и мягких основ безотносительно к месту ударения и таким образом не имеет отличий от литературного языка, ср.: на майому фкусу, ездил к папу, эта фсо привазъна к колу, пригътавлялис к ражыству, горницу работъли бабину, панравилас учытилу, привали г дому, увлокса к етъму делу, брусника здес крайьшкъм па озиру, к лесу пашли и т.д.

Винительный падеж одушевленных существительных мужского рода совпадает с родительным и независимо от характера основы и места ударения оформляется флексией -а, например: разви йа укараулу вора, вот тада и скинули цара, ана харошъва мужыка дастала 'мужа нашла', мы кана даржали, здаровъва судака паймал, узнала това салдата. У неодушевлённых существительных мужского рода флексии именительного и винительного падежей совпадают - судыка приехъли ф чатверг, прамеш клали войлук, в угол клас йаво, ф сугроп сунули, и на корпус и на тела красива, в дом взатый.

Существительные среднего рода по форме винительного падежа совпадают с именительным: зимой малако вазили, пастучы в акно, он малол сена, сам фскачыл в озира, на мори йа на быфшы, с малодых гот в учэнйи, в тым памашшэнйи.

Наличие в говоре таких форм, как сед на стулу и вазми туйу балйу, говорит о переходе данных существительных в другой родовой класс и соответственно в другой тип склонения.

Творительный падеж представлен ударной флексией -ом и целым рядом безударных фонетических вариантов, зависящих от

характера основы, места ударения и качества гласного под ударением. Так, под ударением после твердых и мягких основ - с мужыко́м лави́ли, са ста́клом сме́шана, пинжачко́м называ́ли, после́дним намиро́м испална́ли, с тапаро́м да дълато́м рабо́тъли, васло́м друго́й рас папа́ла, сачко́м ло́ват, дажжо́м фсо папо́ртила, рамно́м пападаи 'попадает', кано́м вади́ли 'возили'.

В безударном положении выступают фонетические варианты -ам, -ъм, -ым, -им и -ем: радъм з до́мам, ды́мам праш о́ццы, за се́нъм, с микраско́пъм, ко́лым ни убйош, лави́ли зако́лым, андре́й был учы́тилим, по́лим : по́лем, с анним о́кунем.

Второй тип склонения в целом отличается сравнительным разнообразием форм, вызванным различными причинами, в том числе частичным совпадением отдельных падежей: винительного с родительным и именительным в зависимости от одушевлённости/неодушевлённости; родительного, дательного и предложного при тенденции к уменьшению этого совпадения в родительном/дательном и увеличении в предложном/дательном. Архаичные формы довольно редки и встречаются в отдельных лексемах параллельно с новыми. Схематически парадигму данного типа склонения можно представить следующим образом:

Пад.	Основные формы	Фонетические варианты
И	нулевая флексия, -о́	-а, -ъ, -е, -и, -ѣ
Р	-а́, -у́	-а, -ъ
Д	-у́	-у
В	нулевая флексия, -о́/-а́	-а, -ъ, -е, -и, -ѣ
Т	-о́м	-ам, -ъм, -ым, -им, -ем
П	-е́, -у́ (-и)	-и, -е, -ѣ

4.4. Третий тип склонения представлен небольшой группой существительных женского рода с мягкой основой и с нулевым окончанием в именительном падеже - жызн', балезн', о́син', са́жын', ру́ган', кост', крава́т', двер', акру́жнаст' 'окрестность', кроф', грас', па́мит' и т.под. Кроме этого, по данному типу склонения изменяются имена женского рода с основой на шипящий, ч и несмягченные губные - рож, малаго́ж, печ, ноч, вещ 'вещь', цэп 'цепь', лубо́в, прору́б, глыб 'глубь', архаичные лексемы зем и зен в значении "земля".

Примечание: Эти лексемы зафиксированы И.И.Срезневским. Причем к форме на зень имеется помета: "не ошибка ли вместо на земь (?)"[I]. В традиционном слое нашего говора в настоящее

[I] И.И.Срезневский, Материалы для словаря.., том I, стр. 975, 977.

время употребительны все формы, кроме формы творительного падежа. В "Толковом словаре" В.И.Даля зем и зен со значением "земля, дол, низ, пол" снабжены пометой - северное.[1]

В акцентологическом отношении выделяется группа имён с неподвижным ударением на основе, например: са́жын - са́жъни - са́жын - са́жънйу - са́жъни. К этой группе относятся существительные с разным количеством слогов в основе - двер, власт, ру́ган, кроф, рож и др. Значительно меньшую группу составляют односложные имена, в которых ударение в предложном падеже переходит с основы на окончание, например: пыл - пы́ли - пы́лйу, но в пыли́. То же самое в словах кроф, грас, грут, печ, веш, цэп и нек. др. С.П.Обнорский считает этот интонационный тип исконным, поскольку окончание местного падежа -и имело на себе восходящую интонацию и перетягивало ударение с основы, отличающейся нисходящей интонацией.[2]

Рассматриваемый тип склонения характеризуется совпадением родительного, дательного и предложного падежей в форме на -и; после основ на твердый шипящий, ч и некоторых несмягченных губных -ы. Так, в родительном падеже - слате́л с крава́ти, ф судаке́ не́ту ме́лкъй ко́сти, фпро́тив вла́сти, пла́тйа наси́ли до́зини, в них ру́гани на бы́фшы, ат пе́чы, нет э́тъй ве́шы; в дательном - к о́сини лави́т бу́дут, гавари́л па па́мити 'наизусть', к две́ри падба́ро́тса, па фсе́й акру́жнъсти, ни падхади́л к э́тъй

---

[1] В.Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, том I, М., 1955, стр. 678, 680.

[2] С.П.Обнорский, Указ. сочин., стр. 296.

ро́ли, вре́ма к но́чы, па ржы́ скот пусти́ли; в предложном падеже - при исто́нскъй вла́сти, в ро́ли стари́ка выступа́л, в о́мскъй о́блъсти, ф крава́ти, ф пасте́ли, ф пыли́, саба́ка на цапы́, на пачы́-та, на зе́ни лажа́т. У некоторых существительных с подвижным ударением в предложном падеже встречается флексия -е: так в гра́зе ана́ и жы́ла, фси па́лцы ф краве́, в ачыра́де стайа́ла 'в очереди'. Флексия -е в безударном положении не зафиксирована. Под ударением она отмечается лишь в единичных словах, чаще всего в слове кровь. Появление окончания -е в Ш типе склонения связывается с влиянием основ на -а.[I]

Винительный падеж совпадает с именительным, ср. - ф пе́рвуйу о́чырът, свайу́ ли́чнъст пати́раит, йа́блъки на́ зе́м фси па́дъйут, на лубо́вну рол ни гади́лса, на́ зин упа́л.

Творительный падеж характеризуется окончанием -йу: пасы́пиш со́лйу, пае́хал с малад́ожйу, ни даво́лный вла́стйу, сме́шана з гра́зйу, фсо пакры́та пы́лйу, ни даражы́т е́йнъй лубо́вйу, с но́вай ве́шйу выступа́ли.

Материал показывает, что Ш тип склонения в нашем говоре является живой категорией, не проявляющей заметной тенденции к смешению с другими типами склонения. Изменение существительных Ш склонения в соответствии с парадигмами других склонений имеет место лишь в единичных словах - сварчо́к за пачо́м, э́тъку ве́шшу купи́л.

[I] А.А.Шахматов, Историческая морфология., стр. 346.

В словоизменении существительных свекровь и церковь замечены колебания между I и III типами склонения. Так, в соответствии с парадигмой III склонения образуются следующие формы - в намцах цэ́ркаф ишшо́ стайа́ла 'во время немецкой оккупации', с цэ́ркви ка́мни бра́ли, справла́ли цэ́ркаф 'ремонтировали', ф цэ́ркъф ухади́ли, ф цэ́ркви да́ревы на сте́ну лес на́чали, майа́ свакро́ф памо́ршы, й са свакро́вйу на жы́ла. Параллельно с этими общерусскими формами употребляются и диалектные образования от свакро́ва и цэ́рква, соответствующие I типу склонения, ср. - е́йна свакро́ва пълуве́рка, ат свакро́вы наcó де́въчку, свакро́вы ни упакъиш 'не угодиш', харани́ли донкину свакро́ву, цэ́рква была́ в ра́пины, с цэ́рквы прихади́ли, в правосла́вну цэ́ркву е́здили, ра́дъм с цэ́ркъвъй дом, ф цэ́рквы ки́рпич кре́пшы. Как известно, форма свакро́ва присуща северо-западной и западной диалектным зонам.[I] Колебания в образовании форм между I и III склонениями в словах свекровь и церковь, по всей вероятности, происходят под влиянием литературного языка.

Парадигма III склонения характеризуется противопоставлением трёх основных падежных форм и отличается от литературного языка наличием в предложном падеже, наряду с формами на -и, окончания -е.

[I] Русская диалектология, стр. 113, 258.

Парадигма рассмотренного склонения передаётся в следующей таблице:

Пад.	Типы флексий (В скобках фонетич. вариант)
И	’— (—)
Р	-И (-Ы)
Д	-И (-Ы)
В	’— (—)
Т	-ЙУ
П	-И (-Ы), -Е

4.5. К четвёртому типу склонения относятся все существительные множественного числа.

Именительный падеж имеет окончания -и (-ы) и -а. Окончание -и(-ы) охватывает наибольший круг имён всех родов, а также существительные *pluralia tantum*. Флексия -и(-ы), образуя множественное число от имён женского рода, обычно бывает безударна, как и в литературном языке, ср. - рáмы, влáсти, йáблъни, сóстры, трýннъсти, пйéски, стéны, пéчы и т.д.

Широкое распространение получила флексия -и (-ы) в образованиях от существительных мужского рода, в которых она может быть как ударенной, так и безударной: гóды, глáзы, дéды: дúды, прáдиды, колúи ’колья’, закóлы, снáтки, снáты, чэ́рвы, угурцы́, грýзды, мужыки́, рабáты ’парни’, крáстйаны, дóмы, вúсцы ’средство лова’, рукáвы и др.

Флексия -и (-ы) отмечается в образованиях от имён сред-

него рода - о́кны, по́лты, во́слы, крылйи, сре́ствы 'средства', са́маны / саманы́; а также от существительных *pluralia tantum* - дро́вы, ачки́, глажы́ 'морошка', де́нги, консе́рвы, апи́лки, та́ноты 'сети, паутина', штаны́, варо́ты.

У некоторых существительных наблюдаются колебания в употреблении форм -и (-ы) и -а; во́лъсы / валаса́, суды́/суда́ (имен. пад. ед. числа - суд), варо́ты/варата́, кла́дбиты/кла́дбита, учы́тили/учытила́, о́дужйи/о́дужйа 'часть рыболовной сети', до́мы/дама́ и др.

Неологизмы и заимствования оформляются в основном флексией -и (-ы): тра́ктъры, ако́пы, разе́рвы, пулямо́ты, сре́ствы, раке́ты, ро́ли, ка́били 'кабель', фунда́минты, блиндажы́. Эстонские заимствования - тре́пки 'лестницы', ви́мбы 'тарань', ку́кесе́ни 'грибы лисички', ва́ймузи 'привидения, духи'.

Окончание -а, как правило, под ударением отмечается в образованиях от имён мужского рода - вичыра́, навада́ 'неводы', мисаца́, хазаива́, хлава́, паграба́, гада́, ласа́, ладавйа́, сынавйа́; от существительных среднего рода - дала́, лата́, маста́, кружава́, стада́, дна, кладбишша, имана́, дарёвйа.

В образованиях от имен женского рода флексия -а встречается в единичных случаях - матара́, дирявка.

В говоре отмечается определенный параллелизм в употреблении форм именительного падежа множественного числа, особенно в таких словах - до́мы / дама́, сыны́ / сынавйа́, рука́вы - рукава́, глазы́ / глаза́, о́кны / о́кна, азо́ры / азо́ра, во́слы / во́сла, дарёвни / дирявка, ма́тизи / матара́. Наиболее продуктивными формами можно считать формы на -и (-ы), которые тес-

нят образования с флексией -а не только в мужском и среднем роде, но также и в основах на -й-, ср. крылйи, колйи, стулйи и др. Цифровое соотношение проанализированных ста форм именительного падежа, образованных не от имён женского рода, показывает 68 случаев формы -ы /-и/ и 32 случая формы -а.

Родительный падеж оформляется окончанием -ов, -ей и нулевым. Наиболее продуктивным из них является -ов: 56 случаев из 100 проанализированных форм. Флексия -ов образует формы от имён различной родовой принадлежности и разных акцентологических типов. В бо́льшей степени указанная форма наблюдается в образованиях от мягких и твердых основ мужского рода, например: снато́ф ны́нчы е, мно́га кавро́ф вышыва́ли, гарадо́ф панастро́или, лашшо́ф васно́й налави́ли, таки́х силачо́ф ни вида́фшы 'силачей', тро́йа сыно́ф-та в мана́, тапе́р ма́ла э́тих красто́ф ста́ват, не́скалки нивадо́ф, была братйо́ф чэ́твира, трал там пудо́ф шэст, намно́га карасо́ф налави́л на у́мбйа́рви, врачо́ф тада́ на́ была.

В безударном положении в соответствии с флексией -ов выступают её фонетические варианты - ъф, -аф, -иф: маро́с де́сит гра́дусъф, ест исто́нцъф и ру́ских, дайу́т йаму́ пат се́нтаф 'пять сентов', старавéраф тут на жы́ла, зашшо́т мы́зникаф, райа́лиф не́ была, е́здила мно́га цыга́нъф.

Значительно реже наблюдаются образования с -ов от существительных среднего рода - масто́ф харо́шых на зна́им, дало́ф-та в ней нет, и ки́слых и сла́тких йа́блъкаф ест, балшы́х азо́ръф ана́ ни вида́фшы; от имён женского рода - ви́мбаф ма́ла папада́ицца, зимо́й мно́га жэ́ншшынъф-та сабиро́цца, с ка́ртъф

самóрку выташшыла, ф тым балóти змийóф[1] ест 'в том болоте есть змеи; от существительных *pluralia tantum* – штанóв тадá ни насúли, тапéр сваткъф-та на дéржут 'святки не празднуют', в дачки нéскалки часóф, в нас ест три пáры ачкóф.

Формы с нулевым окончанием также довольно активны в нашем говоре. Из ста форм родительного падежа 34 составляют формы с нулевой флексией. Они также охватывают существительные независимо от принадлежности к роду. В образованиях от имён женского и среднего рода, а также от существительных *pluralia tantum* эти формы в основном совпадают с литературными, ср. – част дáфчонък ушлú са мнóй, там многá йагад, 30-40 капéк палукáл, питдасáт сóтък замлú, нас былá штýки сем жэншын, да шышнáццъти талáт даржáли, лет сóрък абрáтна, прамéж óкан, йайц прадалá, трои сýтък, муж с сóсниц принáтый.

Формы существительных мужского рода, совпадающие с формами именительного/винительного падежей единственного числа, в нашем говоре довольно часты, например: прахадúл мúма этúх труп, питдасáт год йамý, сем год, нéскълки год абрáтна, врéдна дла зýб 'для зубов', нет старавéр, матóр на былá тагдá, шэст хéктар замлú, нéскълки эшалóн стайáла, клóп-та в нас нет.

---

[1] При обозначении животного функционирует имя существительное женского рода змайá. Как оценочное слово по отношению к лицам мужского пола употребляется слово змéй.

Форма гот очень продуктивна в говоре и употребляется в различных контекстах: с малодых гот, ей уж восимдисат гот, некътърый гот абратна 'несколько лет тому назад', йа семдъсит восим гот старый 'мне 78 лет', да семдисити гот, сорак пат гот тут жывом.

Образования вримон и диравон встречаются довольно редко: са старых вримон астафшы, с разных диравон приходат, с руских диравон брали. Форма диравон известна северным говорам[I] и в нашем говоре её, очевидно, надо рассматривать, как остаточное явление. Обычным для говора является форма диравен.

Окончание -ей в основном выступает под ударением в образованиях от мягких основ, что соответствует литературной норме, ср. - дасатък акуней натаскал, самсот рублей дастал 'заработал', таких зверей мы ни видафшы, двух лашэй мне привала, развн дактарей-та мала (видимо, это образование от докторъ), их чартей верит налза, с палей убирайут, датей в них нет, с лисей тут приехафшы, тройа дачэй была, и вашэй в ней была и фсаво.

Форма дачэй - это новообразование, возникшее под влиянием склонения типа кость (костей) с выравниванием основы по именит. падежу.

В безударном положении окончанию -ей соответствует -ий: с каменний плашатку расчыстили, в намцах тут арудий была брошына, сем падпурий замли (подпурье - местная земельная мера - (В.М.), таких памашшэний в даревни нет.

I Русская диалектология, стр. 246.

Рассмотренные формы родительного падежа множественного числа могут употребляться параллельно. Например: лашшóв : лашшэ́й, карасóв : карасéй, врачóв : врачэ́й, кáртъв : карт, жэ́ншшынъв : жэ́ншшын, змийóв : змéй, мастóв : мест, азóръв : азóр, крастйáнъв : крастйан, клапóв : клоп, зубóв : зуб.

Формам на -и (-ы) в именительном падеже в родительном могут соответствовать все три окончания, ср. флексия -ов: снаты - снатóв, караси - красóв, райáли - райáлив, бóмбы - бóмбъв, вóслы - вóслъв, азóры - азóръв, свáтки - свáткъв; флексия -ей: óкуни - акунéй, лáшшы - лашшэ́й, дéти - датéй, óгнишшы (им. пад. ед. числа - óгнишшэ 'костер') - óгнишшэй, дачы́ - дачэ́й, вóшы - вашэ́й; нулевая флексия: зýбы - зуб, клапы́ - клоп, сýтки - сутък, варóты - варóт, óкны - óкън, рáмы - рам, сóтки - сóтък, прóстыни - прóстын.

В соответствии с формами на -а в именительном падеже в родительном выступают также образования на -ов: вичарá - вичарóв, дамá - дамóв, сынавйá - сынавйóв, далá - далóв, платйá - платйив; на -ей: старажá - старажэ́й, каменйá - каменúй, палá - палéй, памашшэнйа - памашэ́ний, матарá - матарéй; с нулевой флексией: глазá - глаз, кладбишша - кладбиш, гнóзда - гнóзд, диравнá - диравéн : диравóн.

Как показывает материал, окончания родительного падежа -ов, -ей и нулевое распределяются, хотя и в неравной степени, но по всем группам имён существительных, различающихся в единственном числе по родовому признаку. Это один из фактов, свидетельствующим о единстве рассматриваемого типа склонения. Продуктивность флексии -ов отмечается многими исследователями

русских говоров. Более широкое распространение нулевой флексии по сравнению с -ей, возможно, объясняется некоторой архаичностью говора, сохраняющего ряд реликтовых форм.

Дательный и творительный падежи совпадают в форме на -ам как в беспредложных, так и в предложных сочетаниях. Эта диалектная черта очень устойчива в говоре и замечается в речи всех носителей говора независимо от возрастных и образовательных различий.

Под ударением окончание -ам может быть после твердых и мягких основ: в дательном падеже - дачка́м хра́ну, пашла́ йа к варата́м, дата́м тапе́р ле́кшы, рыбака́м ни дайу́т прадава́т, стра́ла́ли па на́мца́м, к дама́м вада́ падхади́ла, пашли́ па угурца́м, са́стриным сынавйа́м ни пава́зло́; в творительном падеже - нава́да́м лави́ли, кана́м зимо́й вади́ли 'возили', йа́блъкъф ваза́м мана́ли на ры́бу, машка́м пакупа́ли, валаса́м скрасава́лъс, кирпича́м сте́ны кла́ли, платки́ с киста́м наси́ли, пе́ли пъд двара́м, с сынавйа́м рабо́тал, чыта́йу с ачка́м, палуча́ла ста́рым динга́м.

Безударное окончание представлено фонетическими вариантами -ъм, -ам, -им и -ым. Например, в дательном падеже - уча́стникам фо́рму шы́ли, дал лу́дам стро́ицца, раба́ты памага́ли де́вушкъм бе́гъли па и́збам, рабо́чым харашо́ пла́тат, хо́дит па сасе́дам, афице́ры фсо па но́чым убага́ли, прийажа́ли к сваи́м се́мйим, е́та фсо к ко́лийм прива́зывъйут; в творительном падеже - ко́жым търгава́ли, красты́ с пиракла́динъм, ф по́ли са скати́нам пашла́, часту́шки с карти́нкам (непристойного содержания - В.М.), бы́ли з дифча́тъм, пуламо́там апстрила́л, вышыва́ли шырстана́м пра́жам, пълсапо́шки с пу́гъфкам ал с рази́нкам, лави́ли с у́дъчкам, пла́тйи

з бе́лым груди́нкам 'с белыми вставками на груди', с каро́въм хади́ли, лапа́тъм пирикапа́ли, чут на па́лкам вайава́ли.

Форма творительного падежа, соответствующая литературной норме, встречается в речи отдельных лиц параллельно с традиционной преимущественно в деловом стиле речи: на пе́фчыскъм пра́зники выступа́ли с е́тими пе́сними, награди́ли мида́лими, рукъвади́л э́тими дила́ми, не́миц брасал па́чкъми сигаре́ты, с ра́зными пйе́скъми е́здили па исто́нии и др. Литературная форма творительного падежа отмечается в речи мужчин, во время войны служивших в армии. В речи женщин, даже в деловой речи, сохраняются традиционные формы, ср. - с дита́м право́дим у́тринники, с чыта́тилам право́дим бисе́ды, ста́рым дингам палуча́ла три́ста шысдиса́т, сабира́имса с жэ́ншынам на ри́питицыи апсужда́им ри́пиртуа́р.

Флексия -ами в дательном падеже встречается в исключительно редких случаях - к ко́лйами приваза́вывъйут, к са́тами приста́лут.

Как известно, рассмотренная диалектная особенность характерна в основном для говоров северного наречия и западных среднерусских,[1] поэтому наличие её в нашем говоре можно считать закономерным. Аналогичное явление отмечается исследователями и в соседних говорах.[2]

---

[1] Русская диалектология, стр. 98, 237, 285.

[2] Т.Ф.Мурникова, Описание русского говора.., стр. 358; Т.Г.Строганова, К характеристике русских говоров.., стр. 135; З.В.Жуковская, О типе говоров.., стр. 20; В.Н.Немченко, Говоры русских старожилов.., стр. 6.

Винительный падеж неодушевленных существительных совпадает с именительным, одушевленных - с родительным: брал пре́мии, е́хал в со́сницы, брат ма́торки палуча́л, ба́бы йа́гъды фса́ки ра́зны ба́рут: бруси́ники, журави́ны 'клюкву', глажы́ 'морошку'; де́льли то́рги, ва́зом се́ти 'вяжем', изма́нили сваи́ фами́лийа, уклада́ли дро́вы в ба́ржы; ну што де́вък учы́т, испуга́т дате́й, паукоф на убива́йти, а́вец ни да́ржали, здоро́вых суда́коф здасти́ли 'сдали', ли́нтаик па́рни ни хате́ли брат, плотникъф нанима́ла, наве́ска на маши́ны прива́ла де́въчык. Однако, как указывалось выше, эта последовательность нарушается фактами совпадения винительного падежа одушевлённых существительных с именительным - куни́цы хо́дат туда́ мы́шки ла́вит, мы ви́дили во́лки, да ве́чыра ло́виш суда́ки, купцы́ уба́рали сна́тки, и атцы́ на́шы лави́ли сна́ты.

Винительный падеж с предлогом в известен в нашем говоре в таких устойчивых сочетаниях, как пайти́ в йа́гъды, пайти́ в ро́ги, пайти́ прамеш в ро́ги (рассердиться, перебить невесту, жениха - В.М.). Первое сочетание характерно и для псковских говоров.[I] Форма ро́ги употребляется и в свободных сочетаниях - на ро́ги калако́лчык поста́вут, в нас то́жы ахо́тнику ро́ги да́йут.

Предложный падеж оформляется ударенной флексией -ах после твердых и мягких основ, ср. - ф туфла́х ни ха́дили, ки́рка при намца́х згаре́ла, на грапка́х е́здили 'на вёсельных лодках', скла́ли на лъша́дах, на сарака́ ша́гах стайа́ли 'в сорока шагах от какого-либо предмета', ф си́мих ма́стах бы́ли, како́й-та рак

[I] Русская диалектология, стр. 288, 289.

пъйавифшы ф садах, припъсана в рыбаках ишо 'когда были рыбаками', видала клариса ва снах 'во сне', ф катах унасона 'коты унесли', в асталных диравнах, ф старинных дангах, в малодых латах.

Безударная флексия звучит как - ах, -ъ^{а}х, -ъ^{ы}х и -ъх. Например: йа намнога в радителах пажыла 'у родителей', дети были в йагъдах, мат жыла ва вдавицах сем гот, жэншыны были в йагъдах, в детъ^{а}х картъчки увадона 'дети увезли карточки', йа была савонни ф чарникъ^{а}х, ф кристйанъ^{а}х тажола паднимали, в дефкъх йана траих радила, в лоткъх пайехъли чэрис, в барезйъх ни ръзайдоса 'не разгуляешься', брусника на выпупкъх расто, памитник находица на кладбишъ^{ы}х, ф крысъ^{ы}х гарох ношына.

Наличие вариантных форм предложного падежа обусловлено теми же фонетическими причинами, которые действуют и в других безударных падежных формах. Необходимо отметить, что после мягких основ никогда не выступает вариант -их. Причина этого явления, видимо, фонетическая, поскольку /а/ после мягких в любой заударной позиции сравнительно редко реализуется в [ъ] или [и]. В традиционном слое говора сохраняется архаичная форма в полих с особым оттенком значения. Однако более употребительна на палах. Обе формы функционально разграничены, ср. - са скатинай ходит ф полих, ф полих дети ходут пасут кароф Эта называицца, а на палах эта на работу, на палах убирайут. Так поясняют различие в употреблении этих форм сами жители села, в речи которых оно проявляется довольно последовательно. Возможно семантическая дифференциация старой и новой формы, а

также сохранение древнесеверного накоренного ударения[1] способствовали долголетию формы в полих.

Примечание: Употребление предложного падежа множественного числа отличается определённой многоплановостью. Например, в особых страдательных конструкциях предложный падеж имеет значение субъекта действия - ф крысъых гарох ношына, ф катах унасона, в детах картъчки увадона; объектно-целевое значение имеет не только форма в йагъды, но и в йагъдах - дети были в йагъдах, йа была в чарниках, аны в угурцах хадили; социальное значение - с малодых гот в мурниках 'был каменщиком', ф крастйанъх тажола паднимали, эта в рыбаках ишо была 'когда занимались рыболовством', в батраках у истонцъф работали, ва вдавицах жыла, в дефках асталъс, ф крастйанъх жыли; значение времени в таких случаях - при намцах кирка згарела 'во время немецкой оккупации', видила ва снах 'во сне', в маладых латах 'в молодые годы'; значение местного падежа - памитник на кладбишах, в разных мастах, на вырубках, в мирапольях, на станах.

В данном типе склонения обнаруживаются акцентологические варианты ряда словоформ, обусловленные сохранением древнесеверного накоренного ударения, - глазы : глаза, дубы : дубы, круки : круки, круги : круги, дла коний : дла каней, на коних : на канах, в стоги : в стага, на роги : на рага.[2]

---

[1] В.В.Колесов, Развитие акцентологических типов в псковском именном склонении. - Псковские говоры II, Псков, 1968, стр. 58, 60.

[2] В.В.Колесов, Там же, стр. 57 - 60.

Таким образом, парадигму четвертого типа склонения составляют парадигмы-варианты, вызванные типовыми и индивидуальными колебаниями в употреблении отдельных словоформ. Поскольку каждый из вариантов имеет общие словоформы с другими (формы дательного, творительного и предложного падежей) и каждая словоформа основной парадигмы содержится в том или ином варианте, мы можем рассмотренную систему принять за единый тип склонения.[I] Парадигма этого склонения отражена в следующей схеме:

Пад.	Типы флексий	фонет. варианты
И	-и (-ы), -а	
Р	-ов, -ей, —	-ъв, -ав, -ив; -ий
Д	-ам	-ъм, -ам, -ым, -им
В	-и (-ы), -а / -ов, -ей, —	
Т	-ам, (-ами)	-ъм, -ам, -ым, -им
П	-ах, (-их)	-ъх, -ъ^{а}х, -ъ^{и}х

4.6. Имена существительные, стоящие вне рассмотренных типов склонения, не имеют твердых парадигм и проявляют тенденцию к несклоняемости или переходу в один из основных типов склонения.

[I] А.А.Зализняк, Русское именное словоизменение, М., 1967, стр. 108 - 110.

Из существительных на -мя наиболее употребительно слово вре́ма. Прилагательные, неличные местоимения и глаголы в форме прошедшего времени могут согласовываться с ним в женском роде: плаха́йа вре́ма, пришла́ вре́ма, в та́йа вре́ма. Факты "несклоняемости" этого слова в родительном падеже, видимо, объясняются совпадением формы время с формой родительного падежа II склонения (ср. поля, моря) - нет вре́ма, гот вре́ма пъбале́л, час вре́ма но́сиш. В других падежах изменение происходит также по II типу склонения, например: к таму́ вре́му, при маи́м вре́ми, с маи́м вре́мим. Аналогичное явление отмечается и в других словах этой группы - ат пла́ми, в пла́ми брос, гари́т пла́мим, ба́биным и́мим назва́ли, с бал́шым вы́мим, на вы́ми што́-та случы́лас. Это свидетельствует о втягивании существительных на -мя в парадигму всех слов среднего рода.

Формоизменение существительного мать соответствует литературной норме за исключением некоторых случаев употребления именительного падежа множественного числа в форме матера́.

Слова дочь в традиционном слое говора мало употребительно. В соответствии с ним чаще используется существительное дачка́, которое изменяется по первому типу склонения, ср. - э́тъка дачка́ тут, ат дачки́ писмо́, со́рък де́вит гот той дачки́, з дачко́й уе́хафшы. Словоформа дачка известна в юго-западной и отчасти западной диалектной зоне.[I]

Вместо существительного дитя в единственном числе употребляется ребёнок: рабо́нък слате́л с крава́ти, три рабо́ка ради́ла, паста́вили рабо́нка в исто́нску шко́лу, рабо́нкъм зано́мшы

[I] Т.Г.Строганова, К характеристике русских говоров.., стр. 138.

'ребёнком занята'.

Во множественном числе слову ребёнок соответствует существительное дети с переносом ударения в косвенных падежах на окончание. Слово дети последовательно изменяется по четвертому типу склонения, форма творительного падежа также совпадает с дательным, ср. - дети йаду́т 'едят', в них да́тей не́ту, да́тей спужа́ла 'испугала', наве́ска прие́хъла з да́там, в да́тах разгово́р 'у детей разговор'.

Другие существительные со старой основой на *ent в нашем говоре, как и в литературном языке, перешли во второй тип склонения и не имеют местных диалектных образований.

Анализ материала показывает, что система склонения имен существительных говора Мехикоорма характеризуется наличием четырех типов склонения. Парадигма каждого из них представляет собою совокупность двух или нескольких парадигм-вариантов. В каждом из склонений объединяются не только современные акцентологические типы, но и остатки старых, в основном древнерусских типов.

Поскольку наш говор является одной из западных ветвей среднерусских говоров, то в его системе склонения закономерно отражаются черты противоположной территориальной локализации. Например, свойственные юго-западной диалектной зоне формы предложного падежа единственного числа на -у (ударенное и безударное, от одушевленных и неодушевленных существительных мужского рода): при мужыку́, на чырдаку́, на рамну́, в йа́шыку, в йе́тым слу́чайу; распространение словоформ сыны́, рука́вы, дач-

ка́; формы именительного падежа множественного числа с ударенным окончанием - а от существительных женского рода - дира́вна́, матара́. Для северной и северно-западной диалектных зон характерны такие черты нашего говора, как общая форма -ам для дательного и творительного падежей множественного числа - сынавйа́м аста́вил, с сынавйа́м рабо́тал; совпадение дательного и предложного падежей существительных первого склонения в форме -и (-ы) после твердых и мягких основ - пъ васны́, в галавы́, к самйи́, в самйи́; наличие словоформы дира́вон.

В ряде склонений сохраняются архаичные формы с древнесеверным накоренным ударением - пайти́ в ро́ги, в по́лих, гла́зы, до́мы, ко́лъм.

Результат влияния литературного языка в первую очередь наблюдается в дательном падеже первого типа склонения, где под ударением появляется форма на -е с одновременным смягчением предшествующего согласного - к раке́, в ваде́. В безударном положении флексия -е совпадает с традиционной флексией -и после мягких основ - к ба́йны : к ба́йни. В предложном падеже нивелировка диалектных форм не так заметна. Под воздействием нормированного языка начинает проникать форма творительного падежа множественного числа на -ами, а также изменение слов свекровь и церковь в соответствии с парадигмой III склонения.

Влияние эстонского языка не отразилось на системе склонения имен существительных. Не зафиксированы факты оформления русских слов эстонскими падежными окончаниями.

Рассмотренный материал по имени существительному обнаруживает следующее:

I. В говоре Мехикоорма сохраняются все основные категории имени существительного и система склонения, свойственные русскому языку в целом.

2. В развитии отдельных категорий выявляются процессы, характерные для больших диалектных объединений: распад среднего рода, продуктивность флексий -и (-ы) в именительном падеже и -ов в родительном падеже множественного числа, -у в предложном падеже единственного числа имен мужского рода.

3. Форма родительного падежа единственного числа существительных мужского рода на -у в говоре не продуктивна и проявляет тенденцию к сворачиванию, что отмечается и в литературном русском языке.

4. Различение имен существительных по признаку одушевленность/неодушевленность не охватывает полностью множественного числа, вследствие чего распространены такие формы, как дáржáли кóни, лáвили судáки. Это явление мы относим к числу архаичных. Кроме того, в говоре сохранился целый ряд архаичных словоформ. Например, образования от слов земь и зень - дó зéни, нá зéн, пó зéни, нá зéм; формы именительного падежа единств. числа мужского рода крылéц и местного падежа единств. числа женского рода на зáмли; словоформы с древнесеверным накоренным ударением - в рóги, в пóлих, глáзы, а также с и ≺ ě в окончании местного падежа П типа склонения - в тáпли, на стáли.

5. Контактирование с неродственным эстонским языком вызвало известные колебания в оформлении родовой принадлежности - наша колка, малинкайа йож, длинный прорубь, ва врема уборка, пришол с работа, за пачом, синакоса был. Этим же вызваны и некоторые сдвиги в употреблении форм числа - йа на ем винограды, пакли выходут, йаво платйа были адетыи, там чарники растут

6. Диалектные формы имен существительных очень устойчивы в говоре. Наибольшую устойчивость проявляют форма творительного падежа множественного числа на -ам, дательного и предложного падежей единственного числа имен I склонения на -и (-ы) и др. Нередко заимствованные слова получают диалектное оформление, благодаря продуктивности тех или иных флексий - средствы, райалиф, на итажу, на плажу.

II Имена прилагательные

I. Имена прилагательные представлены теми же разрядами, что и в литературном языке, то есть качественными, относительными и их разновидностью - притяжательными. Качественные и относительные прилагательные могут быть стяженными и нестяженными. Как известно, стяженные прилагательные в отличие от кратких бывают качественными и относительными, выступают чаще не в роли определения, образуются от основ с суффиксами -ск, -еньк, -оньк, -ущ, -ющ, -енн и имеют ещё ряд различительных признаков.[I]

[I] Грамматика русского языка, т. I, М., 1952, стр. 289.

В нашем говоре стяженные прилагательные отмечаются в именительном и винительном падежах единственного числа женского и среднего рода и множественного числа. Например, в именительном падеже - в нас адна́ старав́ерска с́амйа жыла́, здвайу́ранна с́астра́, была́ инта́ре́сна фи́нска пйе́ска, цырко́вна о́пшыства стро́ила 'церковное общество строило', в ма́на́ бы́ли краси́вы ванча́лны пла́тйа, пу́гъфки ди́рава́нны, е́та ра́нни правасла́вны кра́сты́, мало́дых ло́хки но́ги наси́ли; в винительном - вазмо́ш ры́бу вы́сушыну, е́хъли ф ки́ръфску о́бласт, ф прашэ́ццу субо́ту, взя́ла анну́ двухме́сишну 'взяла одну двухмесячную', палажы́ их в ру́ску шко́лу 'отдай их в русскую школу', на сле́душша у́тра, в ру́ска вре́ма, мы шыро́ки дли́нны йу́пки наси́ли чулки́ шырста́ны́, в зи́мны ме́сицы.

Стяженные прилагательные выступают иногда и в предикативной функции - ана́ на зде́шна 'она не местная', ана́ бы́ла ни́кудышна, адна́ пало́ска га́русна друга́йа шо́лкъва, йаво́нна с́астра́ ру́ска, мы са́мы ру́ски, э́та прадафшшы́ца пи́рисарска.

Нестяженные и стяженные прилагательные нередко встречаются в границах одной фразы, например: пла́тйа ни дли́нны абыкнаве́нны сре́днии, ры́ба бы́ла мари́нована жа́рина капчо́найа, мы савраме́нну пе́сну мо́жым а стари́ннуйу нет, астал́ны́и жыл́цы прие́жжы, там нагла́днуйу агита́цыйу ра́зну пака́зывъйут, ана́ така́йа мало́да выгле́дила, йа йаму́ пусту́йу буты́лку ф карма́н а по́лну вы́нула.

Стяженные прилагательные наблюдаются в заимствованной и книжной лексике, иногда чередуясь с полными формами: в ей капро́нъва по́чка, капро́нъвы се́ти с фа́брики дайу́т, ф пе́рву ате́-

чыску вайну́ йа уча́ствъвал, чыта́йут тихни́чыску литирату́ру, тихни́чыска э́та като́ра миханиза́търам на́дъбна, фи́нску пйе́ску ста́вили, правасла́вна цэ́ркаф, лути́ранска ки́рка, чыта́тилски суды́.

Колебания в употреблении стяженных и нестяженных прилагательных, а также параллелизм в их функционировании свидетельствуют о том, что стяженные прилагательные начинают отступать под влиянием литературного языка. Этот процесс более заметен в речи мужчин, бывавших на отхожих промыслах или на войне.

Наличие стяженных прилагательных в именительном и винительном падежах единственного числа женского рода отмечено в ближайшем русском говоре острова Пийрисаар.[I] Стяженные формы являются ярким диалектным признаком северных и отчасти средневеликорусских говоров.

2. В акцентологическом отношении выделяется ряд прилагательных с постоянным ударением на одном из гласных основы или корня. Например: йа́ръвый хлеп 'яровой хлеб', йа́ръвъйа пъшани́ца; хо́дъвъйа ба́ба 'ходовая, деловая женщина'; ро́ннъйа са́стра́ 'родная сестра', на́ро́ннъйа мат 'мачеха', ро́нный ате́ц 'родной отец'; кахда́ мы мало́ды бы́ли, с мало́дых гот, мало́дый па́рин, мало́да така́ учы́тилница.

Кроме того, отмечена группа прилагательных с постоянным ударением на окончании: тихо́й, тиха́йа, с тихи́м; талсто́й, талста́йа, талсты́и; трунно́е вре́ма, ничо́ва трунно́ва на́ бы́ла 'труд-

---

[I] Т.Ф.Мурникова, Описание русского говора.., стр. 357.

ное, тяжелое', трунно́й гот, хитро́й, страшно́й,

Оба акцентологических типа наблюдаются в речи лиц среднего и старшего возраста.

Большая часть прилагательных по своим акцентологическим признакам совпадает с литературным языком.

3. В образовании имен прилагательных, качественных и относительных,[1] наиболее употребительны суффиксы -н-, -ск-, -ов-, -ат-, -ан- (-ян-, -янн-), -л-, а также нулевой суффикс.[2] Эти суффиксы образуют следующие прилагательные: -н- зи́мньйа йа́блъна, азирна́йа вада́, кирпи́шный дом, ме́сный жы́тил; -ск- ца́рскъйа вайна́, стараве́рска мале́нна 'староверская молельня', ко́лпински рыбаки́, сасе́дска ку́ра; -ов- сафйа́ньвыи пълсапо́шки, шо́лкъва пало́ска, палкаво́е сабра́ние 'собрание полка', трудава́йа рабо́та 'совместная работа', ро́зъвыи бати́стъвыи пла́тйа; -ан- (-ян-, -янн-) - лиданое́ пабо́ишшэ 'ледовое побоище', чулки́ шырстаны́, дирава́нны пу́гъфки, стикла́ннъйа посу́да; -ат- плаша́тый 'плешивый', пуза́тый, гарба́тый; -л- пре́лый, пиригаре́лый, шути́льйа 'глупая', спе́лыи йагъды; нулевой суффикс - лано́й 'ленивый', чу́дый 'странный', адиннагла́зый 'одноглазый', баспро́кайа 'бестолковая'.

---

[1] Имеются в виду отсубстантивные и отглагольные образования.

[2] В вопросе о нулевых суффиксах в русском словообразовании мы разделяем точку зрения, изложенную В.В.Лопатиным в работе "Нулевая аффиксация в системе русского словообразования". - ВЯ, 1966, № 1.

Менее продуктивны суффиксы -оват-, -енн-, -унн-, -ист- (-чист-): сирава́тый, кислава́тый, госуда́рственный, балшу́нный, дужу́нный, здаравлу́нный, рачы́ст, разгаво́рчыста.

Наибольшей продуктивностью из указанных суффиксов обладает -н-. С ним образуются качественные и относительные прилагательные преимущественно от имен существительных. Образования с -н- могут быть как общерусскими - зи́мнъйа вре́ма, праз'ни́шный кастю́м, карто́фильна и угуре́чна мати́на 'ботва', пуламо́тный аго́н, кало́дишнъйа вада́, хле́бныи ко́рки, ка́маннъйа рабо́та 'работа каменщика', пишахо́днъйа вайна́, культу́рный дом 'дом культуры', так и диалектными - скати́ннъйа се́на 'сено для скота', каранно́й до́мик 'добротный', забо́тный мужы́к 'заботливый муж', каре́жнъйа шэрст 'расчесанная', му́рнъйа рабо́та, карто́вный ма́шок, шутна́йа де́фка 'глуповатая', васкрасе́нный де́н.

Прилагательные, созданные по указанной модели, употребляются в значении вещества или материала, из которого изготовлен предмет; назначения предмета, его качества или свойства; отношения к предмету, обладающему этим свойством; принадлежности к предмету и др. В основном прилагательные с суффиксом -н- в семантическом отношении совпадают с соответствующими образованиями литературного языка.

Продуктивность суффикса -н- является типичной для русских старожильческих говоров Прибалтики.[I]

[I] В.Н.Немченко, Отсубстантивные прилагательные с суффиксом -н- в говорах русских старожилов Прибалтики. - Диалектологический сборник, Рига, 1968, стр. 98.

4. Склонение имен прилагательных характеризуется наличием твердой и мягкой разновидностей. Стяженные формы, как мы уже отмечали, встречаются в именительном и винительном падежах прилагательных женского и среднего рода и в этих же падежах множественного числа.

Парадигмы членных прилагательных не содержат заметных отклонений от аналогичных парадигм литературного языка.

Распределение прилагательных по типам склонения в зависимости от твердости и мягкости основы не всегда соответствует литературному языку. Так, по твердой разновидности изменяются прилагательные с основой на ч-, поскольку этот звук в нашем говоре твердый и реже полумягкий, ср. - гара́чый, гара́чыва, гара́чыму и т.д.

Группа прилагательных с основой на -н, которые в литературном языке изменяются по мягкой разновидности, в нашем говоре относятся к прилагательным с твердой основой. Например: пре́жный, зи́мный, типе́ришный, дре́вный, зде́шный.

В именительном и винительном падежах единственного числа прилагательных мужского рода с основой на заднеязычный наблюдается употребление твердого согласного в исходе основы. В этом случае в зависимости от индивидуальности произношения выступают варианты флексии -ый, -ъй или -ай, ср. - хры́пкый гриб, кре́пкый ка́мишык, пе́фчъскый пра́зник, исто́нскый изы́к, эта наш изме́нскъй, ма́хкъй : ма́хкый, ма́линкъй, дирабе́нскъй, исто́н-

скъй калхоз, аннаногай, лохкай, строгай : строгъй; на пефчъскый праздник, в малинкъй дом, на истонскъй берик, на рускай бок 'на русский берег'.

Как известно, произношение твердых к, г, х в исходе основы именительного падежа прилагательных мужского рода - это явление общерусское, свойственное не только народным говорам, но и русскому литературному языку.

Прилагательные с твердым задненёбным в именительном и винительном падежах мужского рода в нашем говоре не являются единственными формами. Довольно часто в данном положении выступают мягкие к, г, х : малинкий бъравик, мелкий пасок, высокий пъталок, строгий учытил, долгий канец, тълстабрухий мужык; на высокий сталоп, на долгий срок.

Прилагательные с основой на твердый и мягкий задненёбный употребляются параллельно, ср. - хрыпкый гриб : уский бобричык 'узкая бахрома', руский хор : рускый изык, в истонский корпус : в истонскъй калхос, малинкъй : малинкий, лохкай : лохкий.

С другой стороны, в предложном падеже отмечается употребление форм со смягченным заднеязычным: на руским бирагу, на магким поизди, ф крепким даму, на истонским йзыке, ф сухим мести.

Надо полагать, что эти формы возникли под влиянием

творительного падежа, в котором флексия -им (-ым) закономерна. Аналогичные формы отмечены и в других островных русских говорах.[I]

Отмеченные колебания свидетельствуют об активности процесса выравнивания основ в диалектах, где нет сдерживающего воздействия нормы.

Твердая разновидность склонения прилагательных

Парадигма имен прилагательных женского рода единственного числа представлена следующими флексиями:

Именительный падеж -а́йа (-ъйа)[I] : ти́хайа пагода́, бальша́йа самйа́, сухайа ма́тина, но́въйа по́длина 'подкладка', чы́стъйа изба́, исто́нскъйа ки́рка, ста́рыйа дарэ́вна.

Родительный, дательный, творительный и предложный падежи имеют общую флексию -о́й (-ай, -ый, -ъй): ат бальшо́й жары́, с бально́й галавы́, праваслáвнай вэ́ры, с савэ́цкай стъраны́, с но́вый дарэ́вни, ат ро́нный ма́тири, с то́нъй пражы́; к маладо́й жаны́, па хало́ннай вады́, к ста́рый дарэ́вни, ро́ннъй састрэ́; сухо́й нагой, бальшо́й ро́дъй 'родней', ме́лкай ко́стйу, са ста́рай ба́бай, хало́нный : хало́ннъй вадо́й, чы́стъй ма́рлий; на бальшо́й мато́ры, в плахо́й самйи, в кре́пкай самйи, на ру́скай страны́, в ста́рый дарэ́вни, в хало́ннъй вады́.

Винительный падеж - уйу : в худу́йу пагоду́, в плаху́йу пагоду́ папа́ли, адну́ дачку́ в исто́нскуйу другуйу в ру́скуйу шко-

---

I Е.И.Самохвалова, Указ. сочин., стр. I60.

2 В скобках будут отмечаться безударные флексии с соответствующими фонетическими изменениями.

лу паста́вили, в ста́руйу дарэ́вну пастро́илис. В стяженных прилагательных винительный падеж оканчивается на -у: в ру́ску шко́лу, в хало́нну ваду́ и т.д.

Прилагательные мужского рода единственного числа имеют такие окончания:

В именительном падеже под ударением -ой, без ударения -ый : тихо́й дэ́н, чысто́й мужы́к 'трезвый', хитро́й па́рын, ста́рый мали́ц 'холостяк', но́вый дом, гара́чый чай, настайа́шшый притсада́тил.

В родительном падеже -о́ва (-ыва, -ъва): фтаро́ва го́лъса, з балшо́ва го́ръда, ат мла́тшыва сы́на, ат харо́шыва мужыка́, народнъва до́ма хор, з бе́лыва мартирйа́ла, ста́ръва па́рна, з ди́къва ка́мна.

В дательном -о́му (-аму, -ыму, -ъму): па чуцко́му о́зиру, г балшо́му до́му, па талсто́му лду, к строгаму учытилу папа́ла, атстала́му калхо́зу ни дайу́т, па свэ́жыму сне́гу, харо́шыму чылавэ́ку, к пэ́фчыскъму пра́зныку гато́вимса, па дираве́нскъму абы́чыйу.

Как и в литературном языке, окончание винительного падежа одушевленных существительных совпадает с родительным, неодушевленных - с именительным: харо́шыва мужыка́ доста́ла 'нашла хорошего мужа', к ражыству́ в но́вый дом вашли́.

В творительном падеже -ым: с балшы́м о́кунйим пришо́л, талсты́м лдом, ли́пъвым ча́им, с прэ́жным ухажо́ръм, дли́нным канцо́м, канэ́чным намиро́м выступа́ли.

В предложном падеже -о́м (-ам, -ым, -ъм): на сухо́м мху, в галубо́м камзо́ли 'в голубой вязанке', в балшо́м йа́шшыку, в

ласно́м учаски, ф ста́рам даму́, ф капита́нскам ки́тили, ф то́плым о́зири, ф кирпи́шным даму́, при наро́днъм до́ми, на ру́скъм баку́ о́зира, в жэ́нскъм хо́ри састайу́.

Прилагательные среднего рода единственного числа оформляются следующими флексиями:

Именительный падеж имеет флексию -ое (ее фонетические варианты -ои, -ойъ , -ъи, -ъйа) — тихо́е : тихо́и о́зира, сухо́и : сухо́йъ се́на, балшо́и акно́, плахо́и : плахо́йъ ме́ста, ста́ръи кино́, высо́къйа де́рива, свэ́жъйа ма́сла.

Родительный падеж имеет окончание -ова (-ыва, -ъва): с чуцко́ва о́зира, сухо́ва се́на, свэ́жыва малака́, прина́сла, с угол́ныва акна́, ста́ръва пальта́, с йа́снъва не́ба.

Дательный падеж -ому (-аму, -ыму, -ъму): балшо́му начал́ству писа́ли, па сухо́му ме́сту, па ста́раму де́лу, па калхо́знаму по́лу, к ка́жным слову.

Форма винительного падежа совпадает с именительным. Одушевленные существительные среднего рода (дитя, страшилище) в нашем говоре не употребительны.

Творительный падеж -ым: свиным са́лам, ржаным хле́бам, бальным ме́стъм, са ста́рым па́рним, расти́тильным ма́слам, душы́стым мы́лъм.

Предложный падеж -ом (-ам, -ым, -ъм): ф плахо́м ме́сти, в глыбо́кам ме́сти, ф то́плым о́зири, при цырко́внъм о́пшыстви, в йа́гъднъм бало́ти.

Некоторые прилагательные мужского и среднего рода с основой на заднеязычный согласный в предложном падеже приобретают флексию -им: в сухи́м ме́сти, в махки́м пои́зди, в пско́вским

о́зири.

Прилагательные множественного числа в именительном падеже имеют окончание -ыи: свиныи но́шки, сватыи вичыра́, балшыи шшуки́, кислыи йаблъки́, тажо́лыи дро́вы, старинныи пе́сни, у́мныи де́ти, бе́лыи грудинки́.

Родительный и предложный падежи оформляются флексией -ых как в ударном, так и в безударном положении: балшы́х судако́в, ра́зных сарто́в ест, с мало́дых гот, ста́рых жилцо́в адна́ трет; ф сы́рых маста́х расто́, на ла́сных пала́нах, ф харо́шых рука́х, на калхо́зных пала́х.

Форма винительного падежа совпадает с именительным или родительным в зависимости от одушевленности/неодушевленности.

Дательный и творительный падежи имеют общее окончание -ым: к ранны́м со́страм на хо́дит, талсты́м лу́дам тру́нна, ста́рым калхо́зникам спасо́бийу дайу́т, па но́вым маста́м хади́ла; с балны́м стари́кам жыво́, с балшы́м карзи́нам хо́дит, шырста́ны́м пра́жам вышыва́ли, са стари́нным и савраме́нным пе́снам выступа́им, капчо́ны́м аку́нам угашшу́, пираги́ са свежы́м снатам. Флексия -ыми в творительном падеже довольно редка и не типична для традиционного слоя говора: калхо́зными дила́ми мала́ занима́итса, де́ти выступа́йут с ра́зными атры́фками, с балшы́ми нача́льникъми гавари́л.

Ниже мы приводим парадигмы склонения прилагательных твердой разновидности. Для иллюстрации взяты два прилагательных различных акцентологических типов: с накоренным и наконечным ударением (В круглых скобках даны фонетические варианты окончания, в квадратных - редкий тип флексии).

Единственное число

Женский род

И.	ласн-а́йа,	но́в-ъйа
Р.	ласн-о́й,	но́в-ъй(-ай, -ый)
Д.	ласн-о́й,	но́в-ъй(-ай, -ый)
В.	ласн-у́йу,	но́в-уйу
Т.	ласн-о́й,	но́в-ъй(-ай, -ый)
П.	ласн-о́й,	но́в-ъй(-ай, -ый)

	Мужской род		Средний род
И.	ласн-о́й,	но́в-ый	ласн-о́е(-о́и, -о́йъ), но́в-ъи(-ъйа)
Р.		ласн-о́ва, но́в-ъва(-ыва)	
Д.		ласн-о́му, но́в-ъму(-аму, -ыму)	
В.	ласн-о́й,	но́в-ый	ласн-о́е(-о́и,-о́йъ),но́в-ъи(-ъйа)
	ласн-о́ва,	но́в-ъва(-ыва)	
Т.		ласн-ы́м, но́в-ым	
П.		ласн-о́м, но́в-ъм(-ам, -ым)	

Множественное число

И.	ласн-ы́и,	но́в-ыи
Р.	ласн-ы́х,	но́в-ых
Д.	ласн-ы́м,	но́в-ым
В.	ласн-ы́и,	но́в-ыи
	ласн-ы́х,	но́в-ых
Т.	ласн-ы́м/-ы́ми/,	но́в-ым/-ыми/
П.	ласн-ы́х,	но́в-ых

По мягкой разновидности изменяется сравнительно небольшая группа прилагательных. Так как зафиксированные прилагательные этой группы имеют ударение на основе, то падежные окончания, как правило, представлены несколькими параллельными фонетическими вариантами, зависящими от индивидуальности произношения.

В женском роде единственного числа в именительном падеже отмечены варианты -айа, -ийа и -ьйа: лётнайа пагода, синьйа йупка, среднийа длина. Родительный, дательный, творительный и предложный имеют окончание -ей (-ий, -ьй), ср. ат среднéй : среднúй : среднúй дачки, к среднéй : среднúй йаблъни, па асéнний : асéнний пагóды, синúй лéнтай завáзъна, на асéнний йармъркú куплáли. Винительный падеж имеет две разновидности безударного окончания -уйу и -ийу: лишнуйу капéйку дастáну, синуйу кастрýлу вазмú, в асéнуйу : асéнийу макрáту, среднúйу дачкý. Окончание -ийу почвилось, видимо, под влиянием других падежей.

В именительном и винительном падежах прилагательные мужского рода имеют окончание -ий: васéний лов, лéтний дéн, пóзний час. В среднем роде в этих же падежах известно окончание -ьи (-ьи). Ср. срéднье акнó, лишнúи дéла, васéнниьи сóнца.

Родительный падеж прилагательных мужского и среднего рода оканчивается на -ева (-ива, -ьва): среднéва растóчка, с пасленéва автóбуса, синúва цвéта, лишнúва слóва на скáжыт. В дательном падеже эти прилагательные оформляются флексией -ему (-ому, -ьму): па асéннему хóльду, к васéнниму лóву, па-

сле́дньму мужыку́. Флексия творительного падежа -им и предложного -ем в силу произносительных особенностей говора могут совпадать в -им, ср.: по́зним часам, си́ним цве́там, ле́тним со́нцым, в си́ним камзо́ли, в сре́дним акне́ и в сре́днем акне́, при здешнем культурнъм до́ми.

Во множественном числе именительный и винительный падежи выступают в вариантах -ие и -ии: асе́нние мухи, после́дние слава́, си́нии глаза́, ле́тнии пла́тйа. Родительный и предложный имеют флексию -их: ли́шних патухо́в прьдайу́, ли́шних рубле́й не́т, в после́дних дама́х, в сре́дних ла́тах; дательный и творительный -им: па васе́нним днам, здешним рыбака́м на ва́зо́, дамашним рабо́там зано́мшы, с после́дним пиа́ницам сваза́фшы. В редких случаях в творительном падеже отмечается флексия -ими: с здешними учытилами́, с после́дними си́лами.

Таким образом, парадигму склонения прилагательных мягкой разновидности составляют варианты безударных окончаний:

Единственное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
И.	ле́тн-ий	ле́тн-ье (-ьи)	ле́тн-айа (-ийа, -ьйа)
Р.	ле́тн-ева (-ива, -ьва)		ле́тн-ей (-ий, -ьй)
Д.	ле́тн-ему (-иму, -ьму)		ле́тн-ей (-ий, -ьй)
В.	ле́тн-ий	ле́тн-ье (-ьи)	ле́тн-уйу (-ийу)
Т.	ле́тн-им		ле́тн-ей (-ий, -ьй)
П.	ле́тн-ем (-им)		ле́тн-ей (-ий, -ьй)

Множественное число

И. ле́тн-ие (-ии)

Р. ле́тн-их

Д. ле́тн-им

В. ле́тн-ие (-ии)

Т. ле́тн-им / -ими /

П. ле́тн-их

5. Формы сравнительной степени

Образование степеней сравнения в диалектной речи имеет свои особенности, заключающиеся в большем многообразии суффиксов сравнительной степени, чем в нормированном языке, а также в особом распределении основ.

Образование сравнительной степени синтетическим путем происходит по трем моделям: на -ее (-ей), -е и -ше. Все три суффикса обладают примерно одинаковой продуктивностью.

Суффикс -ее под ударением звучит как -ей, -еи и -ейе, без ударения - -ьи, -ье: в на́шым о́зири вада́ таплей, та́йа пра́жа ба́лей, вазми́ ры́бину паздъравей, пастро́йки тапе́р видне́и, ви́чара́ бы́ли ви́сале́и, ба́с са́хъра брусни́ку ва́рим ки́сле́и, йа ни глупе́и как ана́, саво́нни хъланне́йе вада́, майа́ жызн трунне́йе, выбира́им пе́сну то́лка лиш краси́вьи, тот кино́ бы́ла интаре́снье.

С суффиксом -е (-и, -ы) отмечены следующие образования: э́та кра́ска даро́жэ, даре́вна ста́ла лу́чшэ, што́ то́ншэ бли́н, то лу́чшэ жызн, в йаво́ рабо́та тажэ́ли, э́ви пабо́ли как и́ра 'эви больше Иры', пат гот йана́ мало́жы-та е́тай, фабри́чныи се́ти даро́-

жы были, зойа павышы фали, аны бахачы нас были, в этъй комнаты чышшы, ден карочэ.

Суффикс -ше, отличающийся наибольшей продуктивностью в просторечии,[I] в нашем говоре не обнаруживает особой активности и выступает наравне с другими: где паболшэ памашшэнии, капали раку глыпшы, ф цэрквы кирпич крепшы, дети асталис мал мала меншэ, стала старшы, полты в мана шыршы, эти платйа красифшы, старик са старухай пастаршы были, эта матора болшы.

Нередко употребляются формы сравнительной степени с префиксом по-, придающим оттенок смягчения степени или интенсивности качества: стала пастаршы, памаложы, памашшэний паболшэ, пагода патишы, ана павышы, этът дом палучшы.

Аналитические формы степеней сравнения представлены одной формой, состоящей из компонента самый плюс имя прилагательное в положительной степени. Эта форма, как правило, обозначает предельность, наибольшую степень качества, ср.: пашол ф самый бенный халхос, сама хароша рыбина в нас судак, пашли самай балшой силъй, девушка катора самый тонкий блин спакла шчыталъс диликатес, йа сама старъйа была, мы жъ самыи харошыи, самъйе глыбокъйе места здес, тут самъйа ускъйа места, самъйа глупъйа дефка была. В единичных случаях отмечается образование превосходной степени от относительных прилагательных - самыи рускии тут рыжовы калпаковы, самый диравенский разгавор.

I Н.А.Еськова, Образование синтетических форм степеней сравнения в современном русском литературном языке. - Развитие грамматики и лексики современного русского языка, М., 1964, стр. 236.

Рассмотренная форма превосходной степени, как известно, является живой и наиболее употребительной в современном русском языке.[1] Синтетические формы превосходной степени, как принадлежность книжно-литературной речи, не зафиксированы в говоре, кроме одного случая субстантивизованного прилагательного - наиболшы 'начальники, представители власти'.

6. Притяжательные прилагательные

Формально-грамматическими признаками притяжательных и притяжательно-относительных прилагательных в нашем говоре являются суффиксы -ов-, -ин-, -ск- и -й-. Образования со значением принадлежности или отношения к лицу отмечаются в следующих случаях: йукъва жана 'жена Юку', с мужыковым братам хадили, девъчку дяржала сынову, састрин малчык прийедит, мамина смерт павлийала, лизина мат с шартова, Фалина карова на здоина, сасетска кура, фелшарска жана, притсадатилска машына, братний свитар, братна дачка, братин китил 'китель брата'. Прилагательные с суффиксом -ов- образуются от основ мужского рода, с суффиксом -ин- от основ женского рода. В систему суффиксов притяжательности втягивается суффикс -н-, иногда в сочетании с -й-. Однако он отмечается в единичных образованиях от обеих основ.

Указанные суффиксы довольно активно участвуют в образовании сравнительно широкого круга притяжательных прилагательных со значением семейно- родственных отношений, например: дачкины дачки, састриной мужык, матирина састра, датинны

---

[1] В.В. Виноградов, Русский язык, стр. 244, 246.

дéти, брáтнин сын : брáтин сын : брáтний сын, брáтина дочка : брáтна дочкá, сынóвьи сынавьá, сынóвьи дочки, братóв сын, мужэ́в брат, мужóв атéц, братóв сын, дéцки дéти. В образованиях из трех компонентов - сáстриной дочки дочкá, йуханы сáстрин сын 'племянник Юханны', áнны дочкина дочкá 'внучка Анны'.

В русском языке имеет место употребление словосочетаний с притяжательными прилагательными сестрин сын, отцов брат, сестрины дети. Исследователи отмечают, что в современной русской речи для обозначения родственных отношений заметно преобладают описательные наименования.[I] Однако сочетания с притяжательными прилагательными типа сыновьи сыновья, дочкины дочки или детские дети не характерны для русского словоупотребления. Аналогичные образования с соответствующим значением имеют место в эстонском и других языках народов Прибалтики. Ср. эстонские - lapselapsed 'внуки' (буквально - дети детей), tütretütar 'дочь дочери', pojatütar 'дочь сына', vennapoeg 'сын брата', õetütar 'дочь сестры'; латышские - brāla meita 'дочь брата', dēla dēls 'сын сына'; немецкие - Bruderstochter 'дочь брата', Schwestersohn 'сын сестры'.

Распространение рассматриваемых образований в нашем говоре надо отнести за счет влияния контактирующего эстонского языка. Причиной проникновения калек с эстонского языка послужил, видимо, тот факт, что все они имеют особый уточняющий от-

---

I Д.Н.Шмелев, О некоторых тенденциях развития современной русской лексики. - Развитие лексики современного русского языка, М., 1965, стр. 9.

тенок, по сравнению с традиционными русскими параллелями. В семантике слова внуки не содержится указания на то, чьи это дети - сына или дочери. В словосочетаниях с притяжательными прилагательными сыновьи сыновья и дочкины дочки уточняется общее понятие внуки. То же самое с понятиями тётя, дядя, племянник, племянница, деверь. Образование калек с новым уточняющим оттенком значения происходило по имеющимся в говоре словообразовательным моделям - сестрин сын, отцов брат.

Как известно, притяжательные прилагательные в процессе развития претерпели значительные изменения, касающиеся охвата круга основ, распределения сфер действия, развития или утраты тех или иных значений.[1] В результате сложной эволюции в направлении общего угасания в литературном языке притяжательно-относительные прилагательные с суффиксами -ин- и -ов- со значением отношения к лицу сосредоточились в разговорной речи и просторечии. Притяжательные прилагательные с этими же морфемами, обозначающие семейно-родственные отношения, стали относительно устойчивыми в русском языке.[2] В нашем, а также в ряде других говоров Эстонской и Латвийской ССР, наблюдается определённая продуктивность образований по указанной модели для выражения понятий родства.

---

[1] С.В.Фролова, История образования притяжательных и притяжательно-относительных прилагательных с суффиксами -й-/-ьй и -ов/-ев в русском языке. Автореферат докторской диссертации, Куйбышев 1962, стр. 28, 30, 33, 34.

[2] Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века, М., 1964, стр. 296, 333.

7. Отдельные качественные и относительные прилагательные проявляют склонность к субстантивации. Так, название местного мужского ремесла мурная и каменная работа чаще употребляется без существительного: йа в мурнуйу с малодых гот хадил, всо-тъки йа ф камънньй зарабатывал, посли самнаццыти лет йа паступил ф каманнуйу, в мурньй з диким камним работъиш, сыны в мана тожы мурнуйу знайут.

Прилагательное свадебные в значении лиц, приглашенных на свадьбу, певчие 'участники хора', наибольшие 'начальство, представители власти', полесовный 'лесник-обходчик' в функции адъектива не встречаются. Каждый из них может иметь при себе определения, ср.: нашы свадибныи ни магли прайехът такой занос был, тартускии наибольшыи приехъли, мексиский палисовный 'лесник из Меекси'.

Ряд имен прилагательных может выступать как в функции прилагательного, так и существительного. Это случаи, общие с литературным языком, - взрослый, пьяный, чужой, приезжий, здешний, лишний, совецкий, русский, шутилая:шутная 'глуповатая'.

Приведенный материал показывает, что в именах прилагательных исследуемого говора наблюдаются в основном те же закономерности, что и в общерусском языке или в большинстве русских говоров. Например, в системе склонения отмечается стремление к выравниванию парадигм, особенно у прилагательных женского рода и множественного числа твердой и мягкой разновидности. В женском роде совпадают окончания родительного, дательного, творительного и предложного падежей в форме

-ой (-ьй) в твердой разновидности и в мягкой в безударных вариантах -ей, -ий и -ьй. Во множественном числе противопоставляются три падежных формы: именительного/винительного, родительного/предложного и дательного/творительного. Кроме того, наш говор сближает с литературным языком и другими говорами активизация отдельных словообразовательных моделей: образование качественных и относительных прилагательных от именных основ с суффиксом -н-, образование превосходной степени с компонентом са́мый.

С другой стороны, в системе имен прилагательных обнаруживается и некоторое своеобразие говора. Так, продуктивный в общерусском языке способ образования сравнительной степени по модели на -ее (-ей) уступает место образованиям с суффиксом -е. В группе притяжательных прилагательных особую активность получили суффиксы -ин-, -ов- (иногда в сочетании с -й-) в новообразованиях - кальках с эстонского языка, закрепившихся в говоре благодаря уточняющему оттенку в значении. Таким образом, контактирующий язык способствовал живучести малопродуктивной словообразовательной модели.

Влияние литературного языка сказывается в появлении формы -ыми , -ими в творительном падеже прилагательных множественного числа.

Ш Местоимения

I. Личные местоимения

Материал, представляющий группу личных местоимений I-го и 2-го лица, позволяет объединить с ними возвратное местоиме-

ние по наличию одних и тех же грамматических форм.

В родительном/винительном падежах единственного числа типичными для говора являются формы мана́, таба́, саба́ : ат мана́ малако́ брала́, в мана́ йес ачки́, в мана́ скирда́ аста́фшы, кабы ф таба́ была, ат таба́ вышли, ни жале́ш саба́, для саба́ аста́фшы, он мана́ ни нахва́лицца, памага́й мана́ 'помогай мне', йа таба́ ни ви-да́фшы, о́чын саба́ лю́бит.

В речи мужчин, молодёжи, в разговоре не на бытовые темы отмечается иное произношение этих местоимений, соответствующее литературной норме, - мина́, тиба́, сиба́: у мина́ йест награда, зубри́ взади мина́, мы тиба́ ни ждали, кроми тиба́, для сиба́ сали́ли мати́вам сиба́ занима́ли 'пели для себя'.

В дательном и предложном падежах местоимение I-го лица имеет форму мне - мне́ их ну́жна, мне́ сме́шна, ка мне́ идо́, при мне́ случи́лас, аба́ мне́ гавара́т; местоимение 2-го лица и возвратное - табе́, сабе́ (тибе́, сибе́): хто табе́ сказа́л, к сабе́ ни пъдпуска́-ит, на табе́ фсо гари́т, тибе́ ана́ прада́ст мо́жыт, и што тибе́ за де́ла, йа тибе́ памага́ла, дабыва́ли сибе́ хлеп, мы па сибе́ рыбу ла-ви́ли 'для себя'. Произношение сибе́ отмечается в употреблении значительно чаще, чем диалектное сабе́.

В творительном падеже эти местоимения имеют формы мной, табо́й, сабо́й: ма́стир мной дово́лный был, мы с табо́й пе́ли, анна́йа са мной жыла, нас с сабо́й взя́ли.

Во множественном числе местоимение I-го и 2-го лица в роди тельном, винительном и предложном падежах не отличаются от лите ратурного языка. Ср.: ат нас киламе́тра пълтара́, у вас

учы́тилница с та́ллина, при нас э́тъва на была́, снага́ в нас ны́нчы не́ту 'снетков у нас нынче нет', нас йашшо́ ни бару́т, вас не́къму сва́сти́, при вас-та баи́тса.

Дательный и творительный падежи совпадают у местоимения I-го лица в форме нам, у местоимения 2-го лица в форме вам: ско́ра нам фсе́м ден ражэ́нйа бу́дит 'скоро у нас у всех будет день рожденья', разучы́л нам э́ту пе́сну, нам пазво́лили йехът, нам суды́ вади́ли йаблъкаф, с нам был заве́душшый культурнъва до́ма, а́ликсо нам рукавади́т 'Алликсоо нами руководит', с нам ра́дъм бы́ли, с нам йана́ на бы́фшы 'с нами её не было'; што йа вам начну́, пи́ва йа вам ни саве́туйу, хто с вам был, он пагъвари́т с вам. В творительном падеже параллельно употребляются формы на́ми, ва́ми, соответствующие литературной норме: с ва́ми студе́нты апа́т прие́хъфшы, ани́ руга́лис с на́ми, с на́ми састра́ йавонна была́, зинаи́да с ва́ми пайе́ди.

Таким образом, рассмотренные местоимения в единственном числе выступают в двух фонетических вариантах: один является традиционным для говора, другой возникает параллельно, под влиянием литературной нормы.

	Единственное число			Множественное число	
И.	йа	ты	–	мы	вы
Р.	мана́ (мина́)	таба́ (тиба́)	саба́ (сиба́)	нас	вас
Д.	– мне́ –	табе́ (тибе́)	сабе́ (сибе́)	нам	вам
В.	мана́ (мина́)	таба́ (тиба́)	саба́ (сиба́)	нас	вас
Т.	– мно́й –	– табо́й –	– сабо́й –	нам, на́ми	вас, ва́ми
П.	– мне́ –	табе́ (тибе́)	сабе́ (сибе́)	нас	вас

2. Предметно-личное местоимение

Местоимения он, она, оно, они имеют в говоре несколько вариантных форм. В традиционном слое говора эти местоимения употребляются с й в начале основы, что характерно для западных говоров.[1] Как полагает А.А.Шахматов, осложнение начального гласного й стало происходить уже в древнюю эпоху под влиянием форм йего, йему и под.[2] В условиях аканья указанные местоимения приобрели звучание йана́, йано́, йаны́, ср. - йон чаты́ри го́да атлажа́л, йон згони́т ку́ру с мурка́, йана́ ишшо́ хо́ди 'она еще ходит', йана́ в но́вай дарэ́вни, йано́ (озеро) то́плъи называ́ица, йаны́ гот кругом ло́ват 'они целый год ловят', йаны́ по́мирли́, йаны́ падба́ру́т. Наряду с этим употребляются формы без й в начале основы, нередко в сочетании с другими диалектными чертами, например: он был забале́л, он ф по́ли ни хади́фшы, ана́ ушо́ы, ана́ тиха́йа така́йа, ана́ мо́гит фсо пиранёст, ана́ ф пы́лвы уйехъ́фшы 'она в Пыльва уехала', ани́ кирпи́ш рэ́зъли, ани́ сно́мшы 'они сфотографировались', ани́ пра́зники де́ржут, ани́ аста́фшы, слу́хъит што ани́ гавара́т, ани их апчы́стат. В именительном падеже множественного числа, кроме того, употребительны формы аны́ и ане́: аны́ бы́стра расту́т, аны́ скупы́и, аны́ па угарца́м пашли́, аны́ ф са́ро́тки, ане́ ужэ́ в вады́ бы́фшы, ане́ тапи́т ни гада́ица 'ими (старыми лодками) топить нельзя'. Встречаются случаи употреб-

---

[1] Русская диалектология, стр. 126.

[2] А.А.Шахматов, Историческая морфология.., стр. 310.

ления различных форм местоимения в границах одной фразы: пус' бы аны' ба'жали как бы йаны' ни ба'жали 'пусть бы они бежали как хотели', што он ска'кыт то йаны' и де'лъйут. Как известно, форма оны, в условиях аканья - аны, исторически является обобщением именительного падежа множественного числа местоимений мужского, среднего и женского рода в форме женского рода; форма же оне возникла еще в общерусскую эпоху под влиянием местоимений те и все.[1] Следовательно, в нашем говоре указанные формы в известной мере надо считать реликтовыми. В настоящее время форма аны известна в западных говорах, ане - в северо-восточных областях.[2] Наличие двух древних форм в нашем говоре, имеющих в настоящее время различные ареалы, видимо, надо объяснять архаичностью говора.

Из форм с й в начале основы в соседних гдовских говорах отмечаются формы именительного и винительного падежей единственного числа и именительного падежа множественного числа[3].

Родительный и винительный падежи местоимений мужского и среднего рода единственного числа совпадают в форме йаво', ср.: ат йаво' рыбу доста'ли, взади йаво' ходила, йаво' первъва хорани'ли, взали са шко'лы йаво', к о'сини йаво' лавит' бу'дут, с йаво' на

---

[1] А.А.Шахматов, Указ. сочин., стр. 310 - 311.

[2] Русская диалектология, стр. 126.

[3] Т.Г.Строганова, К характеристике русских говоров.., стр. 138; З.В.Жуковская, О типе говоров.., стр. 20.

была работника, йаво патребъвали судыка, в йаво в озири запас 'у него в озере сети стоят'.

Местоимение женского рода единственного числа в родительном падеже имеет формы йей 'ей', йайо 'её' (ийо) : ат йей две девъчки взата, атнали ат йей, в йей убръна зимланика, в йей подьна разводнъйа, дачка в йей учытилница, в йей школа фса кончына 'она закончила школу', йайо дома нет, ат йайо малако бару, нету йайо, ийо облик изманился 'вид деревни изменился', в нас нету ийо на расто, блиска ийо стайала 'около нее стояла'. Местоимение йей, как правило, употребляется с предлогами от и у (в), йайо (ийо) - чаще после других предлогов и отрицания. В стилистическом отношении употребление этих вариантов не дифференцировано. Форма йей является диалектным новообразованием и возникла в результате влияния дательного и предложного падежей.[I]

В винительном падеже этого местоимения отмечен целый ряд форм, наиболее употребительными из которых являются йану и ану: стали йану (церковь) ламат, йану (реку) капали глышэ, йану ф школу поставили 'ее отдали в школу', вы йану на ишыти, в йану-та майа ира 'на нее похожа моя Ира', кормили йану, вымыли йану, он абманил ану, ф комнъты даржали ану, ану мароз ни баро, никто ану ни видафшы. Формы йану и ану образованы от основы именительного падежа и флексии винительного падежа

[I] А.А.Шахматов, Указ. сочин., стр. 341.

существительных женского рода. Помимо того, в говоре известна современная общерусская форма её с диалектным звучанием - йайо́: што мне йайо́ дапра́хыват' 'что мне её допрашивать', йа зна́йу йайо́. В этой форме винительный падеж совпадает с родительным, другие формы этих падежей противопоставлены друг другу. В отдельных случаях встречается контаминационная форма йейу́ (йайу́), как полагает А.А. Шахматов, из более древних форм родительного и винительного падежей (е^{ъ} и ю)[1] - йайу́ на́ видат', кот гла́ди на йайу́, аби́нна на йайу́ сматре́т' 'жаль на нее смотреть', мы йайу́ пау́кьли 'покричали ей, поаукали', должны́ йейу́ ф та́рту приве́ст', никто́ йейу́ ни сматре́л. Словоформа йейу́ известна в южной части новгородских говоров, ону́ и йену́ - в окающих говорах гдовской группы.[2]

Родительный, винительный и предложный падежи предметно-личного местоимения множественного числа совпадают в форме -их: ср. родит. - в их была́ два сы́на, в их мале́нна йес' 'у них молельня есть', ат их прина́сона; винит. - на их йе́та ни влийа́йе, их тут и дабили́; предл. - на их (на ягодах) бале́ст' како́йъта, в их (в грибах) чэ́риф.

Дательный падеж единственного числа местоимений мужского и среднего рода представлен формой йаму́ (йъ^{е}му́): йаму́ бу́ди со́рък шест' гот, йаму́ да́ли машы́ну, йаму́ назна́чына, халхо́с йъ^{е}-

---

[1] А.А. Шахматов, Указ. сочин., стр. 310.

[2] Русская диалектология, стр. 287.

му дали гарас бахатый, йаму цалут 'ему целовать', дали йъ^ему сент 'цент'.

В местоимении женского рода формы дательного, творительного и предложного падежей не противопоставляются, имея одно общее звучание йей, ср. - историйа йей на шла, йей нада фсо выучыт, йа йей окуни скаптила, йей время йест, паплачу па йей, мы с йей громка пагъварили, с йей аннайа расла, при йей нальзя сказат, в йей (в бане) ишшо мытса можна.

Творительный и предложный падеж местоимений единственного числа мужского и среднего рода, а также дательный и творительный падеж множественного числа совпадают в форме им. Ср. твор. пад. ед. числа - йа с им (с сыном) на волги прийехъла, им (озером) мы и жыли; предл. пад. ед. ч. - в им (в доме) мы жыли посли вайны, в им (маленькое озеро) и шшуки ес; ~~посли вайны (в новом доме)~~; дат. пад. мн. числа - што им там случылас, к им с тарту приехъли, им нужна была, им эта фсо нипачом; твор. пад. мн. числа - им (сетями) никто на ловит, в этъким-та даму мы с им и жыли (с хозяевами дома), йа с им в валики луки йездила (с сыном и внуками).

В нашем говоре, как правило, после предлогов отсутствует н в косвенных падежах местоимения 3-го лица. Новые формы с н сравнительно малочисленны и появляются под влиянием литературного языка. Отсутствие н в предложно-местоименных сочетаниях, как известно, является одной из древних диалектных черт и свойственно большинству русских говоров.[I]

[I] А.А.Шахматов, Указ. сочин., стр. 310.

Парадигма склонения предметно-личных местоимений представлена в следующей схеме:

Единственное число

И.	йон, он	йано́, ано́	йана́, ана́
Р.	- йаво́ (йь^{е}во́) -		йей, йайо́ (ийо́)
Д.	- йаму́ (йь^{е}му́) -		йей
В.	- йаво́ (йь^{е}во́) -		йану́, ану́, йайо́, йейу́(йайу́)
Т.	- им -		йей
П.	- им -		йей

Множественное число

И.	йани́, йаны́, аны́, ани́, ане́	
Р.	- их -	
Д.	- им -	
В.	- их -	
Т.	- им -	
П.	- их -	

3. Неличные местоимения

В говоре неличные местоимения по семантическим функциям объединяются в те же группы, что в литературном языке и большинстве русских говоров. Одной из активных групп является группа указательных местоимений, представленная местоимениями э́тът, э́та, э́ти, э́тъкий (э́дъкий), тот, то, то́йе, та, та́йа, тако́й.

Местоимение тот имеет параллельные формы в родительном/винительном и дательном падежах, различающиеся местом ударения, ср. - тапе́р то́ва не́ту, с то́ва кра́йа, ф то́ва хаза́ина, к

тому дому, привали това мужыка, - ф таво парна, таво катохи тапер уж нет, таму папала. Наконечное ударение, по всей вероятности, явление более позднее, поскольку в традиционном слое говора преобладают формы с накоренным ударением.

В творительном падеже употребляется форма тем: тем и кончылас заводнишный ден, с тем и ушли, с тем мужыком и жыво.

В предложном падеже мужского и среднего рода встречается форма тым - ф тым саду скошына трава, ф тым озири ловат, на тым канцу. Аналогичных форм в других падежах нами не зафиксировано. Активной в речи является форма том: в том доми, на том канцу, в том ласу.

В местоимениях женского и среднего рода употребляются двусложные формы, сохраняющие ударение на основе, ср. - тайа песна, тайа лиза, тайа старана, тайа уйехъла, вазми туйу балйу, ф туйу вайну, туйу иру, дачку туйу назвали бабиным имим, ф тойа врема, на тойе места. Двусложные формы отмечаются только в именительном и винительном падежах единственного числа. Параллельно с двусложными употребляются и односложные формы, в основном у носителей говора среднего и младшего возраста, но безотносительно к стилю речи, ср. тайа новъйа капмлект ф склади, ф туйу байну, ф тойъ врема фсо рушылас - та асирчала, ту сасетку, пастучы ф то акно. Двусложные формы известны в соседнем говоре о.Пийрисаар, а также в других западных говорах.[I]

[I] Т.Ф.Мурникова, Описание русского говора.., стр. 360; Русская диалектология, стр. 126.

Склонение этого местоимения во множественном числе не отличается от литературного языка за исключением творительного падежа, совпадающего с дательным в форме тем. Ср. - те мужыки́ са пна́ва́, те ра́мы но́вы́и, те во́сла в амба́ри, с те́х йа́гъд варе́нйа сва́ру́, к тем суседам, те́х па́тушко́в пра́дам, те йа́гъды на пункт сна́сла́, с тем ба́бам в ла́су́ хади́фшы, в те́х гриба́х чарве́й гара́с мно́га.

	Единственное число		Множественное число
И. тот	то, то́йе	та, та́йа	те
Р.	-то́ва(тавó) -	той	тех
Д.	-то́му(тамý) -	той	тем
В. тот	то, то́йе	ту, ту́йу	те/тех
	-то́ка(тавó) -		
Т.	- тем -	той	тем
П.	- том, тым -	той	тех

Местоимения этът, эта, эти могут иметь й перед началом основы - йетът, йета, йети. Оба звучания функционально не различаются.

Местоимения среднего и женского рода единственного числа в именительном падеже имеют общую форму э́та и различаются только синтаксически: э́та вайна́ тижо́лъйа была́, э́та была́ в исто́нска вре́ма.

Родительный падеж указанных местоимений зафиксирован в следующих случаях - йана́ йе́тъва до́ма, с йе́тъва мы на́чали, ана́ с э́тъва до́ма, по́сли йе́тъй вайны́, напро́тив э́тъй избы́, ми́ма э́тих труп, э́тих кра́стов ма́ла; дательный - к э́тъму де́лу, к

э́тъкъй-та жаны́, э́дъкъму па́рну́, йе́тъй сасе́тки, па йе́тъким даска́м; винительный - па э́ту сто́ръну, в йе́тът де́н, в э́туйу вайну́, в йе́тът калхо́с, в э́тъку дарэ́вну, в йе́та врэ́ма, взя́ли э́тъких да́тей, привади́ли э́тъки ма́шки йаблъка́ф; творительный - рукавади́л э́тим де́лъм, йе́тым ана́ жыла, ме́жа э́тъй-та сте́нки 'между этой стенки', с йе́тъй пйе́скъй выступа́ли, с йе́тим да́лам занима́лса, э́тъким ла́шам таргава́ли; предложный - в йе́тъм го́ди, в э́там даму́, на йе́тъм о́зири, на э́тъй наде́ли, на э́тъй страны́, в э́тъких пла́тйих и хади́ла. Появление в творительном падеже формы йе́тым, видимо, объясняется влиянием твердой основы других косвенных падежей.

Помимо формы эти в именительном/винительном падеже множественного числа отмечается форма йе́ты и э́ты: э́ты грузды́ па-со́лиш, йе́ты сна́ты на вы́шли харашо́, э́ты-та пе́сни мы зна́им.

Указательные местоимения могут быть как стяженными, так и полными независимо от стиля речи. Ср. - йа ни така́ ста́ра и́шо́, таки́ каро́ткии пла́тйа, таку́ литиратуру миханиза́търы чы-та́йут, высо́ка така́ де́вушка, тако́ у́ска о́зира, ли́стина-та та-ка́йа фсо́ хо́дит, э́тъку ры́бину в гаршо́к, тагда́ э́дъки ра́мы фста́-вили.

Группу притяжательных местоимений составляют местоимения мой, наш, твой, ваш, свой, и́хный, е́йный, йаво́нный, йего́ный. В формах склонения общерусских местоимений появляются варианты, связанные с акцентологическими или произносительными особенностями говора, например: ат твайо́ва мужыка́, в майо́ва бра́та, па майо́м вку́су, па майо́му агаро́ду, свайо́ва мужыка́ и́ш-шыт, ф сваи́м агаро́ди, ф сваи́м даму́. Форма сваи́м могла появить-

ся под влиянием творительного падежа. Аналогичные формы притяжательных местоимений женского рода, а также формы других падежей единственного и множественного числа не отличаются от литературной нормы, ср. - па свайéй внýчки, ат майéй дачки, дом майаво́ плама́нника, в на́шый дарéвни, ат сваих фами́лий, майа́ ро́да, в майéй адо́жы, атцы́ на́шы, ф свайóм зва́нии, зано́шы сваим де́лам.

Кроме того, в говоре известны притяжательные местоимения 3-го лица суффиксального образования, употребляющиеся параллельно с неизменяемыми формами йаво́, йайо́, их. Например: йего́на ма́ма, éйный па́лиц, йего́на ро́да в мéхикóрми, и́хный ма́лец, и́хнъйа ро́да в Расéи, и́хнъйа скати́на, в и́хнай сами́и, йéйнъйа ро́да 'её родня', йаво́на сáстра ру́ска, ат éйных слоф, к éйнъму до́му, пайду́ éйнуйу скати́ну сáстрапъйу 'пойду её скотину уберу и накормлю', в йéйный агаро́д, с йего́ным атцо́м, с éйным ухажóръм разгава́ривать, с и́хнай дачкóй, с йаво́ннай самóй, абéи сы́на йаво́нна там жывýт, и́хни ми́ны ла́тели. В нашем говоре нет противопоставления форм с н предметно-личных местоимений и форм без н притяжательных. Это обстоятельство, как справедливо отмечает Н.Д.Сидоренская, могло вызвать появление суффиксальных новообразований, которые являются согласуемыми формами и могут семантически и функционально отличаться от словоформ его, её, их.[I]

[I] Н.Д.Сидоренская, Некоторые наблюдения над словообразованием неличных местоимений в псковских говорах. - Псковские говоры П, Псков 1968, стр. 180.

Суффиксальные формы известны большинству русских говоров.[I] Наличие данных новообразований в нашем говоре свидетельствует о том, что развитие неличных местоимений говора подчиняется общей тенденции всего русского языка - стремлению к унификации формоизменения неличных местоимений и прилагательных.

Особенностью нашего говора является произношение смычного [г] вместо [в] в указанных формах, хотя родительный падеж прилагательных и предметно-личных местоимений мужского и среднего рода повсеместно содержит в окончании [в]: ево́, си́нева, кра́снова, тово́.

Вопросительно-относительные местоимения кто, что, кото́рый, како́й, чэй употребляются как в соответствующих норме формах - каво́, като́ръва, како́ва, што, кака́йа, - так и в диалектных, в основном произносительных. Ср. - а хто им и сказа́л, чаво́й-та прива́ли в магази́н, чаво́ там вышла. С ударением на основе зафиксирована форма ка́му: ка́му ха́дит, ка́му да́ла. Местоимения кака́йа, каки́и могут быть усеченными: стари́нна кака́-та ве́ш, каки́-та прийе́жыи, кака́-та шутна́йа де́фка 'какая-то глуповатая девка', каку́ балшу́ ры́бину прива́ла, узна́ш каки́ сосе́ди, ф каку́ сто́ръну.

[I] Распространение форм типа ихный в народной речи и необходимость их для книжного языка отмечал Ф.И.Буслаев. См. "Историческая грамматика русского языка", М., 1959, стр. 118.

Определительные местоимения весь, всякий, каждый, самый, сам имеют в винительном/родительном падежах единственного числа флексию -аво́(-ъва): фсаво́ была, са фсакъва мартирйала шыли 'изо всякой материи шыли', у кажнъва до́ма што́-нибут падбира́ла, самъва харошыва выбрала. Местоимения фсакии, каждый: кажный и самыи, фсакуйу, кажную, самуйу отмечаются и в усеченных формах: фсакии саманы навеска водит, фсаки пълсапошки насили, фсаку работу могит делът, самы харошыи йаблъки, вазмош таку саму рыбину, кажну наделу сабираимса, кажна песна ни гадицца.

Местоимение сами имеет параллельную форму самы, не противопоставляющуюся усеченной форме местоимения самые. В обоих местоимениях ударение сохраняется на корне, ср. в соответствии с сами: вот самы выръстили этат сат, йесли самы лавили, самы лон сеили, самы и прали и вазли; в соответствии с самые: самы харошыи сарта́, самы мелки йагъды, палажы самы крупны йаицца.

Накоренное ударение в местоимении сама чаще всего встречается в именительном падеже и редко - в винительном: йа сама хадила на́ зира, ана́ сама ни адиваицца, пачыму́ ты сама́ сиба́ убиваиш, йайу́ саму на видна.

В некоторых случаях отмечается переход ударения на окончание при сохранении твердой основы: мы прадавали самы ни делъли, пришлос фсо делът. самым Иногда место ударения имеет форморазличительное значение, ср. машын на была пришлос самым лон часа́т - тем са́мым вайна́ ко́нчылас. В речи тех же информаторов отмечаются формы, соответствующие норме: вам самим ни найти, вы сама́ с та́рту?, фасо́н сама́ выбира́ла.

В традиционном слое говора спорадически появляются формы множественного числа от местоимения весь - фси, фсих, фсим. Например: фси лу́ди гарацки́и, са фсих си́л, ка фсим прийажжа́йут, фсих де́ниг ни зъработъиш, ана́ са фсим жылца́м харо́шъйа, на фсих йа́блънах рак како́йта пъйави́фшы. Однако, наиболее типичным для говора является общерусское звучание этого местоимения: фсе мало́дыи скапла́йутса, фсе вы́шли на даро́гу, ни ва фсе́х ес, фсех дамо́й апуска́ли, са фсем рыбака́м, ва всех дама́х и т.д.

Словоформа вси характерна для северо-западной диалектной зоны.[I] В нашем говоре ее, видимо, надо рассматривать как остаточное явление.

Остальные формы местоимений вес, фсо, фса не отличаются от нормированной речи, ср. - вес э́тът сат, фсем ко́рпусъм наступа́ли, фсо так и гаре́ла, фсо была зде́лъна, фса трава́ ско́шына, чырыз фсу́ даре́вну, уда́рил са фсей си́лъй, ва фсей даре́вни.

Отрицательные местоимения в основном не отличаются от соответствующих форм литературного языка, ср. - никто́ ни хате́л, вас не́къму свасти́, никаво́ на ви́дна, ни ф каво́ ни име́лас. Косвенные падежи местоимения ничто имеют диалектное звучание: ничаво́ ни зна́йу, ничаво́ ни расло́, ничаво́ ни ви́дили, ни ф чом ни атка́зывъит, ни к чаму́ ни го́дный. В речи наиболее пожилых носителей говора отмечается диалектизм ничо́: ничо́ ни зна́чыт, ничо́ там на бы́ла.

[I] Русская диалектология, стр. 248.

Параллельно с формой ничаво́ в родительном падеже употребляется словоформа ничо́ва с переносом ударения на основу; ничо́ва не́ была кро́ми э́тат сара́й, ничо́ва там не́ту, ничо́ва ни уме́ла де́лът, ничо́ва ни аста́лас' - не́миц фс'о абарва́л, ни адо́жы ничо́ва на была. Формы нико́ва, нико́му, ничо́му, имеющие место в соседнем говоре о.Пийрисаар,[1] в Мехикоорма почти не встречаются.

Наряду с ничаво́ и ничо́ва в говоре довольно употребительно звучание ничыво́: ничыво́ харо́шъва ни мо́жыт зде́лът, в нас-та была́ ничыво́, зашто́ ты ничыво́ ни навазла́ 'почему ты ничего не навязала', ничыво́ ни палу́чыцца.

Формы родительного и дательного падежей с ударением на основе свойственны юго-западной диалектной зоне.[2]

Обзор фактического материала показывает, что парадигмы склонения личных и возвратного местоимения совпадают с соответствующими парадигмами литературного языка за исключением формы творительного падежа местоимений I-го и 2-го лица множественного числа, совпадающей с формой дательного. Наряду с этим, в указанных падежах под влиянием литературного языка появляются формы, противопоставленные друг другу.

В неличных местоимениях отмечается сравнительное разнообразие исходных форм, особенно в предметно-личных местоимениях и притяжательном местоимении 3-го лица. Например винит.

I Т.Ф.Мурникова, Описание.., стр. 360.

2 Русская диалектология, стр. 258.

падеж ед. числа женского рода - ану́: йану́ : йайо́ : йайу́; именит. падеж множ. числа - ани́ : аны́ : йаны́ : ане́; притяжат. местоимения - йаво́ : йаво́нна : йаго́на; их : и́хный и др. Такая вариантность форм свидетельствует о том, что наш говор формировался на базе нескольких диалектных систем. Известная изолированность говора способствовала оседанию и закреплению в нем различных по происхождению форм и явлений.

Часть диалектных явлений в системе неличных местоимений говора характерна для целых диалектных объединений: суффиксальные образования с формантом -н- (его́на, е́йный) для обозначения притяжательности, местоимения 3-го лица с начальным й (йон, йаны́), отсутствие начального н- в предметно-личных местоимениях 3-го лица после предлога (к ему́, с ей) и др.

Значительное число диалектных форм местоимений сближает наш говор с северо-западными и западными говорами, в том числе и с говорами на территории Эстонии: наличие стяженных местоимений (кака́, таку́, фсяки), употребление форм фси, фсих, аны́, ане́; совпадение форм дательного и творительного падежей местоимений множественного числа, наличие словоформ яю́, яну́, тую́.

Необходимо отметить, что наличие стяженных местоимений в имен./винит. падежах единственного числа женского и среднего рода, а также множественного числа сближает группу неличных местоимений с прилагательными. Общая форма для дательного и творительного падежей множественного числа - со всеми склоняемыми словами.

Нестяженные местоимения распространяются, видимо, не только под влиянием соответствующих литературных форм, но и при поддержке местоимений, формально сблизившихся с прилагательными - тайа, туйу, тыйи и др.

Следов иноязычного влияния в системе местоимения не обнаруживается.

IУ Имя числительное

Диалектные особенности имен числительных изучаемого говора касаются в основном звукового оформления тех или иных групп числительных или отдельных словоформ. Например - двана́ццыт : двина́ццыт : дванаццат; сами́ : сими́; чатыри́ : чытыри́ : чи́тыри; шашна́цат : шышна́цат : шасна́цат : шысна́цат; сем : сем.

Числительные одна, одно, одни, а также формы косвенных падежей от числительного один употребляются в звучании анна́, анно́, анни́, анно́ва и т.д. - анна́ дачка́, ат анно́й жэ́ншыны, в анну́ шко́лу поста́вили, слуби́лса с анно́й, анно́ акно́, с анно́ва акна́, в анно́ ле́та, с анни́м васло́м, анни́ прийе́жжыи, к анни́м знако́мым, в анни́ дама́, с анни́м акуна́м пришо́л, блиска анно́ва до́ма, ни анно́ва маста́ ни анно́ва ка́била ни аста́вил, падашли́ к аннаму́ до́му, астънави́ли анно́ва мушшыну.

В речи молодёжи и отчасти жителей среднего возраста произношение этих числительных соответствует литературной норме.

Параллельно с числительным анни́ встречается форма анны́ (адны́), возникшая, вероятно, под влиянием местоимений аны́,

йеты: адны́ жы́тили уе́хъли в расе́йу, там анны́ пья́ныи, анны́ де́въчки в э́тъм гаду́, анны́ баръвики́ прива́ла.

В родительном/винительном и дательном падежах мужского рода употребительны параллельно две формы, различные в акцентологическом отношении, ср. - анно́ва : аннаво́, анно́му : анна́му́. Наличие форм с ударением не на конечном гласном флексии, видимо, обусловлено стремлением к сохранению единого акцентологического типа.

Числительные женского рода одна в именительном/винительном падежах единственного числа и спорадически в именительном падеже множественного числа могут выступать в членных формах - анна́йа : адна́йа, анну́йу : адну́йу, анны́и : адны́и. Например: анна́йа дачка́ ф та́рту, так анна́йа и жы́ла, анна́йа сестра́ пам'о́ршы, ра́ньш анну́йу старавёркъй зва́ли так ана́ была́ сапнава́, йа са́ма расти́ла анну́йу вну́чку, анна́йа тут фсо прийажа́ит, ни анну́йу на взал.

Формы именительного падежа множественного числа анны́, адны́, анны́и употребляются безотносительно к родовой принадлежности, ср. - анны́ кра́сты правосла́вныи, анны́ да́фчонки са мно́й пайе́хъли, анны́и жыха́ри были́ суда́ аста́фшы, анны́и шшу́ки сича́с ло́ватса.

Парадигма числительных один, одно, одна, одни выглядит следующим образом:

	Мужской род	Средний род	Женский род
И.	адин	адно́ (анно́)	адна́ (анна́)
			анна́йа (анна́йа)

Р. аднóва, аднавó – аднóй
Д. аднóму, аднамý – аднóй
В. адúн, аднóва, аднавó, аднó адну́, адну́ю
Т. адни́м – аднóй
П. аднóм аднóй

Множественное число

И. адни́, адны́, адны́и
Р. адни́х
Д. адни́м
В. адни́, адни́х
Т. адни́м
П. адни́х

Как показывает материал, парадигму числительного один составляют два варианта. В числительном одна вариантность отмечается в именит. и винит. падежах, в одни лишь именительный падеж представлен тремя вариантными формами.

Числительные два, три, четыре[I] в своем формоизменении мало чем отличаются от литературного языка, ср.:

I Из всех фонетических вариантов числительного четыре мы приводим один, наиболее характерный для говора.

	Два	Три	Четыре
И.	два, две	три	чатыри
Р.	двух	трох	чътырох
Д.	двум	тром	чътырóм
В.	два, двух	три, трох	чатыри, чътырох
Т.	двум	тром	чътырóм
П.	двух	трох	чътырох

Творительный падеж данных числительных, а также числительного одни, согласно морфологической особенности нашего говора, совпадает по форме с дательным.

Зафиксированы немногие случаи согласования числительных семь и сорок с существительными - чут ни ф симих мастах выступали, йа с сарака шастова года прийехъфшы, на сараках шагах стайали ат пративника. Можно полагать, что согласуемые формы числительных появились под воздействием числительных 2 - 4, ср. - в двух местах, на четырех столах. В русских говорах известны формы склонения числительных по множественному числу: род. и предл. - летих, восьмёх, десятех; дат. - пятюм, шестюм и др.[I]

В числительном восемнадцать I-я часть может оставаться неизменной в форме васми-, например: круг васминацыти, в васминацытъм гаду, скора васминацыт будит, да васминацыти гот.

[I] А.Супрун, О русских числительных, Фрунзе, 1959, стр. 38, 40.

В своей основной массе сложные числительные изменяются соответственно литературной норме: боли трохсот казакъф, блиска симидисити год, была можыт окъла двухсот мастоф.

Количественные числительные по формам изменения объединяются в два типа склонения. К I типу относятся рассмотренные нами числительные два, три, четыре. Ко II типу мы относим все числительные, характеризующиеся противопоставлением двух падежных форм. В один из подтипов этой группы относятся числительные сто, девяносто, сорок, которые в именительном и винительном падежах имеют формы:

сто, диванòста (-тъ), сòрък;

в родительном, дательном, творительном и предложном:

ста, диваноста (-тъ), сарака.

Числительное девяносто в зависимости от положения в середине или в конце синтагмы может выступать в форме диванòстъ или диванòста. Его парадигма характеризуется наличием только одной формы. Формы типа сороках спорадичны и выпадают из общей системы формоизменения данных числительных.

Для второго подтипа II склонения свойственно также противопоставление в основном двух форм. Творительный падеж может совпадать с дательным, но в отдельных случаях употребляется и его специфичная форма. В этой группе объединяются числительные пять - двадцать, тридцать. В именительном/винительном падежах они имеют формы:

пат, адиннъццат, двáццат;

в родительном, дательном, творительном и предложном:

пити, адиннъццти, дваццати.

Кроме того, творительный падеж может оформляться и окончанием -йу: питйу, адиннъццътйу, дваццътйу, что происходит, видимо, под влиянием литературного языка.

Порядковые числительные по своим морфологическим и синтаксическим свойствам не отклоняются от литературного языка. Ср. - фтарóй мéсик, ва втарóй лúнии акóпаф, трéтйа част приéжых, чатвóртый дом, ф пéрвый дéн шли на тáнцы.

В склонении сложных числительных наблюдается изменение только второй части. Например: с тúшша симсóтъва амбáр стаúт, с чатырúстам казáкам, жúла да симдъсúти гот. Изменение только конечной части сложного числительного отражает определенный этап в развитии сложных числительных. Это явление зафиксировано в псковских памятниках письменности и в некоторых псковских говорах.[I]

Парадигма склонения порядковых числительных соответствует парадигме склонения имен прилагательных твердой разновидности, числительного три - мягкой.

В значении числительного второй иногда употребляется местоимение другóй: другóй гот идóт, на другóй дéн галаву́ паправлáйут, другáйа надéла к канцу́.

Собирательные числительные представлены единичными словоформами. Так, числительные двоя, троя могут относиться к существительным любого рода, ср. - двóйа пйáныи йéхъли, трóйа бúли в агарóду 'три девочки были в огороде', трóйа сýтки,

---

I С.М.Глускина, Сложные числительные в истории русского языка. - Ученые записки Псковского пед. ин-та им. С.М.Кирова, вып. УП, Псков, 1961, стр. 19 - 20.

двóйа старýх, чéтвира рабáт 'четверо парней'.

Наиболее активным является числительное-местоимение абéи, употребляющееся с существительными женского и мужского рода: абéи з жанóй приéдут, абéи сына йавóнна там живýт, абéи брáта в мýрнуйу хадúли, абéи старúки с нам жúли, абéи матóры ф трасты стайáт, абéи аны в адúн гот радúфшы.

Основа словоформы абéи восходит к женскому роду. Она вытеснила формы мужского рода (от оба) и в косвенных падежах. Ср. - им абéим патнáццыт' год бýдит, абéим мужыкáм суд был, абéих сынавéй убúли, на абéих спахóжа, пиривáли абéих (девочек) в истóнску шкóлу. Известно, что в разговорной речи формы косвенных падежей женского рода с основой абей- вытесняются формами мужского рода обóих, обóим и т.п. В говорах известны словоформы обóи, обóе.[I] Обобщение этих числительных в формах женского рода представляет некоторую особенность говора.

Система имен числительных нашего говора претерпела сложный путь развития, на отдельных этапах которого отразилось влияние тех или иных тенденций в развитии числительных общерусского языка. Свидетельством этого является наличие таких форм, как двóйа, трóйа, васминáццати, васминáццатъва, с симсóтъва, с дéвит' гот и др.

Общеизвестно, что образование форм числительных еще в древнерусском языке происходило под особенным влиянием местоимений. В диалектном языке эта закономерность проявляется раз-

---

[I] А.Супрун, Указ. сочин., стр. 45 - 46.

ностороннее. Например, наличие форм адна́йа, адну́йу, адны́йи, адны́, адны́х, адны́м объясняется исследователями влиянием указательных местоимений тая, тую, тыи, ты, тых, тым. Влиянием местоимений тыи, ани, видимо, надо объяснять и возникновение форм абеи для обозначения как женщин, так и мужчин.

Говор характеризуется двумя основными типами склонения числительных, парадигмы которых во многом сходны с нормированным языком. Особо выделяется группа числительных один, одно, одна, одни, отличающаяся сравнительной пестротой акцентологических и морфологических форм.

Общие тенденции в развитии русского языка - стремление к выравниванию основ и несклоняемости отдельных числительных - находят отражение в наличии типа склонения, противопоставляющегося двумя формами (сто, сорок), в сохранении единого акцентологического типа (один), одной формы собирательного числительного абе́и для всех родов.

Ни одна из диалектных форм числительных не употребляется в качестве единственной. Параллельно, в большей или меньшей степени, имеют место и формы, соответствующие литературной норме.

У. Глагол

Каждая классификация форм русского глагола должна опираться на объективно существующие две основы глагола: основу инфинитива и основу настоящего времени. Причем, как отмечает автор одной из наиболее логичных классификаций русского гла-

гола, главную роль играют не сами формы основ, а их соотношения "по бóльшей части несовпадение, редко тождество".[1]

При определении глагольных классов по соотношению основ исследователи, как правило, руководствуются принципом продуктивности и непродуктивности глагольных форм. Помимо указанной, известно несколько классификаций, построенных с учетом этого принципа.[2]

Рассматривая формообразовательные разряды[3] глаголов нашего говора, мы в некоторой мере опираемся на схему, предложенную А.В.Исаченко, поскольку она, на наш взгляд, более последовательно учитывает все изменения внутри основ, в ней достаточно места отводится непродуктивным, но употребительным в современном языке группам глаголов.[4]

Для определения основы настоящего времени мы берем формы I-го и 3-го лица единственного числа.

---

[1] H.H.Bielfeldt, Klassifizierung der russischen Verben. - Russischunterricht, 5, Heft 9, 1952, стр. 397.

[2] S.Karcevski, Systeme du verbe russe, Prague, 1927; В.В.Виноградов, Русский язык, стр. 433 - 452; Грамматика русского языка, ч. I, М., 1952, стр. 533 - 578; Современный русский язык. Морфология, М., 1952, стр. 270 - 283 и др.

[3] Термин С.В.Бромлей "формообразовательные разряды" нам кажется более целесообразным для названия групп глаголов, выделяемых по соотношению основ. См. С.В.Бромлей "Принципы классификации глагола в современном русском языке".—ВЯ, 1965, № 5, стр. 78.

[4] А.В.Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, II, Братислава, 1960, стр. 40 - 113.

1. Формообразовательные разряды

I) Глаголы на -ать, -аю, -ает типа знат' - зна́йу - зна́йет наиболее продуктивны в говоре, как и во всем русском языке. По подсчетам Бильфельда к этому классу относится половина всех русских глаголов.[I] В этот класс входят такие глаголы, как рабо́тат', панима́т', шчыта́т', гула́т', гада́т', асужа́т' 'осуждать', слу́хат', купла́т', спра́хыват', склада́т', прийажжа́т' 'приезжать'. Наравне с глаголами, имеющими диалектный признак в основе, употребляются и их литературные соответствия: дапра́хыват' - дапра́шыват', склада́т' - скла́дыват', купла́т' - пакупа́т', слу́хат' - слу́шат'. Этот класс продуктивен как за счет заимствований из литературно-книжного языка - патрибла́т', прививат', награжда́т', избира́т', паступа́т', так и за счет диалектизмов - сруча́ца : сустрека́ца 'встречаться, соприкасаться', упа́кать 'угодить', ваздыма́т' 'поднимать' (3-е лицо: воздыму́йет, воздыму́йут), доста́лат' 'доставать', та́гат' 'дергать лён, тянуть', пиа́нничат'.

Часть глаголов этого класса имеет постоянное ударение на корне в пределах обеих основ, например: знат' - зна́ла; зна́йу - зна́иш - зна́ит - зна́им - зна́ити - зна́йут. Большинство глаголов сохраняет постоянное ударение на тематическом гласном основы: купла́т' - купла́л - купла́ла; купла́йу - купла́ит - купла́йут.

2) Глаголы на -овать, -ую, -ует составляют второй многочисленный разряд. Как глагол таргава́т' - таргу́йу - таргу́йет,

---

[I] H.H.Bielfeldt, Указ. сочин., стр. 398.

изменяются входящие в этот класс нейтральные глаголы - начава́т, ваива́т, пра́знъват, прадава́т; заимствования из литературного языка - инти́расава́т, сари́внава́тса, пири́манава́т 'переименовать', фарми́рава́т, ри́гистрава́т, кантрали́ръват; единичные диалектизмы - скрасава́тса 'выделиться чем-нибудь'. Не отмечается образований на -и́роват, -изи́роват, кроме маби́лизи́ръват. Но эта форма появилась под влиянием эстонского mobiliseeruma. Продуктивность рассматриваемого класса особенно заметна в кругу заимствований и неологизмов.

В акцентологическом отношении выделяется группа глаголов с постоянным ударением на суффиксе в пределах обеих основ. Меньшую группу составляют глаголы с постоянным накоренным ударением: саве́тъват - саве́тъвал, саве́туйу - саве́туит, пра́знъват - пра́знъвал, пра́знуйу - пра́знуит.

3) Третий разряд с соотношением основ -еть, -ею, -еет: гре́т - гре́йу - гре́ит - составляют глаголы уме́т, бале́т, зила́не́т, пабла́дне́т, спе́т, ба́ле́т, чарне́т, слабе́т, здараве́т, палне́т, халаде́т, пате́т, талсте́т, худе́т, гре́т, име́т, жале́т. Большинство глаголов этого разряда относится к так называемым инхоативным глаголам. Ударение постоянное на тематическом гласном в пределах обоих основ, ср.: бале́т - бале́л - бале́фшы; бале́йу - бале́йш - бале́йт - бале́им - бале́ити - бале́йут.

4) Глаголы на -нуть, -ну, -нет сохраняют суффикс -ну- в производных от основы инфинитива, в основе настоящего времени выступает суффикс -н-. Этот разряд продуктивен за счет образований с суффиксом -ну- со значением однократности, завершенности или внезапности действия, например: хви́снут

'свиснуть', скинут, шлопнут, спихнут, фтиснут, аддахнут, вытанут, сталкнут, замнут 'запереть'. Экспрессивных глаголов на -ну- в нашем говоре почти не отмечается, кроме рискнут, махнут в значении уйти, уехать куда-нибудь. Непродуктивность подобного рода образований, вероятно, объясняется тем, что говор был изолирован от основного массива русского языка. Процессы, получившие развитие в просторечно-разговорной форме русского языка, не захватили говора.

Ударение на основе сохраняется в одной группе глаголов - скинут, фтиснут, хвиснут, крикнут. Вторая группа глаголов имеет постоянное ударение на суффиксе - спихнут, аддахнут, замнут, амманут 'обмануть'. В глаголах с префиксом вы- наблюдается оттяжка ударения на префикс - вытанут, выпихнут.

5) Пятый разряд представлен глаголами II спряжения на -ить, -у(-ю), -ит. Помимо нейтральных глаголов типа гаварит, мерит, лавит, будит, сюда относятся заимствования из литературно-книжного языка - рукавадит, асвитит, благъдарит, паситит; заимствования из эстонского языка - карзит 'чесать, расчесывать шерсть' от эстонского диалектного karsima с тем же значением,[1] школит 'учить детей в школе' от эстонского koolitama с тем же значением; диалектные здолит 'суметь, смочь', губит 'прием при вязке сетей', рафметит 'выполнять задания по арифметике', разаритса 'развалиться', рачыт 'ожидать доброго, стараться сделать', загнатит 'затопить плиту, печь', атбаранит 'защитить', йадовит 'травить крыс'.

Данный разряд отличается разнообразием акцентологических типов. Значительную группу составляет глаголы с ударением на

---

[1] karsima в соответствии с литерат. kraasima встречается в ряде эстонских говоров юго-восточных районов, а также на южном и северном побережье Чудского озера. См. картотеку сектора диалектологии ин-та эстонского языка и литературы АН ЭССР.

тематическом гласном -и- в пределах основы инфинитива и с подвижным ударением в настоящем/будущем времени, ср. учы́т' - учы́л - заучы́шы, но учу́ - у́чыш - у́чыт - у́чым - у́чыти - у́чат. К этой группе относятся глаголы сушы́т', заплати́т', памачы́т', каси́т', ради́т', кури́т', сали́т', вари́т', губи́т'.

Группа глаголов с постоянным ударением на корне или гласном основы также довольно многочисленна: ва́лит', здо́лит', ра́чыт' шко́лит', ка́рзит', рафме́тит', у́дит', рыба́чыт', чы́стит', жа́рит', гра́бит' 'сгребать', ста́вит', ве́сит', пра́вит'.

Группа с постоянным ударением на тематическом гласном в образованиях от инфинитива на окончании в пределах основы настоящего/будущего времени: капти́т', дари́т', твардит' 'твердить', запра́шыт' 'запретить', смали́т', разари́тса, гавари́т', стыди́т' и др.

Основа I-го лица единственного числа настоящего/будущего времени противопоставляется всем остальным формам чередованием согласного основы: ка́ржу, ста́влу, чы́шшу, стыжу́. В одном случае зафиксирован перенос чередования на основу инфинитива: запра́шшу́ ⟶ запра́шшыт' ⟶ запра́шшыли. В соответствии с запретить; в двух - на другие личные формы: тапе́р' ни дубла́т 'не дубят', заколъм уж на ловлут.

6) В шестом разряде объединяются глаголы I спряжения на -ать, -у(-ю), -ет с чередованием согласного в основе настоящего/будущего времени и производных от неё формах: иска́т' - иска́л, но ишшу́ - и́шшъш - и́шшым - и́шшыти - и́шшут - ишшы́. Сюда же включаются и глаголы с чередованием гласного в корне: зва́т' - зову́, брат' - бо́ру́, ждат' - жду, ткат' - тку. К этому разряду

относятся глаголы различных акцентологических типов: с постоянным ударением на корне - плáкать, нарéзать, с постоянным ударением на последнем слоге - звать. Но большинство глаголов - с подвижным ударением. В прошедшем времени в женском роде отмечается стремление сохранить ударение на корне - ждáла, брáла, врáла, дрáла.

7) К этому разряду мы относим глаголы II спряжения на -ать, -еть в инфинитиве и -у(-ю), -ат в настоящем времени.

Ряд глаголов на -еть имеют чередование по типу пятого разряда: тарпéт - тарплý, глядéт - глажý, вартéт - варчý.

Глаголы на -ать имеют постоянное ударение на тематическом гласном, кроме глаголов дáржат и дышат с подвижным ударением в настоящем времени.

Форма 3-го лица множественного числа некоторых глаголов совпадает с аналогичной формой глаголов I спряжения: дéржут, дышут, терпут, вертут, видут, смотрут, ненавидут. С.П.Обнорский считает, что это явление свойственно акающим южно- и среднерусским говорам.[I]

8) Глаголы на -нуть, обозначающие состояние или переход из одного состояния в другое, процесс, составляют малочисленную группу, так как не содержат слов книжного характера типа свергнуть. Прошедшее время употребляется без суффикса -ну- и с суффиксом: высáхнут - высох, смóкнут - смок, сморóнут -

---

I С.П.Обнорский, Очерки по морфологии русского глагола, М., 1953, стр. 150.

сморз - сморзнул, спухнут - спух - спухнул.

9) В этой группе глаголов выделяются две подгруппы. В одной основы инфинитива и настоящего времени совпадают: насти - нос, насу - насош - наси; вазти - воз, вазу - вазош - вази. В другой подгруппе основа настоящего времени оканчивается на гласный д или т: класт, кладу - кладош - клади; цвасти, цватет - цватут. Глагол вазти - вазу имеет омофон, обозначающий вязать. Формы глаголов везти и вязать полностью совпадают, ср.: мы сами вазли запас 'вязали сети', йа тожы вазу, бывала вазош ден и ноч, ана камзолы вазот 'вяжет кофты', тапер-та мы на вазом, ни вазут, и муж мой вас 'муж вязал'. Различие двух глаголов проявляется в форме прошедшего времени мужского рода: вас - вос.

Ударение в основном постоянное на окончании : краст - крадут - на крали; на основе: лез - лезу - лезит - лезим - лезити - лезут. В прошедшем времени ударение накоренное - крала, склали, упали, но в основном на окончании - цвала, насла, вазла, трасла.

IO) Глаголы типа печь - пеку - пёк не обнаруживают результатов смягчения задненёбного согласного в формах 2-го и 3-го лица единственного числа и I-го, 2-го лица множественного числа настоящего времени: моч - магу - магош - магот - магом - маготи - магут. Параллельно отмечаются формы с сохранением накоренного ударения во всех лицах, кроме I-го лица единственного числа: магу - могиш - могит - могим - могити - могут. Под влиянием литературной нормы проникают глаголы со смягченной основой - можыт, лажыт.

Как известно, формы без исконного смягчения являются новообразованиями и возникли в результате тенденции к выравниванию основы. Ареал этого явления ограничивается рядом северных и среднерусских говоров, в частности охватывает ближайшие к нашему говору псковскую и гдовскую группы.[1]

Часть непродуктивных глаголов объединяется по соотношению основ в небольшие замкнутые группы. Наиболее значительной из них является группа на -ать(-ять) с основой настоящего времени на носовой согласный: взáть - вазмý, начáть - начнý, снáть - сниму́, панáть - пайму́ и некоторые др. К этой группе относится такое диалектное слово как разнáть - разниму́ : разайму́ 'развязать, разобрать на части, распаковать'. Деепричастия прошедшего времени от некоторых глаголов имеют форму взóмшы, начóмшы, снóмшы. Эти формы отмечаются в верхне-деснинской, курско-орловской группах южного наречия, а также в новгородских говорах[2] и в русских говорах Литвы.[3] Ударение у всех глаголов этой группы подвижное.

Глаголы типа давать - даю - даёш не имеют отклонений по сравнению с литературной нормой.

Группа глаголов с -ере-, -оло- в инфинитиве насчитывает меньше основ, чем общерусский язык, так как в соответствии с

---

[1] С.П.Обнорский, Очерки.., стр. 100 - 101; Русская диалектология, стр. 270, 288, 289.

[2] Русская диалектология, стр. 277, 278, 287.

[3] В.Н.Немченко, Говор русских старожилов.., стр. 6.

глаголом запереть употребляется замнуть, другие глаголы, кроме колоть, полоть, умереть, малоупотребительны. Ударение, обычно подвижное: калóт - калóл - калу́ - колúт - колу́т. В прошедшем времени зафиксированы формы с ударением на конечном гласном и на основе: помúр - помúрли, но памóр - памарло́ многа.

Глаголы с односложной основой би-ть, пи-ть, мы-ть, кры-ть, пе-ть не образуют специфически диалектных форм.

Глагол быть образует прошедшее время от основы бы- и в единичных случаях от бу-: был - бул, были - були. Ударение в женском роде и множественном числе прошедшего времени, как правило, на основе: была́, были́. Но отмечается и на окончании - была́, были́. В русском говоре Ийзаку [у] отмечается во всех образованиях от корня бы-.[I] Поскольку в нашем говоре форма бул встречается в основном в мужском роде прошедшего времени, то можно предположить, что она или проникла извне, или возникла в результате грамматической аналогии, под влиянием основ будущего времени.

В глаголах жыть, дать, взять отмечается сохранение наокоренного ударения в производных формах от инфинитива: жыть - жы́ла - жы́ли - атжы́фшы; дать - да́ла - да́ли - атда́фшы; взять - взя́ла - взя́ли - взя́фшы.

Формы спряжения от глагола брить образуются не только от основы настоящего времени брей-, но и от основы инфинитива

[I] Х.Хейтер, О русском диалекте в Ийзаку.., стр. 134.

бри- с ударным о < е в окончаниях, ср. брéйу : брийу́ - брийóш - брийóт - брийóм - брийóти - брийу́т.

Стремление к единству основы наблюдается в таких образованиях, как ганúт - ганúли - гану́, хахатáт - хахóтиш, запрашúли - запрашу́, двúжылис - двúжутса. Интересна форма загулéл в значении загудел : зал так и загулéл вес как мы пéли. Вероятно, загулел представляет собою контаминацию древней формы прошедшего времени гул от гус-ти (ср. вел от вес-ти) и более современной формы гудел.

Бывшие нетематические глаголы представлены двумя глаголами - есть и дать. Их парадигмы выглядят следующим образом:

	Единственное число		Множественное число	
I.	éм	дáм	йадúм	дáстим
2.	éстиш	дáстиш	йадúти	дáстити
3.	éстит éст	дáстит	йаду́т	даду́т

Инфинитив - ест (ес); дáстит : дат. Прошедшее время: ел - éла - éли; дáстил : дал - дáстила : дáла - дáстили : дáли. От двух основ инфинитива образуются два параллельных ряда форм прошедшего времени глагола дать.

От глагола надоесть зафиксированы аналогичные формы: надайéстиш - надайéстит - надъйаду́т. Однако этот глагол в основном образует формы в соответствии с нормой.

Как известно, спрягаемые формы указанных глаголов являются продуктом сложной контаминации форм древних нетематических глаголов и продуктивных классов.

В соседних гдовских говорах отмечаются аналогичные формы 2-го лица единственного числа и повелительного наклонения.[1] В нашем говоре формы повелительного наклонения от этих глаголов соответствуют литературной норме.

2. Формы инфинитива

Диалектный язык насчитывает пять основных моделей, по которым образуются формы инфинитива. В исследуемом говоре выступает большинство из них. Наиболее активной можно считать модель с неслогообразующим элементом -т', что характерно для всех западных говоров[2] и русского литературного языка.

Модель -т' охватывает глаголы различных формообразующих разрядов, ср. - игра́-т', та́га-т', чы́сти-т', рыба́чы-т', лави́-т', выйава́-т' 'воевать', начыва́-т', спи́хну-т', замну́-т', бла́дне́-т', падабра́-т', иска́-т', да́ржа-т', разна́-т', нача́-т', кало́-т', пами́ре́-т', даби́-т', бри-т', бы-т', да-т'.

По модели -ст' и ее варианту -сти́ (-с') инфинитив образуется от ограниченного числа основ. Иногда один глагол выступает в двух вариантах - кла́-ст' : кла́-сти́, не-ст' : на-сти́, се́-ст' : се́-сти́ (се́-с'), цве-ст' (цве́-с'), фкра́-ст' (фкра́-с') 'украсть', приве́-ст' : прива-сти́ (I-е лицо приведу), папа́-ст', ва-сти́ : ва-ст' (ва-с') (I-е лицо вязу), ле-ст' (ле́-с'), йе-ст' (йе́-с').

---

[1] Т.Г.Строганова, К характеристике русских говоров.., стр. 139; Русская диалектология, стр. 287.

[2] Русская диалектология, стр. 148.

Инфинитив на -ч отмечается в классе глаголов с основой на задненёбный согласный - памо́-ч, ба́ре-ч, испе́-ч, ле-ч, мо-ч, пастри́-ч.

Образования инфинитива по модели -ти сравнительно редки. Кроме глаголов на -сти, зафиксированы формы ид-ти́, прай-ти́, падай-ти́. Формы на -ти могут осложняться флективным элементом -т, то есть вторым суффиксом инфинитива: йа́блъни стали расти́т, на́да плиту́ загнати́т, вам ни прайти́т, на́да итти́т, э́тат хор до́лжын прайти́т, им на вы́йтит аттуда. Известно, что формы с удвоенным суффиксом инфинитива широко распространены в Московской области и до середины XIX века проникали в литературный язык. Кроме того, эта форма отмечается в настоящее время в говорах различных диалектных зон.[I]

В образованиях по модели -т спорадически появляется мягкий свистящий призвук с, ср. - тага́т^{с}, ра́нит^{с}, бале́т^{с}.

В говоре наблюдаются случаи употребления инфинитива с твердым -т. В русском говоре Ийзаку Эстонской ССР инфинитив выступает только в твердой форме.[2] Однако, мы полагаем, что это явления различного характера. Если в говоре Ийзаку твердый инфинитив возник в результате отвердения согласных, то в нашем говоре это, по всей вероятности, реликтовое явление. В пользу этого положения говорят такие факторы: во-первых,

---

I С.П.Обнорский, Очерки.., стр. I88 - I92.

2 Х.Хейтер, Диалектный русско-эстонский билингвизм.., стр. I7.

не обнаруживается отвердения [т'] в других формах, во-вторых, реликтовые формы - не редкость в данном говоре. Но самое главное - случаи твердого инфинитива немногочисленны и, как правило, употребляются в значении цели. Ср. - маладо́ш пайе́де пра́знъват, он ушо́фшы у́дит, дашли́ да ме́ста где йа́гъды сабира́т, та аста́лас с пре́жным ухажо́ръм разгава́риват, куни́цы хо́дат мы́шки лави́т, пайду́ плиту́ загна́ти́т.

Тот факт, что инфинитив на -т в основном употребляется с глаголами движения и не отмечено других форм на твердый [т] в соответствии с [т'], убеждает ещё раз рассматривать данную форму как остаток старого супина.

3. Личные формы глагола

Система спряжения нашего говора в основных чертах сходна с системой спряжения среднерусских акающих говоров и характеризуется наличием двух типов спряжения.

I спряжение объединяет наиболее многочисленные формообразующие разряды и почти все мелкие группы глаголов. Парадигма I типа спряжения выглядит следующим образом (для образца взяты два глагола разных акцентологических типов - с постоянным накоренным и наконечным ударением):

	Единственное число		Множественное число	
I л.	ва́з-у́	ски́н-у	ва́з-о́м	ски́н-им
2 л.	ва́з-о́ш	ски́н-иш	ва́з-о́ти	ски́н-ити
3 л.	ва́з-о́т	ски́н-ит	ва́з-у́т	ски́н-ут
	ва́з-о́	(ски́н-и)		

Противопоставление парадигмы I типа спряжения парадигме II в полной мере выдерживается в глаголах с наконечным ударением: насо́т, баро́т, вадо́т, траво́т, заво́т, расто́т, мого́т, пако́т. В глаголах с ударением на основе формы 2-го и 3-го лица единственного числа и I-го, 2-го лица множественного числа совпадают с соответствующими формами глаголов II спряжения, так как гласная фонема /е/ в заударной позиции реализуется в варианте /и/ и теряет в силу этого свою форморазличительную функцию. Таким образом, глаголы 3-го лица единственного числа уме́ит, зна́ит, вышива́ит, пайе́дит по формальному признаку не отличаются от глаголов II типа спряжения пла́тит, ве́ртит, лю́бит.

Поскольку парадигмы I и II типов спряжения наиболее полно противопоставляются в пределах глаголов с наконечным ударением, парадигму глаголов с постоянным ударением на основе надо рассматривать как вариант основной парадигмы.

Исторические чередования в основах глагола, как правило, осуществляются последовательно. В некоторых глаголах отмечается чередование по древнерусской норме д//ж, ср. - асу́дит - асужа́йу - асужа́иш - асужа́ит - асужа́им - асужа́ити - асужа́йут; прину́дит - прину́жайут и т.д.

В глаголе се́ст в будущем времени и повелительном наклонении сохраняется основа сед-, например: се́диш, се́дит, усе́димса, се́ди, се́дити 'садитесь'.

По II типу спряжения изменяются глаголы пятого разряда на -ить и седьмой непродуктивной группы на -ать, -еть. Эти глаголы имеют следующую парадигму спряжения:

	Единственное число		Множественное число	
I л.	лавл-у́	стай-у́	ло́в-им	стай-и́м
2 л.	ло́в-иш	стай-и́ш	ло́в-ити	стай-и́ти
3 л.	ло́в-ит	стай-и́т	ло́в-ат	стай-а́т
		(стай-и́)	(ло́в-а)	(стай-а́)

Данный тип спряжения обнаруживает единообразие форм глаголов различных акцентологических типов. В глаголе плати́т корневой гласный /а/ заменяется через /о/: заплачу - запло́тиш - запло́тит - запло́тим - запло́тити, запло́тат. С.П.Обнорский считает, что подобные формы могут иметь место в полосе диссимилятивного аканья под влиянием аналогичных образований, ср. нашу́ - но́сит, важу́ - во́зиш.[I] Материал нашего говора не подтверждает этого предположения.

Некоторые глаголы с ненаконечным ударением в 3-м лице множественного числа совпадают по форме окончания с соответствующими глаголами I спряжения: де́ржут, ста́вут, по́мнут, слы́шут, спра́вут, хо́дут, но́сут, хва́лут. Формы на -ут у глаголов II спряжения отмечаются в акающих говорах,[2] и возникновение их связывается с влиянием более многочисленного I спряжения.

3-е лицо единственного и множественного числа обоих типов спряжения имеет две параллельные формы: с твердым -т в окончании и форму без согласного элемента.

I С.П.Обнорский, Очерки.., стр. 97 - 98.

2 Там же, стр. I47 - I50.

В нашем говоре указанные формы отмечаются в основном в диалогической речи у лиц разных возрастов. В монологической речи, распространенных рассказах на одну тему формы без -т почти не встречаются.

У глаголов I спряжения зафиксировано наибольшее количество случаев без элемента -т, причем преимущественно в единственном числе с ударением как на основе, так и на окончании, ср. - маладо́ш паёде ф ка́лласте, никто́ на зна́йе е́тъва, он зна́йе пе́син, на наво́ э́та ни влийе́, наро́т уйе́де, дош пира́стане, йон в ра́пину пайе́де, в вады́ бо́чка пла́ваи, са́вонни в го́рът ни пайе́ди йон, брусни́ка расто́ па кра́йешку, ту́да дарога́ идо́, е́сли вазмо́, в йе́тъм ла́су ничаво́ ни расто́, ры́ба так и рво 'рвет', э́тат хор прайдо́, ф чы́стай избы́ на жыво́, йон на углу́ жыво́. Во множественном числе: йа́блъки папа́дъйу да де́ти крадут 'яблоки попадают', типе́р так на де́лъйу, ма́са кахда́ приваду́ 'когда привезут мясо?'.

Во II спряжении отмечено меньше случаев. В единственном числе: ана́ си́ди в сасе́дей, кот гла́ди йайу́, йон хо́ди худо́й. Во множественном числе: йану́ на ви́да 'её не видят', их типе́р на ло́ва, ани́ тут хо́да, фси́ гла́да, мно́га гавара́.

Малочисленность форм без -т в 3-м лице множественного числа глаголов I спряжения и в единственном числе II спряжения объясняется омонимическим отталкиванием от форм I-го лица единственного числа и повелительного наклонения.[I] Однако,

---

[I] С.П.Обнорский, Очерки.., стр. 130.

в русском говоре Ийзаку на территории Эстонской ССР формы без -т широко распространены, независимо от числа и принадлежности глагола к типу склонения.[1] В соседнем говоре о. Пийрисаар они отмечаются в отдельных случаях параллельно с формами на твердый -т, в русских говорах Литвы - только в единственном числе глаголов I спряжения с ударным и безударным окончанием и у глаголов II спряжения с безударным окончанием в единичных районах.[2] По распространению форм без -т наиболее близки к нашему говору южногдовские[3] и некоторые северновеликорусские говоры.[4]

Необходимо отметить, что формы без -т в нашем говоре встречаются в наиболее употребительных глаголах.

С.П.Обнорский считал, что рассматриваемые формы могут находиться преимущественно в конце предложения, перед паузой. Синтаксически они также ограничиваются бессубъектными

---

[1] Х.Хейтер, Диалектный русско-эстонский билингвизм.., стр. 22.

[2] Т.Ф.Мурникова, Описание русского говора.., стр. 358; М.К.Сивицкене, Об особенностях.., стр. 114 - 115; В.Н.Немченко, Говор русских старожилов.., стр. 6.

[3] З.В.Жуковская, О типе говоров.., стр. 20.

[4] Е.П.Луппова, Об употреблении глагольных форм 3-го лица без -т в настоящем и будущем простом времени в северновеликорусских говорах. - „Вопросы языкознания", Л., 1963, стр. 364, 366; З.В.Жуковская, О типах говоров южнее Приладожья и Прионежья. - Ученые записки Псковского пед. ин-та, Псков, 1961, вып. УП, стр. 68; В.С.Овчинникова, Поозерский говор, Автореферат канд. диссерт., Л., 1951, стр. 7.

предложениями и предложениями с подлежащим - неопределенным именем или местоимением.[I] Фактический материал нашего говора не подтверждает этих выводов. Глаголы без конечного -т отмечаются в предложениях с подлежащим, выраженным существительным, личным местоимением и реже - отрицательным или неопределенным местоимением. При этом, они могут занимать любое место в предложении, ср. - кот гла́ди́ на йайу́, йе́сли змийа́ вазмо́ то спу́хнит, туда́ идо́ даро́га, он зна́йе пе́син, там клу́ква расто́, брусни́ка расто́ па кра́йешку, ни́кто́ на зна́йе чэм ана́ жы́ла, ани́ хо́да тут, ана́ вас свадо́ в лес, а́лма пе́нсийу палуча́и. Употребление форм без -т в аналогичных синтаксических условиях известно и в других говорах.[2]

В традиционном слое говора встречается и форма 3-го лица настоящего времени йе́ от глагола быть: забо́т-та в нас йе́, в мана́ ка́ртъчка йе́ с йайо́, таки́х мужыко́в йе́ в нас, был там кто́ ни йе 'там кто-то был'.

Известно, что формы 3-го лица без -т имели место в древнейших памятниках русского языка - в Остромировом евангелии и особенно в Изборнике Святослава 1073 года. В псковских памятниках ХУ века формы без -т редки.[3] В древненовгородских грамотах ХШ - ХУ веков согласный элемент в 3-м лице

[I] С.П.Обнорский, Очерки.., стр. 133, 134.

[2] Е.П.Луппова, Указ. сочин., стр. 365.

[3] Н.Каринский, Язык Пскова и его области в ХУ веке, СПб., 1909, стр. 192.

отсутствовал, если перед ним стоял /ʌ/, то есть во множественном числе II спряжения.[1] Как материалы памятников письменности, так и данные современных говоров обнаруживают сложную природу глагольной формы 3-го лица без -т, которая ещё не вполне ясна для исследователей.

В формах спряжения не зафиксированы случаи утраты интервокального /й/ с последующим стяжением согласных. Хотя стяженные формы глаголов встречаются в соседних говорах острова Пийрисаар[2] и гдовской стороны,[3] а также в русском говоре Ийзаку.[4]

4. Формы времени

Общеизвестно, что формы времени имеют только глаголы изъявительного наклонения. В разделах I-м и 3-м мы рассмотрели образование форм настоящего и простого будущего времени. Диалектные отличия этих форм заключались в личных окончаниях и основах глаголов (наличие основ типа хахо́т-ит, ска́кай-ут и личных окончаний глаголов 3-го лица без конечного согласного элемента).

---

[1] В.И.Борковский, Лингвистические данные новгородских грамот на бересте (из раскопок 1955 г.) - А.В.Арциховский и В.И.Борковский, Новгородские грамоты на бересте, М., 1958, стр. 121.

[2] Т.Ф.Мурникова, Описание русского говора.., стр. 358.

[3] Т.Г.Строганова, К характеристике русских говоров.., стр. 136.

[4] Х.Хейтер, Диалектный русско-эстонский билингвизм.., стр. 21.

Аналитические формы будущего времени образуются при помощи глагола буду и инфинитива, как и в литературном языке: йа бу́ду атвичат, тагда́ он бу́дит растёт и цвасти́, бу́дим учыт рипиртуа́р, бу́дим гатовитса к пе́фчыскъму пра́зныку, се́дим и бу́дим сматре́т, кахда́ бу́диш работат, а што ты бу́диш де́лат.

В прошедшем времени употребляются формы на -л, -ла, -ло, -ли: рабо́нък слате́л, са́мон пайехъл, ей павазло́, што́-та хви́снула, йа са́ма так захате́ла, кто грузи́ли кто уклада́ли дро́вы и др.

В отдельных случаях наблюдается образование форм прошедшего времени от основы настоящего времени: запра́шшыли - запра́шшу, дви́жылас - дви́жутса. Инфинитивов типа запра́шшыт, дви́жытса не обнаружено.

В остальном образование форм прошедшего времени не отклоняется от нормы.

Своеобразием говора можно считать сохранение ударения на основе в формах глаголов женского рода: пажы́ла, прада́ла, да́ла, взя́ла, сна́ла, ради́ла, бра́ла, здынула 'подняла', памо́рла, была́, ро́стила, ро́дилас. Параллельно употребляются и формы памирла́, радилас.

Наличие форм давнопрошедшего времени составляет одно из своеобразий говора Мехикоорма.

В основном эти формы употребляются в речи старшего поколения при передаче событий, имевших место в прошлом. Компонент был обычно стоит перед формой глагола прошедшего времени как совершенного, так и несовершенного вида и согласуется в роде и числе с подлежащим, ср. - йа был с сынавйам

работал, в нас сто лет амбар был стайал, старик был забалел, здес была стайала стана, три месица была учылас, шкура-та была атстала фса чыста, ты была йездила в рапину, йа была сабрала йайу, ана была хадила ка мне. Иногда вместо глагола в форме прошедшего времени употребляется предикативное деепричастие прошедшего времени: йа была забалефшы, ана была ушофшы, йа была хадифшы там, ей семдисат лет ни исполнифшы была, анна тожы в расейу была уйехъфшы, он был принофшы драва калот биз рубашки.В форме предикативного деепричастия может стоять и глагол быт: некътърыи домы быфшы ни аграбили, здес мол быфшы прашоццы 'здесь моль прошла'. Контаминация формы плюсквамперфекта с формой условного наклонения отмечается в случае - штобы ана далжна была убрала. Сложная форма прошедшего времени сохраняется, по свидетельству С.П.Обнорского, в севернорусских и прилегающих к ним среднерусских говорах.[I] Наличие данной формы в нашем говоре, вероятно, надо рассматривать как остаток древнесеверной основы говора.

5. Формы повелительного наклонения

Повелительное наклонение в нашем говоре оформляется теми же элементами, что и в литературном языке. Нулевая флексия выступает в таких случаях: памагай, на разнимай 'не распаковывай', не убей галавы, на апаздай, зделай, пастаф, стан, брос, намаш, сун, лаж, на жалса 'не жалуйся', вытан. В последней форме оттяжка ударения на префикс могла повлиять на

I С.П.Обнорский, Очерки.., стр. 160.

характер флексии.

Флексия -и(-ы) может быть ударной и безударной, ср. - ишшы 'ищи', наси, спраси, на крычы, замни 'запри', загнати, помни, лажы, седи.

От глаголов дать и есть употребляются формы повелительного наклонения дай - дайти, йеш - йешти.

Во множественном числе выступает только форма -ти безотносительно к месту ударения: вазмити, загадайти, апустити, барити, здынти 'поднимите', дайти, седити 'садитесь'.

В значении повелительного наклонения употребляются формы глаголов I-го лица множественного числа настоящего-будущего времени: пайедим в рапину, багом-привали рыбу, ну, пайдом в лес, лагим спат, пайдом гадат, вазмом йаво тожы.

Форма глат употребляется не только в значении повелительного наклонения, но и в значении частицы: глат а ани уж абарнулис с полным карзинам, на родину прийехал глат чыриз два дна и немцы тут.

6. Условное наклонение

Образование и употребление форм условного наклонения в нашем говоре почти не отличается от литературной нормы, ср.: как бы йаны ни бажали пус бы бажали, штъобы сети ни гнили, штъобы чэриф ни приставал бы, а хто бы им и сказал, ты бы фстала да пасматрела, што бы ты зделал, ты йесли б датей спужала, схадила бы ты в байну, пасматрела бы ты цыплат.

В единичных случаях вместо глагола в форме прошедшего времени отмечается глагол в форме настоящего/будущего времени:

Сéна хатéл штóбы йа насáжывъйу, кто бы э́та здéлъит, йéсли бы он знáит, што бы он и скáжыт. Возможно данные формы появились под влиянием эстонского языка, в котором глагол в условном наклонении может быть как в прошедшем, так и настоящем времени.[I]

7. Категория вида

Как правило, в говоре противопоставляются по грамматическому значению глаголы совершенного и несовершенного вида, что обусловливает наличие соотносительных видовых пар. В морфологическом отношении выделяются видовые пары, возникшие в результате имперфективации. Сюда относятся, во-первых, пары, в которых противопоставляются бесприставочные глаголы (с точки зрения современного языка), например: купи́т - куплáт, спасти́ - спасáт, асуди́т - асужáт, сест - седáт; во-вторых, коррелятивную пару составляют приставочные глаголы (глагол несовершенного вида характеризуется суффиксами -ыва- (-ива-) или -а-): скúнут - скидáт, вы́пит - выпивáт, скласт - складáт, спроси́т - спрáхыват, натáнут - натагáт, зарабóтат - зарабáтыват. В обоих типах члены видовой пары являются формами одного слова, полностью или частично совпадающими лексически.

В другой группе видовых пар, возникших в результате перфективации, бесприставочный глагол несовершенного вида противопоставлен префиксальному глаголу совершенного вида,

---

I J.Valgma, N.Remmel, Eesti keele grammatika, Tallinn, 1968, стр. 118.

например: бладнет - пабладнет, вазат - свазат, краст - фкраст, сохнут - высъхнут, гарет - згарет, хатет - захатет, жыт - пажыт. Довольно продуктивным префиксом является от-, придающий значение результата, законченности, ср. - чатыри зимы ф школу атхадила, свадбу аддаржали 'свадьбу отпраздновали', 28 гот атжыла, с трудом йаво атбаранили 'защитили', чатыри года атлажал ф кравати, мы два месица там атбыли, част замли в нас аттагали, армийу атслужыл, атгулат, атчыстит, атрубит.

К этой же группе относятся видовые пары, в которых глагол совершенного вида образован при помощи суффикса -ну-: крычат- крыкнут, хвистет - хвиснут, замыкат - замнут, скидат - скинут. В этих парах глаголы совершенного и несовершенного вида противопоставляются и по способу действия (одноактный в образованиях с -ну- и многоактный в глаголах без -ну-). Данный способ в говоре мало продуктивен.

Члены видовой корреляции всей группы в целом - разные слова, поскольку как приставки, так и суффикс -ну- привносят новый оттенок лексического значения, а также изменяют способ действия.[I]

Из двувидовых глаголов отмечены такие как арендават, ранит, мабилизават, жанитса, радит, срукатса, пириманават 'изменять фамилию, имя' (Ср. тада многии пириманавали сваи фамилии, проста фтребъвъли пириманават, йа ни пириманавал),

---

[I] А.В.Бондарко, Л.Л.Буланин, Русский глагол, Л., 1967, стр. 41.

састайа́т, участвъват, рукавади́т.

Только в форме несовершенного вида употребляются глаголы йадо́вит, рафме́тит, шко́лит, ра́чыт, занима́т 'развлекать, забавлять', плашты́т : пласка́тса, дажа́т скати́ну, име́тса, капо́тытса и др.Не зафиксирована форма несовершенного вида от глаголов упака́т 'угодить', саслужы́т 'заслужить', здо́лит, заучы́тса, доста́т, ухвати́т, затрапа́тса, нахвали́тса, прагаве́т, атбарани́т, пиримаразы́тса и ряд др.

На фоне общих закономерностей развития и оформления видовых отношений в говоре выделяются факты, свидетельствующие о стирании различий в функционировании совершенного и несовершенного вида.

Фактический материал показывает, что случаи отклонения от нормы в употреблении имеют известную закономерность. Так, форма совершенного вида вместо несовершенного выступает при повторяющемся действии: иной рас и ра́ньшы, е́сли са́мы лави́ли так купи́ли, штоп ни баст 'иной раз и раньше, когда сами ловили (рыбу), то покупали (сети), чтобы не вязать'. Обстоятельство иной раз определяет повторяемость действия. Способ действия, выраженный синтаксическими средствами, вступает в противоречие с формой совершенного вида глагола купить. Нейтрализация видового противопоставления в одной форме в определенных позициях, как известно, может иметь место.[I] Однако, в данном

[I] А.В.Бондарко, Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола. - Уч. зап. Института славяноведения, XXIII, М., 1962, стр. 195.

высказывании форма совершенного вида противоречит основному смыслу высказывания.

Отступление от основных закономерностей употребления видовой формы в приведённом случае подчеркивается и тем, что в говоре форма совершенного вида купить и второй член видовой корреляции покупать могут выступать в соответствии с нормой. Ср. ани́ тут дом купи́ли, где общерезультативный способ действия и форма совершенного вида с частным значением единичного конкретного факта, совершенного в прошлом, характеризуют действие, дополняя друг друга. Далее: хлеб мы пакупа́ли о́синйу ат исто́нцъф и́ли на ры́бу мана́ли (это происходило ежегодно, так как в рыбацком селе хлеб не сеяли: не было земли). Здесь многоактный способ двух чередующихся действий и неограниченно-кратное значение несовершенного вида, объединяясь в глаголе, создают довольно полную характеристику протекания действия без помощи других средств.

Возьмем другую коррелятивную пару глаголов взять/брать. Из материала видно, что в различных ситуациях чаще употребляется форма совершенного вида взять: ф сва́тки паста́ршы де́вушки гада́ли а ни хате́ли нас взат; па́рни выбира́ли де́вушку като́ра харашо́ рабо́тъит а штоп каку́ линта́йку ни взали; йа так уста́ла, што ни смагла́ ру́чки в ру́ку брат; мужчы́ны хади́ли на́ зира и нас взали с сабо́й; вот вазми́ти вады́ вадро́ и бари́ти ка́мишък с ка́минки. В последнем случае употребление обоих членов видовой корреляции не имеет значения противопоставления, так как в ситуационном плане это одно действие, разделенное на два следующих один за другим акта. Глагол несовершенного

вида берите в данном контексте употреблен больше в стилистических целях, как лексический синоним к глаголу взять.

Наблюдения показывают, что нейтрализация видового противопоставления в глаголе чаще всего происходит при повторяющемся, многоактном способе действия. На повторяемость ситуации обычно указывают обстоятельства, например: на кажнуйу зиму рум дроф ей купили 'на каждую зиму покупали ей кубометр дров'; талонка на будим купит; веслом другой рас папала 'веслом другой раз попадало'; он каждый вечыр принос рыбы. Иногда значение повторяемости вытекает из частей синтаксического целого: йесли были уражаи (на яблоки) так продъли, то на сок, то сибе, то дети увазли. Здесь элементы структуры предложения - формы членов предложения и повторяющийся союз то - подчеркивают повторяемость комплекса действий и вступают в противоречие с формой вида.

Чаще всего на характер протекания действия указывает широкий план контекста. Например, действие или цикл действий мыслится как обычай, причывка и тому подобное: мы садоф ни даржали, йаблъки купили ат истонцъф; та девушка шчитальс лучшы, катора тонки блины спакла 'та девушка считалась лучше, которая пекла тонкие блины'; ф кадрипаив адивалис бела, пели пад дварам, нас канешна фпустили 'в екатеринин день одевались в белое и пели за дверями, нас впускали'; прихадили дамой позна, тагда гулашка в нас аткрылас 'приходили домой поздно, после этого у нас гулянье открывалось'; ну чэм нас фсагда кармили? Суп сварили, картошку. Глагол совершенного вида как бы

диссонирует с характером всего глагольного действия в целом.

В группе глаголов движения также заметно стремление употребить определенный однонаправленный глагол при повторяющемся действии или движении "туда и обратно". Например: латучыи мышы ночйу часта латат 'летучие мыши часто летают ночью'; он хат и умел плыт а утанул 'он утонул, хотя умел плавать'; йа ишшо был малодым как йехал ф сосницы; как учылса в ленингради йехал летым дамой; брат йехал ф Пирисар учытся 'не один год ездил учиться на о. Пийрисаар'. На вопрос, ездят ли они в Таллин, следует ответ: нет, мы ф таллин ни едим, мы ф тарту едим, таллин далако.

При статальном и эволютивном способе действия реже выступает форма совершенного вида глагола: иной ни мок этъва работът ни сумел 'не мог выполнять эту работу (класть стены из дикого камня), не сумел (вместо - не умел)'; мы играли пели а кругом нас так и стали (вместо - стояли) и др.

Известно, что различия в функциях совершенного и несовершенного вида проявляются в употреблении.[I] Рассмотренный материал показывает, что употребление формы совершенного вида вместо своего коррелята стирает различие между их функциями. Употребление глаголов совершенного и несовершенного вида при параллельно или последовательно протекающих действиях в границах одного синтаксического целого особенно подчеркивает тот факт, что различие видовых функций не всегда ощущается

I Э.Кошмидер, Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза. - "Вопросы глагольного вида", М., 1962, стр. 126 - 127.

говорящими. Ср.: йа пъ таблицы фсагда зделъла сама — и вязла, и згубила и шыла 'я по таблице всегда делала сама: и вязала, и губила и сшивала'.

Обращает на себя внимание тот факт, что нейтрализация видового противопоставления происходит преимущественно в форме совершенного вида. Это отражает определенную закономерность в системе вида русского глагола. В паре видовой корреляции глагол несовершенного вида является немаркированным, слабым членом. Глагол же совершенного вида как маркированный член характеризуется определённым семантическим признаком.[1]

Случаи видовой невыраженности наблюдаются и в приставочных глаголах. Как известно, приставка, присоединяясь к простому или суффиксальному глаголу несовершенного вида, изменяет как его лексическое значение, так и его переходность и вид.[2] При этом изменение вида является побочным следствием префиксации. В нашем говоре нередко в приставочных глаголах частичное значение совершенного вида вступает в противоречие со значением способа действия, и вид перестает характеризовать протекание глагольного действия. Ср. - атец каждый вечыр пракънтралиръвал, как работа зделъна. Приставка про-, придав глаго-

---

[1] А.В.Исаченко, Грамматический строй русского языка.., стр. 132 - 134; он же, О грамматическом значении. - ВЯ, 1961, № 1, стр. 31; Ю.С.Маслов, Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. - Вопросы грамматики болгарского литературного языка, М., 1959, стр. 309.

[2] С.Карцевский, Система русского глагола. - Сб. "Вопросы глагольного вида", М., 1962, стр. 222.

лу значение полного охвата действия, образовала глагол совершенного вида с конкретно-фактическим частным значением. Многоактный способ действия, имеющий выражение как в основе глагола - суффикс -ирова-, так и в лексическом показателе каждый вечер, видимо, препятствует функционированию совершенного вида. Употребление приставочных глаголов совершенного вида в подобных случаях мотивировано лексическим значением приставки без учета видовой соотносительности. Например: ана фсу жызн магла холът и стужу пиранест; супритки каждый ден к другому назначыли; раншы луди выстръилис толки нъ паску - барин ни давал замли; иной ни сумел этъва работът (сумел вместо умел, мог); йа никагда ни спакла тонки блины.

Отсутствие видового противопоставления отмечается и при употреблении форм глаголов настоящего и простого будущего времени, или будущего совершенного. Известно, что видовое противопоставление реализуется во временном плане.[I] В говоре отмечаются факты, свидетельствующие о стирании видовых различий как в настоящем-реальном, так и в настоящем/будущем времени. Например: платити такуйу цэну, раншы ни прадайом; ана вадот вас в лес йей врема йест 'она сведет вас в лес, у ней время есть'; придут рабочыи парежут дровы и складайут ф стопъчку; будушшый васной каждый дитчок дайот три атроска; скора разрашайут лавит - запретнъйа врема в августи кончытса; тапка - эта чэм зему стапъйут. Здесь мы видим употребление глаголов несовершенного вида в простом будущем времени, хотя

I А.В.Бондарко, Опыт общей характеристики.., стр. 184.

синтаксическая позиция предполагает совершенный вид и действие мыслится как неделимое целое. Ср. обратный процесс, то есть употребление глаголов совершенного вида в настоящем-реальном времени: каждъва звера иначэ назавут 'каждого зверя по-своему называют', па зимъм на рипитицыи жэншынъф-та многа сабиротса (вместо собирается), фсо эта к колйъм привазывъйут и паставут ристиц в озира; ана жэншыну как мушшыну скажыт--муской рот 'она о женщинах говорит как о мужчинах - в мужском роде', тапер другой раз вазму вотки; мана каждый год уж в апрели увадут к истонцам; он йедит вархом гаварат и на талеги тожы скажут. Аналогичное употребление видовых форм возможно в литературном языке и расценивается как конкуренция видов, при которой замена одного вида другим не влияет на основной смысл высказывания.[1] Однако, большая часть фактического материала обнаруживает несоответствие видовой формы глагола главному смыслу высказывания.

В аспектологии известно, что мы имеем дело с глагольным видом в том случае, когда характер протекания действия находит выражение в грамматической оппозиции.[2] Если же этого нет, то можно предполагать наличие каких-то отклонений в категории вида. Чем же они вызваны в нашем говоре? Мы полагаем, что одной из причин является влияние эстонского языка, система гла-

---

[1] А.В.Бондарко, Опыт общей характеристики.., стр. 199; А.В.Бондарко, Л.Л.Буланин, Указ. сочин., стр. 60 - 61.

[2] А.В.Бондарко, К проблеме функционально-семантических категорий. - ВЯ, 1967, № 2, стр. 21.

гола которого не располагает категорией вида и, следовательно, не имеет морфологических средств для выражения характера протекания глагольного действия.[I] В эстонском языке не имеется грамматических показателей для дифференциации многоактного и одноактного действия. Ср.: они тут дом купили - Nad ostsid siia maja; хлеб мы покупали осенью у эстонцев - meie ostsime leiva igal sügisel eestlaste käest. В эстонских параллелях глаголы ostsid и ostsime морфологически противопоставляются только формами лица. Далее: по воскресеньям он посещал друзей - pühapäeviti külastas ta sõpru, сегодня он посетил больного друга - täna külastas ta haiget sõpra. Показателем способа действия в первом случае выступает широкий план контекста, в последующих - обстоятельства igal sügisel 'каждую осень', pühapäeviti 'по воскресеньям' и täna 'сегодня'. Аналогичную картину мы наблюдаем и в данном русском говоре.

В системе эстонского глагола также не содержится морфологических средств для различения настоящего и будущего времени. Сравним некоторые эстонские и русские параллели: Makske see hind, siis müüme - платите эту цену, тогда продадим. Форма müüme употребляется в значении продаем и продадим. Ta viib teid metsa - она ведёт/ сведёт вас в лес. В эстонском языке временные различия конкретизируются в контексте. На

[I] На способ действия в эстонском языке могут указывать некоторые глагольные суффиксы, но самостоятельно очень редко, чаще в совокупности с различными синтаксическими средствами.

действие в будущем указывают обстоятельства täna 'сегодня', homme 'завтра', tunni aja pärast 'через час' и др.

Нарушение нормы в употреблении видов отмечается в речи информаторов различного возраста и разного культурного уровня. Поскольку носители говора в основном употребляют выдовые формы глагола в соответствии с нормой русского языка, можно предположить, что мы имеем дело с начальным этапом определенного процесса. Исследователями отмечается, что на известных ступенях развития двуязычия в результате борьбы сходства и различия неродственных языковых систем в речи билингвов могут появляться и грамматические отклонения - неправильное использование форм времени и вида глагола.[I]

В науке известны факты ослабления категории вида в отдельных славянских языках и диалектах под влиянием неродственных языков.[2]

Примечание: имеется точка зрения о том, что в русском языке эти факты довольно редки.[3]

I Л.Х.Даурова, Указ. сочин., стр. I5.

2 Л.В.Щерба, Восточнолужицкое наречие, стр. I22; R.Perušek, O rabi dovršnih in nedovršnih glagolov v novi slovenščini. - Jahresbericht d. K. K. J. Staatsgymnasiums zu Leibach 1910, стр. 3 - 26 и др.

3 А.Мазон, Вид в славянских языках (Принципы и проблемы), М., I958, стр. 60.

8. Категория залога

Рассматривая категорию залога, мы опираемся на основные теоретические положения, изложенные по данному вопросу в работах А.В.Исаченко,[I] А.В.Бондарко и Л.Л.Буланина[2] и отчасти Н.А.Янко-Триницкой.[3]

По отношению глагольного действия к подлежащему в нашем говоре, как и во всем русском языке, различаются два залога: действительный и страдательный. При подлежащем - субъекте действия употребляются глаголы действительного залога. Например: он нас павади́л визде́, э́тъкий ате́ц да́тей-та фсих распусти́л, дираве́нски мужыки́ де́лъли то́рги, ста́ршый-та збажа́л в ле́с, на́ша диви́зийа движылас'.

Глагольные формы страдательного залога выступают при подлежащем - объекте действия: на мурку́ в их тут хле́ф ру́бицца, тем са́мым вайна́ изма́нилас', цэ́лый гот фкругавуйу ры́ба в нас ло́вицца. В страдательных или пассивных конструкциях наиболее употребительными в говоре являются формы кратких страдательных причастий прошедшего времени, особенно так называемые посессивные причастия при субъекте действия, выраженном сочетанием предлога у (=в) с родительным падежом одушевленного имени или местоимения: в их кле́вир ку́плина, у храмо́ва за-

---

I А.В.Исаченко, Грамматический строй русского языка.., стр. 345 - 406.

2 А.В.Бондарко, Л.Л.Буланин, Русский глагол, стр. I50 - - I82.

3 Н.А.Янко-Триницкая, Возвратные глаголы в современном русском языке, М., I962.

пас ф саротки паставлина, картъчки в датах увадона, писмо в каво-та разната, дом в ней на замнут, в мана сена на мурку распушъна, с парахода была бочка кинута, в ей был палиц завазъна.

Как известно, по наличию или отсутствию аффикса -ся русские глаголы делятся на возвратные и невозвратные. Возвратные глаголы - непереходные и -ся является формальным выразителем непереходности.[I] Эта закономерность в нашем говоре выдерживается не всегда последовательно. Так, отмечаются случаи, когда возвратный глагол имеет при себе прямое дополнение. Среди них выделяется группа возвратных глаголов, употребляющихся в активном залоговом значении вместо соответствующих образований без аффикса -ся. При этом, наличие -ся не меняет лексического значения глагола. Ср. - ей так нада выучытса фсо как стишок. Глогол выучиться в данном контексте в залоговом и лексическом значении адекватен глаголу выучить. То же самое наблюдаем и в следующих случаях: йа матиматику учылас харашо, как пачнот историйу учытса 'как начнёт историю учить', ни учылис истонскъва изыка, ф школи мала руский йазык учатса, йана ф книшки историйу учытса 'она по книге историю учит', датей тапер заучылис 'детей теперь слишком много учат', штобы эту цэркаф ухватит самадейътилнас устроилис 'чтобы построить церковь, устроили самодеятельность', он мана ни нахвалицца,

---

[I] А.В.Исаченко, Грамматический строй.., стр. 405; А.В.Бондарко, Л.Л.Буланин, Русский глагол, стр. 151.

тада́ уби́лис не́кътърых 'тогда убили некоторых', мно́гих уби́лис ф пе́рву мирауйу вайну́, про́ста фтре́бъвъли пириминава́цца фами́лии 'требовали переименовать фамилии'. Можно полагать, что подобные отклонения от нормы русского языка вызваны влиянием русской речи эстонского населения или представителей смешанных русско-эстонских семей, окончивших эстонскую школу и пользующихся в основном эстонским языком. Как показывают наблюдения, неразличение в употреблении глаголов с -ся и без -ся - обычная ошибка эстонцев, недостаточно владеющих нормированной русской речью.

В отдельных случаях отмечается употребление возвратных глаголов, не имеющих параллельных образований без -ся, с прямым дополнением в значении глаголов действительного залога - ана́ нам случы́лас ушшэ́рп са ско́том 'принесла ущерб скоту', ни панима́йут што́ их смайу́цца, бу́дут мана́ смайа́цца. Однако, здесь мы имеем кальки с эстонского языка и сложную контаминационную русско-эстонскую конструкцию.

Среди непереходных глаголов зафиксирован ряд фактов неразличения в употреблении глаголов с аффиксом -ся и без него, например: маладо́ш аста́нет су́да 'молодежь останется здесь' - мы аста́немса су́ды; йа ни зна́йу, как ани папа́лис в угаро́т, васно́й ни так лахко́ пападо́тса к нам правизи́йа; тапе́р зажы́лис мно́га лу́чшы 'теперь зажыли много лучше'. Условно сюда можно отнести и такой случай: на сакушку на баро́тса - савонни на баро́т (о рыбе). В данных примерах отсутствие или наличие -ся не разрушает семантического соответствия.

Особую группу составляют такие возвратные глаголы, в

которых, как отмечает С.П.Обнорский, присоединение -ся вносит оттенок усилительности, интенсивности действия со стороны субъекта.[I] Надо заметить, что "действие в интересах субъекта" проявляется не всегда ясно, ср. - ана́ фчара́ цэ́лый дэ́н стира́лас, дай йа пакълачу́с в акно́, йа састра́пълас са скати́нъй 'я убрала, подоила, накормила и напоила скотину', йа запазда́лас, майа́ с е́йнъй-та де́въчкай игра́лас, са́во́нни ишшо́ ни пригна́лис 'пастухи не пригнали стадо', завра́лса он гара́с, на́да пашы́тса 'надо пошить', то́лки йа уби́ра́тса нача́фшы. В отдельных образованиях оттенок интенсивности мало ощутим, на что указывает и С.П.Обнорский.[2] Ср. шы́тса, пригна́тса, састра́пътса и састра́пай скати́ну.

В префиксальных образованиях момент интенсивности создается не только присоединением -ся, но и определённым значением префикса, что характерно для общерусского языка, например: разжы́тса 'зажыть богато', пиримъразитса 'перемёрзнуть', растара́тса 'растерять всё', слуби́тса, захлъпати́тса.

Деепричастия и отпричастные формы образуются от возвратных глаголов, как правило, без аффикса -ся: напи́фшы пйа́ныи дво́йа йе́хъли, нагну́фшы придо́цца ити́, йа здес ради́фшы, кот был на де́рива забра́фшы.

9. Причастия

Страдательные причастия прошедшего времени, как правило,

[I] С.П.Обнорский, Очерки по морфологии.., стр. 63.

[2] С.П.Обнорский, Возвратные глаголы на -ся в русском языке. - Известия ОЛИЯ АН, том I9, вып. I, М., I960, стр. 20.

образуются от переходных глаголов совершенного вида: угурцы были убраны, 20 йаблъп пасажына, дом извоскъй выбълин, пугъфки къшамирьм апшыты, йаво платйа были адетыи, карофка здоина, ей паставлина капронъва почка, йа абучон был на гас--та 'я был обучен обращению с газом', адожа была раздилона, квартера дана, рамы-та вытъпуты, фсе кости пирабиты, в некътърых истонки взаты, многии издъли привазоны, с парахода бочка кинута, грунты были куплины 'земля под застройку была куплена', писмо разпатъ 'письмо распечатано', здес ни справна 'здесь не исправлено, не починено', винтофка с микраскопъм привинчона.

Известны случаи образования страдательных причастий прошедшего времени и от глаголов несовершенного вида: каранной домик в мана строин с атцом, прутйим акопы фсо платоны, самы фсо рошына 'сами всё растили', ф крысъх гарох ношына, аставлин этат запас ни смалон 'эти сети остались не смолёные'.

В нашем говоре широко употребителен так называемый посессивный перфект, состоящий из безличной формы страдательного причастия и родительного падежа субъекта с предлогом у (в) Например: замли ф крата нарыта, в ей акончына десит классъф, в нас йачмен была пасеина, фронт в мана прайдона сем-восим рас, в их клевир куплина, у лизы дом замнута, в началства рваны шынели адета, была ф тамары принасона, в детах картъчки увадона 'дети увезли карточки', в нас сто-двести пудов наменина хлеба была, можыт ф катах унасона, в наво таблица была зделъна, в мана окуни были скапчона, у

храмова запас ф саротки паставлина 'у хромого поставлены сети', в йаво сапаги абута, ф крысъх гарох ношына, в ей школа фса кончына, ф систринова сына стараверка с пирисара взата, у шуры мужык-та с сосниц привадона, в ней подана разводнъйа.

Посессивный перфект был объектом наблюдений ряда исследователей, которые единодушно признавали его принадлежностью диалектной речи.[I] В I6 - I7 в. посессивный перфект проникает в псковские письменные памятники разных жанров.[2]

Как известно, посессивный перфект обозначает результат действия, совершенного в прошлом, ср.: в ей школа кончына, дом ф сестры куплина, в их йачмен пасеина. Субъект действия при посессивном перфекте обычно выражается одушевленным име-

---

[I] Ф.И.Буслаев, Историческая грамматика русского языка, М., стр. 382; А.А.Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I - П, М., I958, стр. I48; Ф.П.Филин, Заметки о записях материалов по синтаксису. - Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР, М.-Л., I948, вып. 4, стр. 4I, 47; Ю.С.Маслов, К вопросу о происхождении посессивного перфекта. - Ученые записки ЛГУ, № 97, вып. I4, Л., I949, стр. 92 - - 97; В.И.Борковский, О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII - XIУ вв. - Известия Крымского пед. ин-та, вып. 9, I940, стр. II7 - I20; П.С.Кузнецов, К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах. - Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 3, М.-Л., I949, стр. 67 - 80; С.П.Обнорский, Очерки.., стр. I57 - I59.

[2] З.М.Петрова, Посессивный перфект в псковских говорах. - Псковские говоры, П, Псков, I968, стр. II9.

нем или личным местоимением - в дётах, ф катáх, у шýры, в начáлства, ф крысъх, в ей, в манá, в нас, в йавó, в их и др. Этот факт отмечают и другие исследователи.[1]

Страдательное причастие в нашем говоре, как в одном из акающих говоров, обычно выступает в неизменяемой форме на -на, -та и не согласуется с другими частями синтаксического целого. В соседних псковских говорах, помимо указанной формы, причастие выступает и в формах на -н, -т также независимо от рода и числа существительного.[2]

Как показывает материал, страдательные причастия в составе посессивного перфекта образуются преимущественно от глаголов совершенного вида - фронт прайдóна, сапаги абýта, замли нарыта, окуни скапчóна, мужык привадóна, хлéба наменáна и др.

В отличие от севернорусских говоров страдательное причастие в нашем говоре не употребляется в возвратной форме (у него жененосъ). Кроме того, посессивный перфект, как правило, употребляется в личных предложениях - в манá йáблъки градъм пабúта, в начáлства рваны шынéли адéта, в нас сад сáмы пасáжына 'мы сами посадили сад', ф старúка запáс съмалóна 'старик сети смолил', ф кавó-та пúсмо разнáта 'кто-то письмо распечатал'. Указанные свойства посессивного перфекта сближают наш говор со среднерусскими и, в первую очередь, с псковскими говорами.[3] Хотя при этом, как мы указывали выше, имеются и неко-

---

[1] Ф.П.Филин, Заметки о записях.., стр. 42; Ю.С.Маслов, К вопросу о происхождении.., стр. 96; З.М.Петрова, Посессивный перфект.., стр. I2I.

[2] З.М.Петрова, Указ. сочин., стр. I22.

[3] Там же, стр. I20, I22.

торые отличия.

В исследуемом говоре имеют место членные формы страдательных причастий, употребляемые в предикативной функции. Эти причастия имеют некоторый оттенок адъективизации, ср. - матирийалы были ужэ привадонныи, парни как выбрънныи фс, мы были ф тарту вызванныи, йаво платйа были адетыи, йа был как выбранный 'меня как бы выбрали', в них доктэр привадонный, ана фсу ноч нанитйа как, в ей мужык принатый в дом, йа ф салдатах на служыл за то шта был аставлинный састру кармит.

Распределение суффиксов страдательных причастий прошедшего времени -ен, -н-, -т- по разрядам глаголов не отклоняется от нормы русского языка, ср. - порван, увадон, выбран, создан, схаронин, принасон, наменина, высилины, акончына, пабита, апшыта, принатый, взат, вытинут, сасватъна.

IO. Деепричастия

Наиболее продуктивной формой в системе деепричастий данного говора является предикативное деепричастие или отпричастная форма.[I] С генетической стороны это, как известно, нечленное причастие действительного залога. Продуктивностью указанной формы отличаются многие говоры русского Северо-Запада.[2]

[I] Термином Ф.П.Филина "отпричастная форма" и "предикативное деепричастие" мы пользуемся как равноценными синонимами.

[2] В.И.Трубинский, Функциональные варианты отпричастной формы в русских говорах Северо-Запада. - Псковские говоры, П, Псков, I968, стр. I06.

Вопрос о происхождении и грамматических свойствах предикативного деепричастия освещался в работах многих исследователей.[I]

Предикативные деепричастия нашего говора представлены формами на -вшы (-фшы), -мшы, -шы, -(т)чы, -цы. Наиболее употребительными являются формы на-вшы (-фшы): ушóфшы, паспéфшы, выстрыфшы, быфшы, сабрáфшы, фстáфшы, напúфшы, атарвáфшы, пасилúфшы и др. Образования на -мшы отмечаются в основах с рефлексами так называемого "юсового чередования", ср. - снять → снóмшы, заня́ться → занóмшы, приня́ться → принóмшы. Образований типа емшы, пимшы не зафиксировано. С компонентом -шы встречаются такие отпричастные формы, как помúршы : памóршы, вырашшы, привы́кшы, акрéпшы, заморшшы. В речи старшего поколе-

---

[I] Ф.И.Буслаев, Историческая грамматика.., стр. 376, 535 - 536; А.А.Потебня, Из записок.., стр. 186 - 190; И.И. Срезневский, Мысли об истории русского языка, М., 1959, стр. 60; Ф.П.Филин, Указ. сочин., стр. 26 - 39; С.П.Обнорский, Очерки по морфологии.., стр. 153 - 159; П.С.Кузнецов, Указ. сочин., стр. 59 - 67, 80 - 84; И.Б.Кузьмина и Е.В.Немченко, О некоторых синтаксических явлениях в говорах юго-западных и центральных областей к западу от Москвы. - Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР, № 10, М., 1956, стр. 107 - 130; В.И.Трубинский, Предикативное деепричастие в говорах русского Северо-Запада, Автореферат канд. диссерт., Л., 1962; Л.И.Царева, Говоры юго-западной части Псковской области, Канд. диссертация, Л., 1954, стр. 542 - 596; Л.К.Дмитриева, К вопросу о значении и генезисе отпричастных форм. - Псковские говоры I, Псков, 1962, стр. 143 - 161.

ния носителей говора наблюдаются произносительные варианты в образованиях с корнем -шед-. Например: ушо́шцы, прашо́шцы, вышъдцы, атвы́кчы, прийе́хътчы, зашо́тцы и т.п.

Предикативные деепричастия в основном образуются от непереходных глаголов совершенного вида, в том числе и от глаголов с формально выраженной непереходностью, то есть от глаголов на -ся, ср.: хто мало́ды так уе́хафшы, здвайура́нна са́стра за́муж вышъфшы, и и де́душки и праде́душки тут пасили́фшы (от поселились), гот как ма́ма пама́ршы, ана́ зано́мшы сваим де́лам, мно́га выстръифшы ру́ских, мне шысдася́т испо́лнифшы, кра́сна каро́ва по́ двъру бы́фшы и да сме́рти пражы́фшы, йа прайажжа́фшы там, был прино́мшы драва́ калот (от приняться), ру́ски при́выкшы на зи́ра ха́дит, два ме́ста был прагаре́фшы, ана́ в ле́с ушо́шы, йа не́скъльки рас уби́фшы (я несколько раз ушиблась', у майо́ва да́ди да́чка за исто́нца вышъфшы, де́ти бы́ли испужа́фшы, гвозд папа́фшы ф се́на.

Нередки случаи образования предикативного деепричастия от переходных глаголов, например: йа слыха́фшы э́та, лу́пу йа вида́фшы, маро́с папо́рти́фшы йаблъни́, йа их на ви́ди́фшы, мы ф та́рту йа́блъки ва́ди́фшы, э́тъки ска́ски йа ни́ чыта́фшы, йа ни́ рас га́даву́ уби́фшы, мо́жыт вы слыха́фшы э́тъку-та пе́сну, разви́ вы ф кни́шки гри́боф ни ви́да́фшы, он се́на нача́фшы кла́ст.

Как отмечают исследователи, наиболее последовательно предикативное деепричастие образуется от непереходных глаголов в северо-западных говорах.[1] В юго-западной части средне-

---

[1] П.С. Кузнецов, Указ. сочин., стр. 60 - 63; В.И.Трубинский, Предикативное деепричастие.., стр. 5.

великорусских говоров эта форма образуется и от переходных глаголов. И.Б.Кузьмина и Е.В.Немченко рассматривают аналогичные факты, наряду с образованиями от возвратных глаголов без частицы -ся, как новшества, свидетельствующие о разложении конструкций с предикативным деепричастием.[1] В псковских говорах отпричастная форма от возвратных глаголов, как правило, не имеет элемента -ся, однако образование её от переходных глаголов - редкое явление.[2] В нашем говоре, территориально расположенном ближе к северо-западным говорам, отпричастная форма от возвратных глаголов употребляется без -ся, ср. *сынавйа́ были разбажа́фшы, ани́ сно́мшы* 'они сфотографировались', *йа здес ради́фшы* 'я здесь родилась', *како́й-та рак ф сада́х пъйави́фшы, мно́гии по́сли вайны́ вы́стръифшы, мне шысдеса́т шэс испо́лнифшы, мы сну́хафшы давно́ уж бы́ли, давно́ уш тут лу́ди паси́лифшы, ана́ в ба́йны аста́фшы*. В единичном случае зафиксирована форма с -ся: *сте́ны абру́шыфшыс*. В соседнем говоре острова Пийрисаар отмечены формы страдательных причастий и предикативных деепричастий с -ся.[3] Видимо, стирание залогового противопоставления в отпричастных формах в нашем говоре происходит более последовательно.

---

1 И.Б.Кузьмина и Е.В.Немченко, Указ. сочин., стр. 116.

2 Л.К.Дмитриева, Указ. сочин., стр. 154, 155.

3 Т.Ф.Мурникова, Описание русского говора.., стр. 362, 363.

Причины появления в говоре предикативных деепричастий с прямым дополнением не совсем ясны. Можно предположить, что они могли возникнуть по аналогии с параллельно употребляющимися формами прошедшего времени на -л также перфективного значения. Ср. е́сли вы хади́фшы в ла́су́ так ни заблу́дитис - ана́ хади́ла в ла́су́ даро́гу зна́ит; мы ф та́рту йа́блъки вади́фшы там падаро́жы даста́ним - шу́ра ф го́рът вади́ла зимла́ни́ку там даро́жы; э́тъки ска́ски йа ни чыта́фшы - ска́ски пу́шки́на йа чыта́ла; мно́га вы́стръифшы ру́ских - по́сли пажа́ра суды́ка вы́стръилис; пиригаре́фшы ле́са сича́с мно́га - не́скълки дамо́ф згаре́ла[I] и др. Перфектное значение в приведенных примерах в основном имеет результативный оттенок.

Фактический материал обнаруживает случаи образования предикативных деепричастий от глаголов несовершенного вида, например: йе́ты йа́блъни ишо́ ни цво́фшы; в мана́ де́ти ни хади́фшы ф по́ли 'мои дети никогда не ходили в поле работать'; сын жы́фшы, за пы́лвай пат киламе́тръв жыво́т 'сын живой, живёт за Пылвой 5 километров'; мо́жыт вы слыха́фшы; йа их на вида́фшы, йа прайажжа́фшы там 'я проезжал там', мари́йа ни выступа́фшы на сцэ́ны, мы ф та́рту йа́блъки вади́фшы; ра́зви вы грибо́в ни вида́фшы.

В научной литературе предикативному деепричастию от глагола быть отводится особое место в виду совпадения в этом глаголе свойств совершенного и несовершенного видов. Как правило, форма быфшы в роли самостоятельного предиката в псковских го-

---

I Некоторые параллельные формы записаны от одного информатора.

ворах имеет значение "состояния, отнесенного к прошлому".[1] Это же отмечается и у нас: красна карова по двору быфшы 'красная корова была по двору'; в насу в гастах быфшы 'бывал в деревне Нос в гостях' и др. Но в нашем говоре, кроме этого значения, форма быфшы может употребляться с оттенком кратковременности состояния, ограниченности пребывания в недавнем прошлом. С некоторой оговоркой можно сказать об оттенке аористичности. Ср. йа фчара в ласу быфшы, прошлуйу ноч кто ни е в агароди быфшы, три рас толки и быфшы в тарту, мы ф таллини на свадбы быфшы абратна едим, гаварит што майа (внучка) в ейнъм агароди быфшы, толки рас там и быфшы.

Материал показывает, что семантико-грамматические признаки, свойственные отпричастной форме северо-западных говоров (образование от непереходных глаголов совершенного вида с общим значением "осуществленного изменения"[2]), в нашем говоре выдерживаются непоследовательно. Кроме того, в типичных для отпричастной формы условиях параллельно может употребляться форма прошедшего времени на -л. Можно предположить, что сдвиги такого рода происходят под влиянием двух факторов. Один из них внешний - воздействие литературной формы языка. В речи мужчин отпричастная форма встречается реже, чем в речи женщин. В монологической речи о служебных делах, военных событиях,

---

[1] Л.К.Дмитриева, Указ. сочин., стр. 155.

[2] В.И.Трубинский, Предикативное деепричастие.., стр. 5, 15.

делах колхоза данна форма сравнительно редка. Диалогическая речь или рассказы на бытовые темы, преимущественно женщин, - вот сфера бытования отпричастной формы. Однако, именно здесь мы встречаемся с фактами употребления в одинаковых условиях как отпричастной формы, так и формы прошедшего времени на -л, особенно при результативном значении перфекта, ср. йа адна́ аста́фшы - аста́лъса двойа дате́й, гот как ма́ма умо́ршы - нимно́га пабале́ла и про́шлый гот умирла́, мы снухафшы уж были - мы там с ней слу́бились.

Второй фактор заключается в развитии самой отпричастной формы. Материал показывает, что наиболее устойчивыми и продуктивными являются отпричастные формы с частным лексическим значением состояния. Другие частные значения перфекта, качественное и результата, отмечаются реже. При отпричастной форме нередко употребляются обстоятельства места, меры и степени, а также времени и образа действия.

Как член предложения, предикативное деепричастие выполняет следующие функции:

а) Выступает в роли самостоятельного сказуемого без связки. Эта функция типична для северо-западного перфекта. Например: но́ги уста́фшы, афтама́т вес раскали́фшы, ана́ давно́ забале́фшы, мари́йа ни выступа́фшы на сцэны, ана́ ушо́ны в лес за хвайо́й, йа фса затрапа́фшы 'я устала до последней степени', фами́лйа-та ф старину́ папа́фшы, йа здэс ради́фшы, у майо́ва да́ди дачка́ за исто́нца вышыфшы, ей се́мдисат де́вит лет ишо́ ни испо́лнифшы, йа нескъдка раз уби́фшы, крна карова да смерти пражы́фшы, ане́ уж в вады́ бы́фшы, в мана́ там скирда́ аста́фшы.

б) Довольно продуктивна аналитическая форма предикативного деепричастия со связкой был в плюсквамперфектном значении: йа была забалефшы, ана гарас была апустифшы, сынавйа кто куда были разбажафшы, сначала йа ни привыкшы была к етъму слову, йа так была испужафшы, мы были ф кастэри атступифшы, были палковники тут приехъфшы ф суботу, старик помиршы уж был, два места была прагарефшы, та жэншына была пришофшы. Продуктивность этих форм не исключает параллельного употребления наряду с ними остатков старого плюсквамперфекта с формой причастия на -л (ты была йездила в рапине, старик был забалел, шкура-та была атстала фса чыста) и форм глаголов прошедшего времени несовершенного вида в плюсквамперфектном значении (на прашэццай надели майу-та привадили, в истонска врема фсе служыли, с сами лет выхадили к крастйанам, с етай пйескай выступали чут ни ф симих мастах). Можно полагать, что живучесть отпричастной формы в данных условиях вызвана развитием в ней новых семантико-грамматических признаков.

в) Форма предпрошедшего времени сохраняется в составе сложного глагольного сказуемого, ср. - он был приномшы драва калот биз рубашки, калпакоф удит пад сарэпэрэ был ушофшы, йа была ушофшы страпат фалину скатину 'я уходила ухаживать за Фалиной скотиной'.

г) Отпричастная форма может выступать в роли связки глагольного составного и реже - именного сказуемого: избу начафшы кирпичом клас, он савонни ушофшы клевир складат калхозный, руски привыкшы на зира хадит, некътърыи домы быфшы ни аграбили, в истории быфшы патс главный, лотки астафшы самалоныи,

йа сделъфшы мелнайа 'я стала рассеянной'.

д) В роли второстепенного сказуемого предикативное деепричастие зафиксировано в единичных случаях, которые, видимо, надо рассматривать как пережиточное явление, ср. - дымам прашоцы (сети) крысы ни йадут 'если сети обработаны дымом, то их крысы не едят'; кто што вазали, павазафшы пришла гармошка.

Предикативное деепричастие, употребляемое в сложных конструкциях с однородными сказуемыми или в сложноподчиненных предложениях, не всегда способно выражать временные отношения Временной план вытекает из всего синтаксического целого или передается другими формами глагола (иногда формами настоящего времени), например: а другии ф таллин тудыка ушофшы и живут тапер там; сын жыфшы, живот за пылвай пат киламетраф 'сын живой остался после войны, живет за Пыльвой; другии учыники куда уж ушофшы, када йа осиниу приду в школу; фсе были ушофшы и дали денги фкраст; тут ат лисей йест приехъфшы, на тым канцу живут; афтамат раскалифшы, ани йаво ф сугроп сунут; ана ишо заномшы сваим делам, ваиу йайу на видна 'она еще занимается своим делом и на улице ее не видно'; пришли, пагладелн што сграбфшы. Аналогичное явление отмечено в северо-западных, в частности в псковских говорах и рассматривается как свидетельство тяготения отпричастной формы к категории состояния.[I]

Факты параллельного употребления отпричастной формы и посессивного причастия,производных от одной глагольной осно-

---

[I] В.И.Трубинский, Предикативное деепричастие.., стр.II; Л.К.Дмитриева, Указ. сочин., стр. I50.

вы одного лексического значения, в говоре сравнительно редки: в мана там скирда астафшы - в ней дачка да зат там астáвлина, мол была прашоццы - в мана фронт вес прайдона, вы к раке-та хадифшы - в ней там хожына. Как правило, указанные формы образуются от разных лексико-семантических единиц, ср. - йаму[1] там сена на убрына, а он уйехъфшы удит; кинута, здоина, куплина, пасеина - жыфшы, быфшы, згарефшы, слыхафшы и др. Сосуществование этих форм, видимо, обусловлено не только различием лексико-семантической базы, но также разницей в объеме синтаксических функций и тенденциях развития.

Формы на -вшы, -шы могут выступать и в качестве деепричастий совершенного вида, например: напифшы йаныи двойа ехъли, па дамам хадили нарадифшы кто как, ни даехъфшы да мекси наш поис астънавилса, йа в ласу быфшы десит руметръф дроф здельла 'будучи в лесу, я 10 м^3 дров сделала'.

Деепричастия несовершенного вида не характерны для говора, в том числе и на -учи (-ючи), из которых зафиксирована всего одна форма - бросила ни гладайучы - с наречным оттенком.

Рассмотренные глагольные категории обнаруживают следующее:

а) В развитии глагольной системы говора проявляются основные тенденции в развитии русского глагола: выравнивание глагольных основ, особенно в непродуктивных группах (магу -

---

[1] В этих конструкциях формы ему и у него в говоре синонимичны.

маго́т, лавлю́ - ло́вют), выравнивание парадигм глаголов I и II спряжения по I спряжению (здо́ют, по́мнют), переход непродуктивных глаголов в продуктивные классы (ска́чут → скака́ют, гнести́ → гнети́ть, плеска́ть → плеска́ют и плеща́т).

б) Ряд глагольных диалектных особенностей роднит наш говор с северо-западными русскими говорами: наличие форм 3-го лица с твердым -т, употребляющихся параллельно с формами без согласного элемента; сравнительная продуктивность посессивного перфекта, а также предикативного деепричастия с намечающимся переходом в категорию состояния; употребление контаминационных форм от бывших нетематических глаголов (е́стишь, е́стит, да́стишь, да́стит).

в) Некоторые диалектные черты нашего говора характерны лишь для отдельных групп средневеликорусского наречия: например, форма инфинитива с удвоенным суффиксом (уйти́ть, найти́ть) свойственна для говоров центральных областей; инфинитив типа несть, вязть и образование предикативных деепричастий от переходных глаголов сближает наш говор с юго-западными среднерусскими говорами; возвратные глаголы запозда́ться, стира́ться более употребительны в вологодско-вятских севернорусских говорах; также, как в псковских говорах, посессивный перфект не образуется от глаголов на -ся, а предикативное деепричастие от возвратных глаголов не имеет элемента -ся (все сабра́фшы, я ради́фшы, нет оборотов типа у него́ же́ненось).

г) Своеобразие говора составляют такие особенности: предикативное деепричастие может образовываться от глаголов несовершенного вида, а также переходных глаголов (я праяжжа́фшы

мима, я ни раз галаву убифшы); параллельно употребляются формы "предпрошедшего" времени (был ушофшы), старого плюсквамперфекта (был забалел) и прошедшего на -л несовершенного вида с перфективным значением (фчара принасила); контаминационные формы от глаголов есть и дать выдерживаются по всей парадигме (ем - естишь - естит - естим - естити - йадут).

д) В силу архаичности говора в нем сохраняется ряд реликтовых форм, например плюсквамперфект (я была забалела); твердый инфинитив, восходящий к древнему супину (паехали празнават); отпричастная форма в функции второстепенного сказуемого (пазазафшы пришла гармошка), остатки древних акцентологических типов (дала, взала).

е) Влияние эстонского языка проявляется в глаголе в большей мере, чем в других участках морфологической системы. Это выражается в фактах неразличения форм совершенного и несовершенного вида (всагда принасил, уж всо прадавали?), в употреблении непереходных возвратных глаголов и форм возвратных глаголов в соответствии с переходными (мала руский иазык учатса, многих убилис'), в случаях образования условного наклонения от глаголов в форме настоящего времени (кто бы это сделает; хочет, штобы я поеду).[I]

[I] Кроме того, воздействие эстонского языка отмечается в заимствовании отдельных глаголов (карзить), появлении калек (ядовить), не свойственных русскому языку лексических значений глаголов (школить = учить детей в школе, поставить в газету, привели мясо и др.).

Морфологическая система говора Мехикоорма по своим основным свойствам в полной мере не совпадает ни с одним из ближайших исследованных говоров, совмещая в себе черты севернорусской, западной и в некоторой степени юго-западной локализации. Для морфологической системы в целом характерны следующие особенности:

I) Сосуществование параллельных диалектных форм, известных в различных, преимущественно западных говорах, с общерусскими формами. Например, винительный падеж жен.рода предметно-личного местоимения - йайо́:йайу́:йей:йану́:ану́:йу:йейо́:ийо́; имен.падеж множественного числа - аны́:йаны́:ане́:ани́; предл. падеж ед.числа существительных жен.рода - в грязе́: в грази́; инфинитив - нест:насти́; наличие двух парадигм у глаголов с основой на заднеязычный в настоящем времени - магу́ш:могиш, магу́т:могит, магу́м:могим.

В отдельных случаях параллелизм создается вследствие сохранения устаревших форм, которые употребляются наряду с новыми диалектными или общерусскими формами. Так, для выражения действия в прошлом используется форма современного прошедшего времени - он уе́хал, плюсквамперфекта - он был уе́хал, предикативного деепричастия - он уе́хафшы, посессивного перфекта - у на́во уе́хано. Известен целый ряд параллельных форм - о́кны: о́кна, раба́ты:раба́та, дла́ зуб:дла́ зубо́в, на ко́ни:на кане́й, крыле́:крыльцо́. Иногда древняя форма развивает новый семантический оттенок, но сохраняет старую акцентологическую принадлежность. Например, в по́лих бывают только со скотом, пасут скот.

2) В развитии именных частей речи и местоимения обнаруживается определенная взаимосвязь. Во всех группах склоняемых

слов во множественном числе устойчиво сохраняется форма творительного падежа, совпадающая с формой дательного, - с нам, за тем домам, с новым пйескам. Только в прилагательных и неличных местоимениях имеет место стяжение - така высока, саму харошу песну. В глаголе это явление неизвестно. В именит.и родит.падежах имен существительных множественного числа отмечается тенденция к распространению одних и тех флексий на различные группы слов независимо от характера основы и родовой принадлежности в единственном числе. Имен.падеж: врачы, домы, крастйаны, срествы, окны, избы; рукава, восла, матара. Родит. падеж: врачов, дамов, срествъв, аварйев, начов; дактарей, кстей, мима труп 'трупов', окън, изб.

3) В результате внутренних изменений морфологической системы в говоре получили развитие процессы, возникшие, вероятно, еще в исходных системах материковых диалектов. Это, во-первых, сворачивание формы на -у в родительном падеже един.числа существительных мужского рода. Во-вторых, развитие и распространение этой же флексии в предложном падеже на слова с накоренным ударением - в йашшыку, на одушевленные имена мужского рода - при мужыку, на новейшую лексику - на плажу. В-третьих, отложение полной парадигмы контаминационных форм от бывших нетематических глаголов есть и дать: естиш, естит, естим, естити, йадут.[1]

4) В системе глагола не получили достаточного развития по сравнению с другими формами ненормированного русского языка глагольные образования на -ну- с экспрессивным оттенком значения (толкануть), а также глаголы на -ыва- (-ива-) со зна-

[1] Форма 3 л. множ.числа ядут является исконной.

чением многократности глагольного действия. В соответствии с ними иногда употребляются глаголы с суффиксом -а-: складáт, выглáдáт, тáгáт.

5) В развитии морфологической системы говора отмечаются противоречивые тенденции. С одной стороны, унификация форм словоизменения имен прилагательных, местоимений и существительных во множ. числе, с другой - функционирование целого ряда параллельных падежных форм. Заторможенное действие некоторых процессов (нерегулярность в различении по признаку одушевленность/неодушевленность во множ. числе), сохранение общерусских и древнерусских реликтовых явлений (плюсквамперфект, супин, некоторые падежные формы) наблюдается наряду с более активным изменением некоторых участков морфологической системы, чем в литературном языке (сворачивание формы на -у в ед. числе существит. муж. рода, выравнивание основ в глаголе, унификация форм склонения в именных частях речи и др.).

6) Взаимодействие с неродственным эстонским языком отражается на уровне морфологии следующим образом: а) появляются отклонения от закономерностей русского языка в оформлении рода и числа имен существительных (мáлинкайа йóжык, ва врéмá убóрка, за пáчóм, салóма ат иачмéни, я винагрáды ни лублу, балшыи пасýды, в малины хадили); б) возникают случаи невыраженности глагольной формой видовых и залоговых отношений (нам нáда срóчна пападáт в рáпину, тáпка - эта чэм зéмлу стáпайут, рýский йазык мáла учатса, маладóж астáнет сýда); встречаются формы условного наклонения с глаголами настоящего/будущего времени (штобы он принасóт); в) кальки с эстонского языка типа дéцки дéти активизируют аналогичные образования с уточняющим оттенком в значении родства целой группы приятжательных прилагательных (дачкины дачки, сынóвйи сынавйá, дáтинныи дéти).

Заключение

I. Фонетико-морфологическое описание говора Мехикоорма показывает, что данный говор в значительной мере отражает лингвистическую карту русского Северо- и Юго-Запада. По основным фонетическим и морфологическим чертам говор можно отнести к среднерусским говорам западной зоны. По своему исходному характеру говор Мехикоорма наиболее близок к псковской группе говоров. С псковскими говорами его роднят такие черты, как сильное яканье, частичное отвердение губных -кроф, на цапы́, формы дат. и предл. падежей ед. числа имен существительных женского рода на -ы: лгът жаны́, на той страны́, на картэ́ры; формы глаголов 3-го лица настоящего/будущего времени без -т; распространение форм предикативного деепричастия и прошедшего времени. Однако часть языковых признаков связывает наш говор с северными псковскими говорами: уканье - удда-ла́, упириръвъли; употребление форм посессивного перфекта - в них йачмэ́н пасэ́ина, в мана́ карофка здо́ина; стяженных прилагательных. Часть диалектных особенностей характерна для юго-запада псковской группы: совпадение в предударном вокализме принципов недиссимилятивного аканья и сильного яканья; распределение флексий -е, -и и -у в предложном падеже ед. числа существительных мужского рода; наличие словоформ мата-ра́ и дирявна́, форм инфинитива нест, вазт, иттит; образование предикативных деепричастий от переходных глаголов - кни́гу чита́фшы, никто́ йайу́ ни вида́фшы.

2. Для говора типичны северные по происхождению черты - взрывной /г/, твердый /т/ в окончаниях 3-го лица глаголов ед. и множ. числа настоящего времени, формы род./вин. падежей ед. числа личных и возвратного местоимений меня́, тебя́, себя́; дат./предл. - мне, тебе, себе; словоформа дира́вон и др. В говоре сохраняется также немало древнерусских и севернорусских диалектных черт: остатки акцентологических типов имен существительных с накоренным ударением, формы плюсквамперфекта, совпадение дат. и твор. падежей множественного числа склоняемых имен в форме дат. падежа, наличие стяженных прилагательных и неличных местоимений и др. Эти факты позволяют предположить, что в основу говора лег язык переселенцев из северных псковских, а возможно и древних новгородских земель.

Юго-западные диалектные черты в говоре Мехикоорма (произношение мягких /т́/ и /д́/ со свистящим призвуком, употребление сочетания /шч/ в соответствии с /ш/, случаи лабиализации /о/ во 2-м предуд. слоге - пудба́ру́тса; наличие словоформ ди́ды́, сы́ны́, сва́кро́ва и др.), видимо, явление вторичное, занесенное позднее переселенцами из юго-западной Псковщины, где, как известно, было сильно влияние белорусского языка. Это мог быть отрог или несколько потоков более значительного движения населения с Юго-Запада на псковские земли, частично продвинувшегося на западный берег Псковского и Чудского озер. Во всяком случае, с притоком населения говор воспринял целый комплекс юго-западных псковских диалектных черт и в том числе неразличение гласных неверхнего подъема после твердых и мягких согласных. В ближайших заозерных говорах (южногдовских) еще до сих пор предударный вокализм характеризуется различением гласных неверхнего подъема.

Неоднородность языковой базы, на основе которой складывался говор Мехикоорма, и своеобразие в его развитии вызвали сосуществование целых рядов параллельных языковых фактов. Например, формы имен. падежа множ. числа предметно-личного местоимения -ани́, йани́, йони́, ане́; вин. падежа женского рода - йейу́, йайу́, ану́, йану́, ийо́, йу и др. Колебания в выборе тех или иных форм отражают динамику говора.

3. В результате контактирования с неродственным эстонским языком появляются различного рода отклонения от закономерностей русского языка. Явления интерференции пронизывают всю структуру говора. На уровне фонетики и морфологии они отмечаются в тех участках, где взаимодействующие системы различаются наибольшим образом. По всей вероятности, несходство в характере и месте ударения в эстонском и русском языках способствовало развитию таких особенностей говора, как малое акустическое различие подударных и безударных гласных, наличие дополнительного ударения (индивидуально) на начальном слоге, особенно в многосложных словах. Употребление глухих согласных в соответствии со звонкими и наоборот (ко́рький, пу́лка, раки́да, кры́жа) могло быть вызвано несоответствием в противопоставлении согласных в русском языке по глухости-звонкости и в эстонском - по степени долготы. Появление велярных и полупалатализованных согласных перед /е/ частично объясняется отсутствием палатализации согласных в этом положении в эстонском языке. Пользуясь эстонской речью, а также в заимствованиях из

эстонского, русские старожилы, как правило, не употребляют палатализованных согласных (что надо отнести за счет влияния эстонского нормированного языка). Этот речевой навык как бы автоматически переносится при переходе на русскую речь.

К заимствованным элементам фонетической системы необходимо отнести средний / ℓ /. Проникновение этого звука могло восходить к более ранней эпохе общения древних новгородцев с финно-уграми. Средний / ℓ / присущ многим северным и западным русским говорам. Однако актуальность этого звука в нашем говоре, его фонологическое "равноправие" с /л/ происходит при поддержке эстонского языка.

На уровне морфологии недосягаемыми для иноязычного влияния остаются имена числительные и местоимения.

В группе имен существительных отмечаются некоторые изменения в категориях рода и числа. Эстонский язык оказывает поддерживающее влияние на общую тенденцию - разрушение категории рода. Это проявляется в фактах оформления имен женского рода в соответствии с мужскими и наоборот (<u>тако́й бал'шо́й сви'нйа́</u>, <u>на́ша Ко́л'ка</u>). В категории числа расширяется группа pluralia tantum (<u>пла́т'йа</u>, <u>в'инагра́ды</u>), ряд существительных переходит из группы singularia tantum в общую группу имен, изменяющихся по ед. и множ. числу (<u>мал'и́на</u> - <u>мал'и́ны</u>, <u>рабо́та</u> - <u>рабо́ты</u>).

Склонение имен существительных остается наиболее стойким по отношению к иноязычному влиянию.

В области прилагательных, благодаря калькам с эстонского языка, оказалось живой и активной группа притяжательных прилагательных с уточняющим оттенком в обозначении родственных отношений (<u>д'ати́нныи д'е́ти</u>, <u>сыно́в'йа дачка́</u>, <u>дачк'ина́ дачка́</u>).

В глаголе появляются случаи неправильного использования видовых форм (на будим купит, разви уж фсо прьдавали, каждый ден принос), глаголов движения многократного и однократного действия (я плыт на умейу, суд ходит). Возвратные глаголы могут употребляться в переходном значении (ей фсо нада выучитса, убилис многих). Эти отклонения наблюдаются в тех участках глагольной системы, которые не имеют соответствий в эстонском языке. Реже встречаются факты интерференции там, где имеются лишь некоторые расхождения, например в формах условного наклонения.

Нельзя сказать, что все перечисленные отклонения от закономерностей русского языка каким-то образом изменили морфологическую систему говора. Пока это факты речи. Однако их регулярность и взаимообусловленность могут привести к образованию такой системы, на основании которой создаются языки или диалекты с одним планом содержания и двумя планами выражения.

4. В своих основных чертах исследуемый говор развивается по законам русского языка и испытывает те же тенденции, что и большинство русских говоров - склонность к выравниванию глагольных и именных основ, разрушение категории среднего рода, продуктивность образований с флексией -ов в род. падеже множественного числа имен существительных, с флексией -у в предл. падеже един. числа имен мужского рода и др. Кроме того, для говора характерна такая общая особенность современных диалектных систем, как внутренняя вариантность, наличие целого ряда сосуществующих элементов.

5. Положение окраинного диалекта, почти изолированного от материковых говоров, способствовало, с одной стороны, раз-

витию ряда признаков, с другой стороны,-торможению ряда процессов. Совокупность этих явлений составляет специфику говора. Так, для говора характерны: а) сворачивание флексии -у в родит. падеже един. числа вещественных и отвлеченных имен существительных мужского рода; б) недифференцированные распределение по отношению к родовой принадлежности и характеру основы флексий имен. и родит. падежей имен существительных множественного числа (и́збы, до́мы, во́слы; си́лачо́ф, дамо́в, жэ́ншынъв, палто́в, цыга́нъв);в) непродуктивность глагольных образований на -ну- с экспрессивной окраской в значении; г) наличие параллельных глагольных форм для выражения действия в прошлом (он пи́рашо́л, он был пи́рашо́л : он был пи́рашо́фшы, он пи́рашо́фшы, в на́во́ пи́райдо́на); широкий охват основ с явлением "второго полногласия" (йаро́ш 'ерш', во́лъга 'Волга', чэ́риф 'червь', чатве́риг) и др.

6. Окраинный говор, как правило, представляет собою консервативный ареал. Наш говор в этом отношении не является исключением. В нем отложились такие фонетические архаичные черты, как остатки старых акцентологических типов (ро́ги, гла́зы, ко́лъм), словоформы типа ве́хатса 'вешаться', чыхну́т, чеснуть', таки́ло 'точило', ме́сик.Из морфологических архаизмов сохраняются некоторые падежные формы (бе́си, в по́лих, к за́мли́), остатки плюсквамперфекта (стари́к был забале́л, была́ е́здила в ра́пину) и супина (пайе́хъли пра́знъват, хади́л у́дит). Помимо этого, категория одушевленности/неодушевленности не охватывает в должной мере имен существительных множественного числа (куни́цы хо́дат мы́шки лави́т, да ве́чыра судаки́ ло́виш,

даржáли кóни, сйадýт бéлки каки-та звéри). Данное положение отражает более раннюю эпоху в развитии языка.

Реликтовые явления пронизывают значительную часть фонетической и морфологической системы и дают основание относить наш говор к числу архаичных.

7. Архаичные формы уживаются в говоре с явлениями, развивающимися под воздействием литературного языка. Влияние нормы сказывается в первую очередь в речи мужчин среднего возраста, в деловой речи и проявляется в том, что носителям говора известны литературные формы, и при случае они могут их употреблять, однако предпочитают пользоваться местными. Такой канал проникновения нормированных элементов языка, как новейшая лексика, в нашем говоре не всегда эффективен. Часто фонетическое и морфологическое освоение неологизмов происходит в соответствии с диалектными языковыми особенностями (авáриев, райáлив, рéнда). Нередко неологизм проникает посредством эстонского языка и сохраняет его произносительные и грамматические черты (клúма, инвентýр, мýдэл). Однако в заимствованиях чаще отмечаются варианты диалектных и литературных форм (тиливúзар : тилавúзар, притсидáтил : притсадáтил).

Устойчивость диалектных элементов, замедленный процесс их нивелировки объясняется, видимо, и тем, что значительная часть культурной жизни Мехикоорма осуществляется на эстонском языке. Русский нормированный язык воздействует через школу, частично (и в то же время пассивно) - через печать, телевидение, радио, кино.

8. Пройдя сложный путь развития, в продолжении которого немаловажную роль играли происхождение самих русских и формы контактирования с неродственным эстонским языком, говор развил свои специфические черты и особенности. В отдельности они свойственны различным диалектным группам русского языка. Однако их ареалы совпали на данный территории и в своей совокупности выделяют говор Мехикоорма как таковой.

На примере рассмотренного говора можно проследить, каким образом в одной из микросистем происходит отбор наиболее жизненных языковых элементов из ряда возможных вариантов. Какие из общерусских и диалектных языковых черт при определенных социальных условиях проявляют наибольшую устойчивость во времени и какие участки фонетической и морфологической системы в первую очередь подвергаются воздействию неродственного языка.

БИБЛИОГРАФИЯ

Литература на русском языке

I. Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка, М., I956.

2. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии, ч. I, М., I949.

3. Аванесов Р.И. К истории средневеликорусских говоров. - Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып. I, М., I946.

4. Агульникова З.Я. Из наблюдений над говором русского населения на территории Молдавской ССР. - Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В.И.Ленина. № 224, М., I964.

5. Азарх Ю.С. Отвердение парных мягких согласных в вологодско-кировских говорах. - Сб. "Очерки по фонетике севернорусских говоров", М., I967.

6. Альтин Л.Э. Некоторые топонимические наименования на острове Пийрисааре. - Уч. зап. ТГУ, вып. I04, Труды по русской и славянской филологии, т. IУ, I96I.

7. Андреева Л.К. Новые сочетания согласных с *j* в восточнославянских языках. - Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, т. Ш, М., I962.

8. Арутюнова Н.Д. Обратное словообразование и вопросы несобственной деривации. - ВЯ, I960, № 2.

9. Ахманова О.С. Экстралингвистические и внутрилингвистические факторы в функционировании и развитии языка. - В кн.: Теоретические проблемы современного языкознания, М., I964.

I0. Баранникова Л.И. О некоторых особенностях развития диалектов на территории позднего заселения. - Сб. "Язык и общество", Саратов, I967.

II. Баранникова Л.И. К проблеме изучения взаимодействия языков и диалектов на территории позднего заселения. - Сб. "Вопросы славянского языкознания", Саратов, I968.

I2. Барановская С.А. Консонантизм современного русского языка. АКД, М., I967.

I3. Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, М., I96I.

I4. Богородицкий В.А. Краткий очерк диалектологии и истории русского языка, Казань, I9I0.

I5. Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков. - В кн.: И.А.Бодуэн де Куртенэ, Избранные труды по общему языкознанию, т. I, М., I963.

I6. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол, Л., I967.

I7. Бондарко А.В. Настоящее историческое в славянских языках с точки зрения глагольного вида. - Сб. "Славянское языкознание", изд. АН СССР, М., I959.

I8. Бондарко А.В. Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола. - Уч. зап. Института славяноведения АН СССР, т. XXШ, I962.

I9. Бондарко А.В. К проблеме функционально-семантических категорий. - ВЯ, I967, № 2.

20. Бондарко Л.В. Некоторые качественные характеристики неоднородности русских ударных гласных. - Уч. зап. ЛГУ, № 325, вып, 69, Вопросы фонетики, I964.

21. Борковский В.И. Лингвистические данные новгородских грамот на бересте. - В кн.: А.В.Арциховский и В.И.Борковский "Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г)", М., 1958.

22. Борковский В.И. О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII - XIУ вв. - Известия Крымского пед. ин-та им. М.В.Фрунзе, т. IX, Языкознание, 1940.

23. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка, М., 1963.

24. Браславец К.М. Диалектологический очерк Камчатки, Южно-Сахалинск, 1968.

25. Брок О. Очерк физиологии славянской речи. "Энциклопедия славянской филологии", вып. 5, 2, СПб., 1910.

26. Бромлей С.В. Принципы классификации глагола в современном русском языке. - ВЯ, 1965, № 5.

27. Бувальцева М.Н. Говоры Белозерского района Вологодской области. Канд. дисс., М., 1955.

28. Будде Е. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора, Варшава, 1892.

29. Буланин Л.Л. О некоторых проблемах залоговости в русском языке. - Уч. зап. ЛГУ, № 322, серия филологических наук, вып. 68, 1963.

30. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка, т. I, Киев, 1952.

31. Бурова Е.Г. Диалектные изменения и замены к при сочетании его с последующими взрывными согласными (в предложно-падежных конструкциях). - Сб. "Очерки по фонетике северно-русских говоров", М., 1967.

32. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка, М., 1959.

33. Вандриес Ж. Язык, М., 1937.

34. Васильев А. и Янсон А. Древний Псков, Л., 1929.

35. Верещагин Е.М. Заметки и монографии У.Вайнрайха "Языковые контакты". - Сб. "Вопросы порождения речи и обучения языку", изд. МГУ, 1967.

36. Верещагин Е.М. О проблеме заимствования фонем. - Сб. "Язык и общество", М., 1968.

37. Веске М. Славяно-финские культурные отношения по данным языка, Казань, 1890.

38. Виноградов В.В. Русский язык, М.-Л., 1947.

39. Высотский С.С. Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы. - Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР, вып. 1, М.-Л., 1948.

40. Высотский С.С. О говоре д. Лека. - Материалы и исследования по русской диалектологии, т. II, М.-Л., 1949.

41. Высотский С.С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах. - Сб. " "Очерки по фонетике севернорусских говоров", М., 1967.

42. Гвоздев А.Н. К вопросу о влиянии междиалектного общения на фонетические системы русских говоров. - Известия ОЛИЯ АН СССР, вып. 3, т. 7, 1948.

43. Глускина С.М. Сложные числительные в истории русского языка. - Уч. зап. Псковского гос. пед. ин-та им. С.М. Кирова, вып. УП, 1961.

44. Глускина С.М. Морфологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах. - Сб. "Псковские говоры I", Псков, 1962.

45. Глускина С.М. Упрощение некоторых групп согласных (на материале Псковского областного словаря). - Сб. "Слово в народных говорах русского Севера", изд. ЛГУ, 1962.

46. Глускина С.М. О приставке с-/з- в современных псковских говорах. - "Вопросы теории и истории языка", Сборник статей, посвященный памяти Б.А.Ларина, изд. ЛГУ, 1969.

47. Горшкова К.В. Развитие диалектных различий северно-русских говоров в системе вокализма. - ВЯ, 1964, № 5.

48. Горшкова К.В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси (по данным исторической фонологии). АДД, М., 1965.

49. Грамматика русского языка, т. I, изд. АН СССР, М., 1952.

50. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси, ч. I, М., 1952.

51. Гринкова Н.П. Средний род в русских диалектах. - Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А.И.Герцена, т. 59, 1948.

52. Гринкова Н.П. Мстинский говор. (Очерки по русской диалектологии, УШ). - Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А.И.Герцена, т. 69, 1948.

53. Гринкова Н.П. О случаях второго полногласия в северо-западных диалектах. - Труды Института русского языка АН СССР, т. 2, 1950.

54. Грот Я. Слова областного словаря, сходные с финскими. - В кн.: Филологические разыскания, т. I, изд. 2, Спб., 1876.

55. Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I - IУ, М., I955.

56. Даурова Л.Х. Двуязычие, его виды и этапы развития. - Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В.И.Ленина, N 240, Статьи и исследования по русскому языку, [illegible], I964.

57. Дешериев Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе, М., I966.

58. Дмитриева Л.К. К вопросу о значении и генезисе отпричастных форм. - Сб. "Псковские говоры I", Псков, I962.

59. Дурново Н.Н. Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии, РФВ, I903.

60. Дурново Н.Н. Отчет экспедиции для определения границы оканья и аканья. - Труды Московской диалектологической комиссии, вып. 3, I9I5.

6I. Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка диалектологии, М., I9I5.

62. Евгеньева А.П. Третья диалектологическая экспедиция филологического факультета. - Доклады и сообщения филологического факультета ЛГУ, вып. I, I949.

63. Емельченко И.Р. Категория рода в уральском степном говоре. - Уч. зап. Гурьевского гос. пед. ин-та, вып. I, I958.

64. Еськова Н.А. Образование синтетических форм степеней сравнения в современном русском литературном языке. - Сб. "Развитие грамматики и лексики современного русского языка", М., I964.

65. Жирмунский В.М. Внутренние законы развития языка и проблема грамматической аналогии. - Труды Института языко-

знания АН СССР, т. IУ, I954.

66. Жуковская З.В. О типе говоров к югу от Гдова. - Сб. "Псковские говоры I", Псков, I962.

67. Жуковская З.В. О типах говоров южнее Приладожья и Прионежья. - Уч. зап. Псковского гос. пед. ин-та им. С.М.Кирова, вып. УП, I96I.

68. Жуковская З.В. Об особенностях безударного вокализма в говорах к северо-востоку и востоку от Пскова. - Сб. "Псковские говоры П", Псков, I968.

69. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение, М., I967.

70. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию, М., I962.

7I. Зеленин Д.К. О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода. - Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, I954, № 6.

72. Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации, СПб., I9I3.

73. Зиндер Л.Г. Общая фонетика, Л., I960.

74. Зиндер Л.Г. Влияние темпа речи на образование отдельных звуков. - Уч. зап. ЛГУ, № 325, вып. 69, Вопросы фонетики, I964.

75. Иванов В.В. Историческая фонология русского языка, М., I968

76. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, П, Братислава, I960.

77. Исаченко А.В. О грамматическом значении. - ВЯ, I96I, № I.

78. Калнынь Л.Э. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке. - Уч. зап. Института славяноведения АН СССР, т. ХШ, I956.

79. Калнынь Л.Э. Развитие корреляции твердых и мягких фонем в славянских языках, М., 1961.

80. Каринский Н. Язык Пскова и его области в XУ веке, СПб., 1909.

81. Карский Е.Ф. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. I, изд. АН СССР, М., 1955.

82. Карцевский С. Система русского глагола. IУ - Вид. - Сб. "Вопросы глагольного вида", М., 1962.

83. Клычков Г.С. Индоевропейское / ȣ / и некоторые вопросы ларингальной теории. - Сб. "Процессы развития в языке", М., 1959.

84. Коготкова Т.С. Утрата интервокального j и стяжение гласных в русских говорах, АКД, Л., 1953.

85. Коготкова Т.С. Стяжение гласных в русских говорах и его отношение к различным морфологическим категориям. - Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, вып. II, М., 1961.

86. Козлова К.И. Русские западного побережья Чудского озера. - Труды Института этнографии АН СССР, т. 23, М., 1954.

87. Колесов В.В. Особенности фонетической модели, развивающей аканье. - ВЯ, 1964, № 4.

88. Колесов В.В. Развитие акцентологических типов в псковском именном склонении. - Сб. "Псковские говоры II", Псков, 1968.

89. Копорский С.А. Архаические говоры Осташковского района Калининской области. - Уч. зап. Калининского пед. ин-та, т. X, вып. 3, 1946.

90. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (Проблемы языкового изменения). - в кн.: Новое в лингвистике, вып. Ш, М., 1963.

91. Котков С.И. К изучению орловских говоров. - Уч. зап. Орловского гос. пед. ин-та, т. УП, вып. 3, 1952.

92. Котков С.И. Говоры Орловской области. Фонетика и морфология. Докт. дисс., М., 1952.

93. Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза. - Сб. "Вопросы глагольного вида", М., 1962.

94. Кретова В.Н. Морфологические особенности южно-русских говоров. - Известия Воронежского пед. ин-та, т. 42, 1962.

95. Кузьмина И.Б. и Немченко Е.В. О некоторых синтаксических явлениях в говорах юго-западных и центральных областей к западу от Москвы. - Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, № 10, М., 1956.

96. Кузнецов П.С. К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах. - Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 3, М.-Л., 1949.

97. Кузнецов П.С. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. - Материалы и исследования по русской диалектологии, т. I, М.-Л., 1949.

98. Кузнецов П.С. К вопросу о качестве безударных гласных непервого предударного слога в акающих говорах. - Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР, вып. 2, М., 1948.

99. Кузнецова А.М. Изменения гласных под влиянием соседних мягких согласных, М., 1965.

100. Луппова Е.П. Об употреблении глагольных форм 3-го лица без -т в настоящем и будущем простом времени в северновеликорусских говорах. - Сб. "Вопросы языкознания", Л., 1963.

101. Луппова Е.П. К вопросу о распространении диалектных особенностей в области согласных в говорах Кировской области. - Сб. "Очерки по фонетике севернорусских говоров", М., 1967.

102. Мазон А. Вид в славянских языках (Принципы и проблемы), М., 1958.

103. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии), М., 1960.

104. Маслов Ю.С. К вопросу о происхождении посессивного перфекта. - Уч. зап. ЛГУ, № 97, вып. 14, 1949.

105. Маслов Ю.С. Заметки о видовой дефективности (преимущественно в русском и болгарском языках). - Сб. "Славянская филология", изд. ЛГУ, 1964.

106. Маслов Ю.С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. - Сб. "Вопросы общего языкознания", Изд. ЛГУ, 1965.

107. Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. - Вопросы грамматики болгарского литературного языка, М., 1959.

108. Матвеева Г.И. Диалектные особенности числительных пять - десять. - Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, вып. II, М., 1961.

I09. Матусевич М.И. Введение в общую фонетику, М., I948.

II0. Матусевич М.И. и Любимова Н.А. Артикуляция русских звуков под ударением на основе рентгенографических данных. - Уч. зап. ЛГУ, № 325, вып. 69, Вопросы фонетики, I964.

III. Меновщиков С.А. К вопросу о проницаемости грамматического строя. - ВЯ, I964, № 5.

II2. Михайлов М.М. Об изучении проблемы двуязычия. - Сб. "Язык и общество", М., I969.

II3. Моора Х.А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. - В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа, Таллин, I956.

II4. Моора Х.А. и А.Х. Из этнической истории води и ижоры. - Сб. "Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений". Таллин, I965.

II5. Мосиенко В.Т. Редукция конечных гласных и ее влияние на судьбу категории среднего рода в уральских говорах. - Сб. "Вопросы истории и диалектологии русского языка", вып. I, Челябинск, I965.

II6. Мосиенко В.Т. Переход имен существительных среднего рода в мужской в говорах Южного Урала. - Тезисы докладов на X диалектологическом совещании II-I4 мая I964 года, М., I965.

II7. Мурникова Т.Ф. Русские говоры в Эстонии. - Уч. зап. Латвийского гос. ун-та им. П.Стучки, т. 36, I960.

II8. Мурникова Т.Ф. Описание русского говора острова Пийрисаар. - Уч. зап. ТГУ, вып. I9, Труды по русской и славянской филологии, т. У, I962.

II9. Мурникова Т.Ф. Из материалов диалектологических экспедиций на остров Пийрисаар (I955 - I960 гг.). - Уч. зап. ТГУ, вып. I04, Труды по русской и славянской филологии, т. IУ, I96I.

I20. Мурникова Т.Ф. Личные имена в говоре Причудья (по материалам диалектологической экспедиции I958 г.). - Уч. зап. ТГУ, вып. 78, Труды по русской и славянской филологии, т. II, I959.

I2I. Муст М.Я. Русско-эстонское двуязычие в северо-восточной Эстонии. - Сб. "Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений", Таллин, I965.

I22. Немченко В.Н., Синица А.И., Мурникова Т.Ф. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. - Уч. зап. Латвийского гос. ун-та им. П.Стучки, т. 5I, I963.

I23. Немченко В.Н. Говор русских старожилов Ионавского района Литовской ССР. АКД, Вильнюс, I96I.

I24. Немченко В.Н. Отсубстантивные прилагательные с суффиксом -н- в говорах русских старожилов Прибалтики. - Уч. зап. Латвийского гос. ун-та им. П.Стучки, т. 92, Диалектологический сборник, I968.

I25. Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке, вып. I, Л., I927.

I26. Обнорский С.П. Переход е в о в современном русском языке. - "А.А.Шахматов. Сборник статей и материалов", М.-Л., I947.

I27. Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола, М., I953.

I28. Обнорский С.П. Возвратные глаголы на -ся в русском языке. - Известия ОЛИЯ АН СССР, т. I9, вып. I, М., I960.

I29. Овчинникова В.С. Поозерский говор. АКД, Л., I95I.

I30. Орлова В.Г. Губные спиранты в русском языке. - Труды Института русского языка АН СССР, т. 2, М.-Л., I950.

I3I. Орлова В.Г. Русско-белорусские отношения по данным диалектологических атласов. - Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, т. П, М., I96I.

I32. Орлова В.Г. Разработка исторической фонетики по данным диалектов. - Славянская филология, I, М., I958.

I33. Орлова В.Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров, М., I959.

I34. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века, под ред. В.В.Виноградова и Н.Ю.Шведовой, М., I964.

I35. Паклар Э.К. Где произошло ледовое побоище? - Исторические записки, I95I, № 37.

I36. Панов М.В. Языки народов СССР, т. I. Индоевропейские языки, М., I966.

I37. Пауль Г. Принципы истории языка, М., I960.

I38. Пауфошима Р.Ф. Согласные неполного смягчения перед гласными неполного образования в говорах Харовского района Вологодской области. - Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, вып. II, М., I96I.

I39. Пеньковский А.Б. О некоторых последствиях усвоения мягкого ч в переходных говорах западной Брянщины. - Сб. "Вопросы языкознания", Л., I963.

I40. Пеньковский А.Б. Ассимилятивные изменения согласных по твердости-мягкости в говорах Западной Брянщины. - Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А.И.Герцена, т. I73, I958.

I4I. Петрова З.М. Посессивный перфект в псковских говорах. - Сб. "Псковские говоры II", Псков, I968.

I42. Пизани В. Общее и индоевропейское языкознание. - В кн.: Общее и индоевропейское языкознание, М., I956.

I43. Полное собрание русских летописей, изд. Археографической комиссии, т. IУ, СПб., I848.

I44. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике, т. I - II, М., I958.

I45. Пшеничников П.Г. Русские в Прибалтийском крае, Рига, I9I0.

I46. Пшеничникова Н.Н. Некоторые фонетико-морфологические особенности говоров к югу и юго-западу от Онежского озера. - Сб. "Очерки по фонетике севернорусских говоров", М., I967.

I47. Пялль Э., Тотсель Э., Тукумцев Г. Сопоставительная грамматика эстонского и русского языка, Таллин, I962.

I48. Реформатский А.А. О соотношении фонетики и грамматики. - В кн.: Вопросы грамматического строя, М., I955.

I49. Реформатский А.А. Введение в языкознание, М., I960.

I50. Рихтер Е. Заметки о терминах сельскохозяйственных орудий и жилища у староверов Причудья. - Тезисы докладов на диалектологической конференции по изучению русских говоров Прибалтики, Тарту, I968.

I5I. Розенцвейг В.Ю. О языковых контактах. - ВЯ, I963, № I.

I52. Розенцвейг В.Ю. Динамика языковых котактов. - Материалы конференции "Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е.Д.Поливанова", т. I, Самарканд, I964.

I53. Руделев В.Г. К фонологической интерпретации русского аканья. - ВЯ, I963, № 2.

I54. Русская диалектология, под ред. Р.И.Аванесова и В.Г.Орловой, М., I965.

I55. Сало И.В. Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии. Канд. дисс., М., I966.

I56. Самохвалова Е.И. Среднерусские говоры в украинском окружении. - Уч. зап. Латвийского гос. ун-та им. П.Стучки, т. 92, Диалектологический сборник, I968.

I57. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. II, Рига, I876.

I58. Селищев А.М. Русский язык у инородцев Поволжья. - Slavia, ročn. 4, seš. 1, 1925.

I59. Сергеева Т.В. Категория грамматического рода имен существительных в говоре с.Громы Братского района Иркутской области. - Уч. зап. Иркутского гос. пед. ин-та, вып. 25, Серия лингвистическая, I966.

I60. Сердюченко Г.П. Лингвистический аспект двуязычия. - Труды Института языкознания Казахской ССР, т. 3, 1963.

I6I. Сивицкене М.К. Об особенностях родового оформления имен существительных в русских говорах Литвы. - Тезисы докладов на диалектологической конференции по изучению русских говоров Прибалтики, Тарту, 1968.

I62. Сивицкене М.К. Об особенностях проявления некоторых морфологических черт в русских говорах Литвы. - Уч. зап. Латвийского гос. ун-та им. П.Стучки, т. 92, Диалектологический сборник, 1968.

I63. Сидоренская Н.Д. Некоторые наблюдения над словообразованием неличных местоимений в псковских говорах. - Сб. "Псковские говоры П", Псков, 1968.

I64. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка, изд. 4, М., 1907.

I65. Соболевский А.И. Важная особенность старого псковского говора. - РФВ, 1909, № 3 - 4.

I66. Современный русский язык. Морфология /Курс лекций/, под ред. В.В.Виноградова, М., 1952.

I67. Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка, т. I - III, СПб., т. III, 1903.

I68. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка, М., 1959.

I69. Столбунова В.И. Говоры русских поселений на Буковине. Канд. дисс., Черновицы, 1960.

I70. Строганова Т.Г. О предударном вокализме говоров северо-запада Псковской области. - Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, т. Ш, М., I962.

I7I. Строганова Т.Г. К характеристике русских говоров северо-запада. - Сб. "Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений", Таллин, I965.

I72. Супрун А. О русских числительных, Фрунзе, I959.

I73. Теплова В.Н. Звуки /л/, /ɫ/, /ў/ на месте этимологического л твердого и их место в фонологической системе севернорусских говоров. - Сб. "Очерки по фонетике севернорусских говоров", М., I967.

I74. Томсон А.И. Заметки к "Очерку физиологии славянской речи" О.Брока. - РФВ, I9II.

I75. Трубецкой Н.С. Основы фонологии, М., I960.

I76. Трубинский В.И. Предикативное деепричастие в говорах русского Северо-Запада. АКД, Л., I962.

I77. Трубинский В.И. Функциональные варианты отпричастной формы в русских говорах Северо-Запада. - Сб. "Псковские говоры П", Псков, I968.

I78. Трусман Ю. Исакские полуверцы в Эстляндской губернии. - Временник Эстляндской губернии, кн. П, I894. Труды Эстляндского Губернского Статистического комитета, т. ХП, Ревель, I895.

I79. Филин Ф.П. Заметки о записях материалов по синтаксису. - Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР, вып. 4, М.-Л., I948.

I80. Филин Ф.П. К вопросу о происхождении аканья. - Диалектологический сборник II, Вологда, I94I.

I8I. Филин Ф.П. Заметки о состоянии и перспективах советского языкознания. - ВЯ, I965, № 2.

I82. Фортунатов Ф.Ф. О залогах русского глагола. - Известия ОРЯС АН СССР, т. IУ, кн. 4, I899.

I83. Фонетика современного русского языка. Народные говоры, под ред. М.В.Панова, М., I968.

I84. Фролова С.В. История образования притяжательных и притяжательно-относительных прилагательных с суффиксами -й-/-ьй и -ов/-ев в русском языке. АДД, Куйбышев, I962.

I85. Хааг К. О границах диалектов. - Сб. "Немецкая диалектография", М., I955.

I86. Хейтер Х. О русском диалекте в Ийзаку. - Уч. зап. ТГУ, вып. 200, Труды по русской и славянской филологии, т. ХП, I967.

I87. Хейтер Х. Диалектный русско-эстонский билингвизм на территории Эстонской ССР. - Уч. зап. Латвийского гос. ун-та им. П.Стучки, т. 92, Диалектологический сборник, I968.

I88. Хейтер Х. Диспалатализация в русском говоре Ийзаку как следствие взаимодействия с эстонским языком. - СФУ, I968, № 3.

I89. Хейтер Х. Об эстонском влиянии на систему гласных фонем в русском говоре Ийзаку. - СФУ, I968, № 2.

190. Хренова Н.И. О выборе флексии -у в родительном и местном падежах единственного числа у существительных мужского рода. - Известия ОЛИЯ АН СССР, т. 26, вып. I, 1967.

191. Царева Л.И. Говор юго-западной части Псковской области. Канд. дисс., Л., 1954.

192. Царева Л.И. Аканье и яканье в говорах юго-западной части Псковской области. - Сб. "Псковские говоры I", Псков, 1962.

193. Чагишева В.И. К вопросу о категории среднего рода в местных говорах. - Сб. "Псковские говоры II", Псков, 1968.

194. Чернышев В.И. Псковское наречие. - Труды Комиссии по русскому языку, т. I, Л., 1931.

195. Шахматов А.А. Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. - Известия ОРЯС АН СССР, т. XVIII, кн. 4, 1913.

196. Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка, М., 1957.

197. Шмелев Д.Н. О некоторых тенденциях развития современной русской лексики. - Сб. "Развитие лексики современного русского языка", М., 1965.

198. Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения. - В кн.: Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I, Л., 1958.

199. Щерба Л.В. Фонетика французского языка, М., 1963.

200. Щерба Л.В. Восточнолужицкое наречие, т. I. Записки историко-филологического факультета Императорского Петроградского ун-та, 1915.

201. Якобсон Р. Фонетика одного северновеликорусского говора с намечающейся переходностью, Прага, 1927.

202. Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке, М., 1962.

Литература на других языках

203. Ariste P. Korjamismatkal poluvertsikute maal. - Eesti kirjandus, 1930.

204. Ariste P. Vene laenu sõnadest vanemas eesti kirjakeeles. - Keel ja kirjandus, 1958, nr. 1.

205. Ariste P. Ühest keelekontakti juhust. - Keel ja kirjandus, 1962, Nr. 9.

206. Ariste P. Eesti keele foneetika, Tartu, 1966.

207. Ariste P. Kolm kohalikku keelt. - Keel ja kirjandus, 1969, Nr. 3.

208. Bielfeldt H.H. Klassifizierung der russischen Verben. - Russichunterricht, 5, Heft 9, 1952.

209. Eesti maateadusline, majandusline ja ajalooline kirjeldus. I. Tartumaa, Tartus, 1925.

210. Eesti maateaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus. II. Võrumaam, Tartu, 1926.

211. Haugen E. The Norwegian Language in America. A Study in Bilingual Behaviour, Vol. 2, Philadelphia, 1953.

212. Haugen E. Bilingualism in the Americas. A Bibliography and Research Guide, Alabama, 1956.

213. Havránek B. Zur Problematik der Spachmischung.- Travaux linguistigues de Prague, Vol. 2, Prague, 1966.

214. Hazai G. Prolog istorjatu morfeme-luk. - Зборник за филологийу и лингвистику, Нови Сад, I964, № 7.

215. Hindov N. Ap. Õigeusu Räpina kogudus 1752 - 1937, Tartu, 1937.

216. Jakobson R. Die Verteilung der stimmhaften und stimmlosen Gerärschlauten im Russischen. - В кн.: Selected Writings. I, s'Gravenhage, 1962.

217. Iensen I. Eesti ajalooline atlas, Tartu, 1933.

218. Kaldmaa A. Iisaku kihelkonna poluvertsikud. - Eesti kirjandus, 1937.

219. Kalima I. Die Ostseefinnischen Lehnwärter im russischen, Helsinki, 1915.

220. Karcevski S. Système du verbe russe, Prague, 1927.

221. Kas tunned maad, Tallinn, 1965.

222. Mikkola I.I. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen sprachen, Helsingfors, 1894.

223. Must M. Vene-eesti suhete kajastumine lõuna-eesti murrete sõnavaras. Канд. диссерт. Таллин, I954.

224. Mölder A. Eesti ja vene keele kõrvutav grammatika, Tallinn, 1967.

225. Perušek R. O rabi dovršnih in nedovršnih glagolov v novi Slovenščini. - Iahresbericht d. K.K.I. Staatsgymnasiums zu Laibach, 1910.

226. Zawadowski L. Fundamental Relations in Language Contact. - Biuletyn Polskiego Towarzystwa Jezykoznawezego, XX, Wroclaw - Warszawa - Krakow, 1961.

227. Valgma I., Remmel N. Eesti keele grammatika, Tallinn, 1968.

228. Von Weiss A. Hauptprobleme der Zweisprachigkeit. Eine Untersuchung auf Grund deutsch/estnisch Materials, Heidelberg, 1959.

229. Weinreich U. Languages in Contact, New Iork, 1953.

230. Üleriikline asumite nimestik, Tallinn, 1923.

Сокращения, принятые в библиографии

АДД - Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук.

АКД - Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

АН - Академия наук.

ВЯ - Вопросы языкознания.

ЖМАП - Журнал министерства народного просвещения. СПб.

ЛГУ - Ленинградский государственный университет.

МГУ - Московский государственный университет.

ОЛИЯ - Отделение литературы и языка.

ОРЯС - Отделение русского языка и словесности.

РФВ - Русский филологический вестник. Варшава.

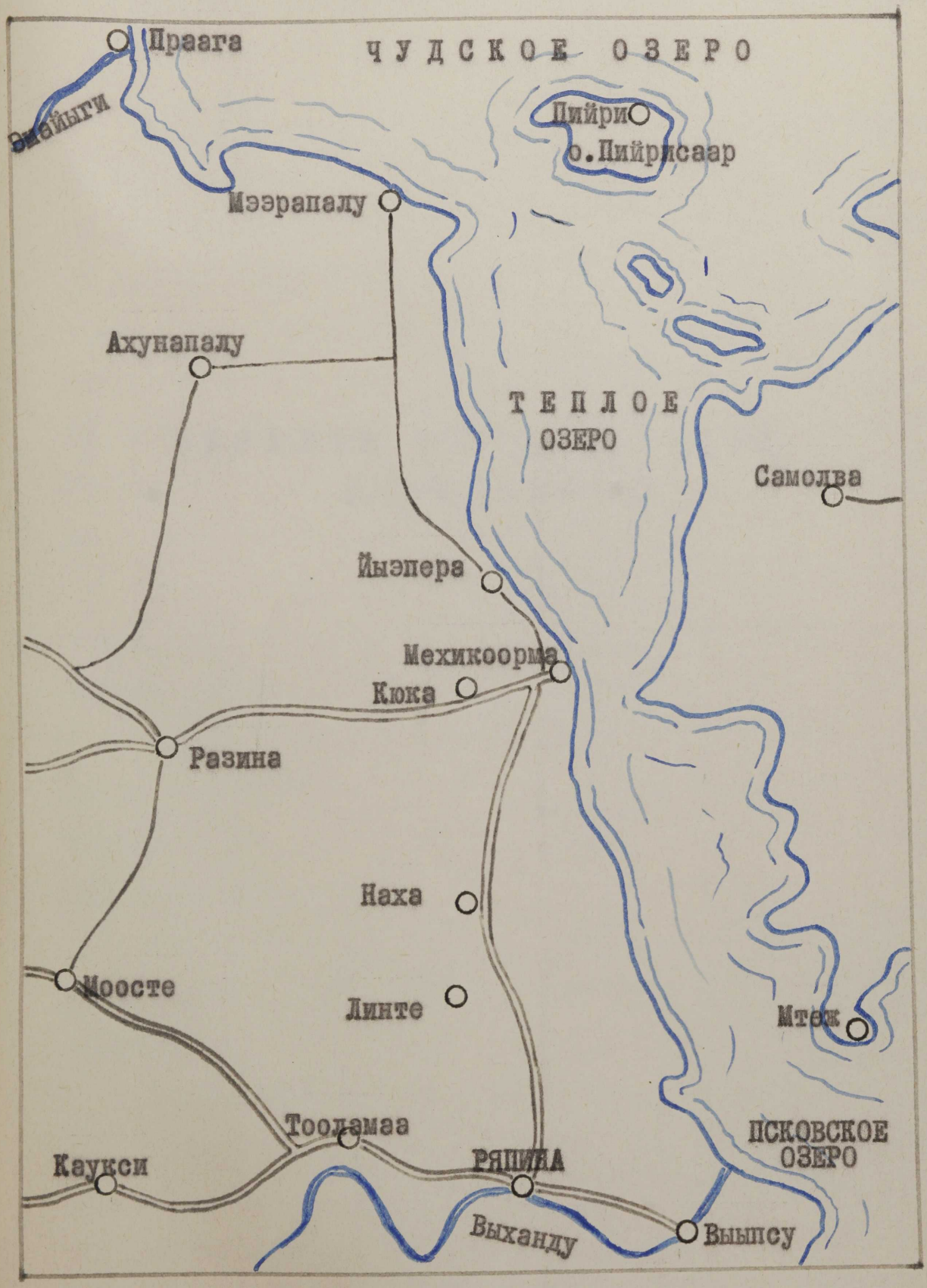
СФУ - Советское финно-угроведение. Таллин.

ТГУ - Тартуский государственный университет.

Уч. зап.- Ученые записки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Карта исследуемой местности



ОБРАЗЦЫ РЕЧИ МЕСТНЫХ СТАРОЖИЛОВ

I. Р ы ж о в Виктор Николаевич (83 года, 4 класса образование)

Мехикорма па-руски изменка - пачыму на зайу и дедушка на знал зато шта ана и раньшы так была названа / Озира эта топлъйа называицца / здес сама уска места раньшы бабы памало пиридавали чэрис / сама глыбока места дваццыт метрав глыбина - града где бакин стаит / аттудава сколки паска увадили / там чыстый пасок / ф тарту многа вадили паска на пастройку ал куды йашшо / а то азорка умбйарв завут а тут толка пожна / туды беригам пайдош рака мексийыги / раньшы тут капали йану глыпшы / тапер можна сухой нагой чъриз лес.

Йа здес радифшы / йа был чатыри года старый как атса деривам убила / мат жыла ва вдавицах сем гот / тапер вот в мана внучка учытилша / йайу хатели директърам, ана ни стала.

Тут электрик спалил дом / он малол сена и была папафшы гвозд / ат этъва в машке загарелас / ани жывут тапер в старъй даревни / а старъйа толки на бирагу где клуб / там был кабак или карчма кирпишнъйа.

Эта шура с изменка / муж аттудъва с сосниц приехъфшы / он принятый был сосницкай / йа ишшо был малодый так ехал в сосницы.

В нас самли на была / летам в мурнуйу ухадили / у истонцъв грунты были куплины зашшот мызникъф / их болшы была / йа был каманшшык с сынавйам работал / сыновйи сынавйа тожы умели / ездил в горъди ф тарту работал / адно лета в риги палучал сорак капек в час / ни каждый палучал, кто углавой мастир угол гонит / каторый ф саротки триццыт капек.

Старавéр тут нá жы́ла / в бирáзйáх их ест / мы стрóили в расéи там чы́ста старавéры / в их малéнна ест старавéрска ф цэ́ркаф нá хóда / прáзники дéржут в нас па-нóвъму а в расéи па-стáръму.

В нас йáрмърка зимóй скалкóвъта йънварá была / с расéи лон прадавáт éздили / снáтки тóлки с óсини лавили так лóдък штýки трúццыт стайáла с рýнницы с хамутóва / прийажжáли купцы убирáли снáты.

Эти гóды с дáсáтъва мáйа да дватсáтъва прикáз брóсит лавит а в éтым да пéрвъва áугуста - икрó так бы́стра нá паспавáит / навáдáм лóват / кагдá пагóда харóша да тúха тадá йа éжжу лавит / с ýдъчкай тóлки сйéдиш / судаки, пáсуки, плáтвá пападáйе / на сáкýшку нá бáрóтса / фчарáс гарáзд был пагóда худáйа / дóждик лáтéл / йа сам был выихъфшы / васнóй бóлшы фсавó пападáит ва врéмá нарóста (нерест - В.М.) рыба так и рвó.

Нóнчы чарники марóзъм пабúла, иáблъни мнóга смóрзли / ны́нчы йáблъчка ни пайéстиш.

Нóву шкóлу фсó с тáрту рабóтали паинъчы как мы / ис цэ́рквы кирпúч брáли, в цэ́рквы кирпúч крéпшы / прицапили трáктър да пустили скрос / трáктър трос сарвáл нá стáли тагáт бóлшы / ф стáръйа врéмá стрóили прамéш клáли вóйлук са стáклóм смéшъна / и дирáвéнски стрóйат / тут избý начáфшы кирпичáм клас, клуп там да инжырéйу стрóйат.

Типéр малóдыи фсó в гóръд лéзут / вот арсéний ушол в лóтчыску камáнду, тут тижалó.

2. С т а н е в и ч Ольга Ивановна (урожденная Колпакова, 73 года, образование 3 класса)

В мана́ две дачки́ и сын / анна́йа дачка́ ф та́рту / йана́ на пат год мало́жыта е́тый / ско́ра нам фсе́м бу́дит де́н ражэ́нйа / сын жы́фшы, жыво́т за пы́лвай пат киламе́трав притсада́тилим в халхо́зи / дво́йки у наве́ски (близнецы - В.М.) две де́въчки / анну́йу йа взала двухме́сишну суды́ка и расти́ла да ади́ннътсъти гот / ани́ чаты́ри зимы́ в ру́скъй шко́лы атбы́ли пиривали́ абе́их, в исто́нску шко́лу паста́вили / там на́да исто́нский йазы́к / йа гавару́ палажы́ ты их в ру́ску шко́лу / куды́ тапе́р да́тей заучы́лис / он во́сим год рабо́тъл в а́хйи притсада́тилим / атту́дъва калхо́зы сйидини́ли ф ку́чу / йаво́ паста́вили ф та́ллин ф шко́лу а атту́да в пы́лва / балшо́й халхо́з йаму́ гара́с тут баха́тый / йон двацца́тъва го́да ради́фшы / чаты́рнъцыти год взали́ са шко́лы йаво́ вон / йон фсо ишо́л фпаро́т / зинаи́да мла́дшы как он / и в ей пато́рки бы́ли / рафме́тику рафме́тила а исто́рийа ей ни шла ниско́лка, ни панима́ла рассказа́т / как пачно́т исто́рийу учы́тса ей так на́да выу́чытса как сти́шок а мати́ма́тику учы́лас харашо́ / за исто́рийу йана́ аста́лас / чаты́ри зимы́ атхади́ла / дати́нны-та де́ти то́жы шко́латса.

Йа нимно́шка в ради́тилах пажы́ла / мало́да за́муж пашла́ / сама́ хади́ла на рабо́ту / се́м падпу́рий за́мли бы́ла / киламе́тра три бы́ла по́ли-та на́шы а си́нако́са бы́ла на э́ту сто́ръну / дро́вы грузи́ли / ба́ржы бы́ли балшы́и / ф саро́тки кто грузи́ли и уклада́ли, а мы кида́ли в ба́ржы / ни адна́ лотка бы́ла / ну́жна бы́ла падйе́хът укура́тна и склада́т туды́ка / ба́ржа бы́ла с чи́тыром два́рам / ки́ниш э́та пале́на или про́псину и с ладйи́ шло́пниш вон /

васлом другой рас папала / мы на грапках ездили / да вечыра ловиш судаки / тапер ни такии годы / мы угароды малинки даржали / йаблъки ат истонцаф купили / кажда васкрисенйа вадили вазам да таки харошыи йаблъки што ест так ва рту и рассыпалиса / машкам так и пакупали / кана даржали с мужыком фпарот пажара / мой мужык заботный был / пйаница припйаница а и на пъли и на зири / чырис фсу даревну был рыбак каждый могит сказат / йа ни чова ни знала, взади йаво хадила а впиради нигде самой ни нада была иттит / в мана дети ни хадили в пола, толки дома то в йагъды, лон тагали как пъдрасли, вазат хадили йаръвыи / тагда фсо сеили тожы куплали / истонцы приедут за рыбай, привадут хлеба, амманаиш / сто двести пудов наменана хлеба была.

Сады разводат тапер / в мана дваццыт йаблан пасажына / пирицватут вси йаблъни ну никаѵда нету йаблъкаф на зем так и падайут / какой-та рак пъйавифшы ф садах / как толки развадутса так раки там / можэ и мароз зато шта оттипил был, йон толки атпустил и мароз десит градусъф / была шкура-та аташла вса чыста.

Эта руска вайна прадлилас гарас долга / в этуйу вайну были викувырины вон а ф туйу мы на были высилины / судыка приехали в чатверъг как рас пираехъла руска-та вайна судыка а то была на той стараны / пришли пагладели с мужыковым братам што згарефшы / мы гаварит астанимса суды на зиму хот в байенку хот на камин а толки в свайу даревну / пус где ни е / нашли квартеру противу где калодиц / некътърыи домы быфшы ни аграбили / хазаива были напротив власти / сынавйа в их были разбажафшы / аднова тут в озири убили / в лодках паехъли чэрис /

адин брат убажал ф кусты, младшыва убили на вады-та / привали мортвых-та тут на кладбишшы и схранили / мы на угалку апат тут жыли / окны в нас были са свайова дома увадоны / тада эдьки рамы фставили и жыли пакамис этат дом выстрьили / йа чатырнаццьтый гот жыву аннайа / састра в мана аннайа в валиких руках на пензии.

Старик был забалей / год врема пабалей и помир / кагда старик паморшы ани (сети - В.М.) астафшы съмалоныи / дымам прашоццы крысы ни йадут / мне нечьга им делат / сат (зять - В.М.) свой запас палажыл в саротку / запас сами вазли, тапер с вабрики дайут / если самы савили так купили штоб на вазт / сажни две мерат кол пастават а запасину к колу приважут / IO - II колиев с сеткай эта стенка / одужда приважут на колии / другой ристиц натагайут наскасок / задворак здес напираду / тапер задворка на ставят / вот эта крылии / па стенки идот рыбина и входит в саротку / с кички рыбу вон дасталут / падбарутса к горли и с аннова горла в другой вытрахайут / сама харошa рыбина в нас судак и шабор / вычистиш, пасолиш, высахнит / вазмош рыбу высушыну в катол накипатиш кипатка тагда в гаршок-та в этакий фтисниш рыбину / чай пиош рыбину кипатком налиош и закусываиш / што окун што судак крепка така рыбина в ней нету мелкай кости / вимба-кала как йон па-руски-та низашто ни придумайу / вимбаф мала пападаитса.

3. К о л п а к о в Семен Иванович (60 лет, 6 классов образование)

Кагда значыт у нас в мехикорми цырковна опшыства ришы-

ла цэркаф паставит / штобы эту цэркав ухватит самадейътилнаст устроилис / аднакратныи пиески ставили, жынитбу / кака-та интаресна финска пиеска была "пату ойнас" / с етай чут ни в симих мистах выступали / йа начал фпарот жанитбы рукъвадит этим делам / увлокса к этаму делу, аргънизатър был / кто выступали на сцэни ни фсагда палучалас / гавару зубри взади мина / йаму цалут а он гаварит с мана ничаво ни палучыцца / у наво выходит рол старика доктъра / на лубовну рол ваапшэ нилза каждъва / салистаф была многа / частушки танцавали канечным намиром / райалиф не была / кичыт гармошка или на гитары / акордион и байан ест / пад ета сапръваждению давольна многа выступали / марйа та ни выступафшы на сцэны.

Супритки в нас в мехикорми были иначы / днем сабиралис ужэ утрам фсе маладож са свей работай / работа красты матали девушкам, памагали - инструмент такой чэм сетку важут / тагда знакомства ужэ сътварали к вечыру с той девушкъй услуга которъй была зделъна / вечырым патънцавали и тем кончылас заводнишный ден / а цэлый ден трудилиса и дажы выйстус как эта сравнавалиса кто больш сважыт / а дома радители требъвали штоб вы туда ни сабираитис дла таво штобы хихикът / фсагда вечырым атец пракънтралиръвал как работа сделана / рабатым тожы были заданийа но рабаты магли атварнутса ат етъва дела / девушка работъит, парин работъит и сибе выбирал трудъспасобную девушку, штоб каку линтайку ни взал.

Вот врас пришол какой-та чылавек прасилса на квартеру начават / папашка гаварит начават табе рана шта ты ишшо можыш далако уйтит / а устал, прастити / ну штож начлег за плечам

ни носат / осталса он значыт к нам, пашол па даревни пагулат, приходит и гаварит у вас здес калдунйа ест, вот где калодиц стаит пирид акном / ана плахова могит сатварит многа / если ана придот вот зделъйти так / клепик эта вострым канцом нож, чэм боръва убивайут, сунти в липу с воннъй стараны ана с комнъты вон ни выйдит пакамис вы этат ни вытъшшыти нош / пришла ана к нам зат и падделъл / ана и закружылас, всо крутилас а вон ни вышла / мама испугалъс и вытъшшыла нош / ана нам случылас ушшэрп са скатом / карова в жалтуху папала, боръф уташшыл афцу разарвал.

Ат кавалера свадибныи прийажжайут к навесты с цватом / кагда нету прастых цватов тагда з бумаги делъйут называитса краса / ана стаит в вази или в чэм-та на стале и пръдайут / тагда сколка кто придлагайут вот (платити) такуйу цэну раншы ни пръдайом / таргуйутса и денги плотут за красу и тагда навесту палучайут и едут ригиставатса или ванчатса / букет значыт ф какуйу цэну ани цанили нужна была выкупит.

Кагда майа старшъйа састра выхадила замуж олга тагда волъсы часали и припавали / кто волъсы чэшыт тот на тарелку кладот сумму / два раза чыхнот и апат кладот денги туда и пели песни тожа /

распалис ты парнъйа байонка
разгариса ты краснъйа каминка
парасплачса ты наша душа
лизавета владимиръвна
куда ты приклониш свайу галовушку
какой найдотса тибе молъдиц /
Вот так фсо эта припавали.

4. С о́ с н и ц к а я Александра Ивановна (урожденная Короткова, 55 лет, образование 4 класса).

Лет со́рък бу́дит абра́тна как ру́ски кла́дбишша здес / с двум пиракла́динам ра́нни правасла́вны кра́сты / ра́ншы-та атсу́да вази́ли в ра́пину / в изме́нка напълави́ну бу́да ру́ских / в лыбо́фки па э́ту сто́ръну ра́ки ест исто́нцъв и ру́ских а па ту палуве́рцы / йазы́к их как в чухны́ (сету - В.М.) / за́втра пра́зник так мо́жа маладо́ж пайе́де на мато́ры па́тров ден пра́знъват / ткут ишшо́ в на́шъй даре́вни, адна́ палуве́рка взатъйа / в э́ту зи́му мно́га кавро́в вышыва́ли шырста́нам пра́жам / та́пер гавара́т кружава́ в мо́да идо́т / купла́йут кружава́, ра́ншы фсо ва́зали.

5. К о р о т к о в Петр (65 лет, бывший председатель колхоза)

С симна́ццыти ле́тнива во́зръста мне пришло́с ужэ́ рыба́чыт а йа был всо́-тъки ис крупнъй самйи / посли вайны димъбилизавалса и пъступил притсадатилим даннъва калхоза / у мина́ ест гъсуда́рствиннъйа награ́да / па́митник паста́влин тава́ришшам като́рыи па́ли в васмина́ццытъм гаду́ / би́лъгварде́йцы растрила́ли краснъгварде́йцыф / на сле́душшэ у́тра йа прахади́л ми́ма э́тих труп, там диватна́тсът чилаве́к была / ани́ схаро́нина туды́ пад ма́линкий па́митник на кла́дбишшах / где па́митник там правасла́вныи кла́дбишша / тут была и ру́ских и исто́нцъф йа нашчы́тывал чут ни на пълави́не / са́мыи ру́скии рыжо́вы, калпако́вы, бу́лкины / не́кътърыи изма́нили сваи фами́лийа и ни зна́иш рыбако́вы ани́ или ра́ндвере.

6. К о л п а к о в а Мария Григорьевна (54 года, образование 3 кл.)

Гада́нйа бы́ла така́йа / паста́ршы де́вушки гада́ли а ни хате́ли нас взат / мы падгъвари́ли адну́йу то́тинку пайдо́м с нам вме́сти гада́т в ба́йну / ну вот ана́ гъвари́т вазми́ти вады́ ва́дро́ и бари́ти ка́мишык с ка́минки / загада́йти сво́кър, свакро́ва и муж / и като́рый ка́мишык зашышы́т в ваде́ тот худо́й бу́дит / вот пъдгла́дели э́та па́рни да падпо́рли две́р-та / мата́ра ста́ли уж в ро́зыски.

На но́вый год гада́ли / на́да взат са сваи́х нок ту́фли и́ли сапаги́ и пира́кинут чыри́с кры́жу и пато́м взат чатыри́ карала́ с ка́ртъф и вы́бажат на у́лицу и паслу́шат в каку́ сто́рыну саба́ка ла́ит ф ту сто́ръну за́муж вы́йдиш.

Пае́хъли мы ванча́тса и забы́ли сваи́ ванча́лныи пла́тйа / йаво́ пла́тйа бы́ли аде́тыи / устънави́лса наш по́ис в ме́кси и а́лберт прэс варну́лса абра́тна и е́хъли ззаду с пла́тйам.

Наш ма́лчык-та ма́линкий и тот заме́тил што ана́ ни́правилна гъвари́т / то́та ма́на гъвари́т то́та ири́ша сказа́ла на́ша ко́лка, наш ва́лка / жэ́ншыну как мушшы́ну ска́жыт муской рот.

На́ зи́ра гъвара́т э́та пъпрасто́му па дира́ве́нски / на́ зи́ра уе́хъл мой / ф по́лих аны́ хо́дут ф крастйа́нъх / пасу́т каро́в э́та называ́итса - ф по́лих, а на́ пъли э́та на рабо́ту / мно́га сне́гу ма́ла гъвара́т, мно́га сне́га кане́шна.

Ра́ншы была́ като́ха така́ дуби́ла кра́сна така́ кари́чнива / кагда́ се́ти сва́зо́м так ей дубла́т што́б тво́рдыи бы́ли што́б чэ́риф ни приставал бы / тапе́р таво́ като́хи не́ту.

7. Б у л к и н Степан (74 года, образование 4 класса)

Каранной домик в мана с атсом строин / у атса быва там павдужыны датей памог им выстръит / ахота быва на землу / в мана срествы были в каманнъй зарабатывал / руским бокъм строит хадили / с сами лет в истонцъх ф полих хадил / так лет да шышнацыти прапутълса в истонцах / в нас самли в мехикорма савиршэнна не быва / памешшыки вадели вадой ни толки замлой, ну памешшыкъф-та выгнали патом и рассалилис.

В вайне пришлос мне боли трох гот ф фронти участвъват / фронт в мана прайдона сем восим рас так на спаходи чут ни шах ф шах да самъй румынии / пришов-та я слабый палужывой / немиц шэст волн газа напустил / йа абучон был на гас-та / йа был афицэръм в роты кагда аристава́ли афицэръф-та да удрали фси па ночъм, ретка каторы дном / вайна-та этат пишаходнъйа была падвоза никакова / наша дивизийа движылас да минска / как пришли так на улицы и улаглис...